
Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2024. Том 18. № 1

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – К. П. Турцева

Редакционный совет

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по
общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный
университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хок-
кайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингем-
тоне (США)

Выпускающий редактор П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2024

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Окунев И. Ю., Любимова А. Д., Якушева Е. А.</i> Пространственная зависимость в распределении этноконтактности и конфликтогенности на постсоветском пространстве.....	5
<i>Сагитова Л. В.</i> Этничность в политике идентичности постсоветского Татарстана: от «парада суверенитетов» к прагматике управления культурой	17
<i>Грабевник М. В.</i> Политико-территориальная целостность Соединенного Королевства: институциональные инновации и подражательный изоморфизм.....	29
<i>Крикунов К. А.</i> Неинституциональные аспекты регулирования конфликта интересов: роль факторов доверия и индивидуализма	41
<i>Растегаев Д. О.</i> Дилемма этнической безопасности как аналитическая модель конфликтности: пример гражданской войны в Хорватии (1990–1995).....	50
<i>Ушпаров И. А.</i> Структуры нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне в публичном дискурсе Республики Карачаево-Черкесия.....	61
<i>Пилкина М. В.</i> Гендерные аспекты карьерных траекторий женщин в России	73
<i>Субботина А. А.</i> Факторы конфликтности конкурсов на должность главы муниципалитета	82
<i>Андросова Я. С., Кирчанов М. В.</i> Трансформация образа Ататюрка в современной мемориальной культуре Турции	94

Международные отношения

<i>Kotsur G.</i> Concepts of strategic sovereignty and autonomy and the image of the future in the official discourse of the EU	103
<i>Турхан О. А.</i> Вызовы формирования санкционной коалиции против России и многополярная система	112
<i>Радина Н. К., Козлова А. В., Тарасов С. В.</i> Восток и/или Запад: представления о российской науке в координатах популярной геополитики.....	122

Обзоры

<i>Богачев М. И., Фридман (Ланай) А. Д.</i> Безопасность как дискурсивная практика: идентичность и формирование дискурса социетальной безопасности	135
<i>Ковин В. С.¹</i> Двадцать лет электоральных исследований в Отделе по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН (Опыт наукометрического анализа предметного поля)	145
К сведению авторов	158

¹ Ковин Виталий Сергеевич 25.11.2022 включен Минюстом России в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Assistant, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Okunev I., Lubimova A., Iakusheva E.</i> Spatial correlation in the distribution of multi-ethnic and conflict zones within the Post-Soviet region	5
<i>Sagitova L.</i> Ethnicity in the identity politics of Post-Soviet Tatarstan: From the “parade of sovereignties” to the pragmatics of cultural management	17
<i>Grabevnik M.</i> Political-territorial integrity of the United Kingdom: Institutional Innovations and mimetic isomorphism	29
<i>Krikunov K.</i> Non-institutional aspects of conflict-of-interest regulation: The role of trust and individualism	41
<i>Rastegaev D.</i> The ethnic security dilemma as an analytical model of conflict: the case of the civil war in Croatia (1990 – 1995)	50
<i>Ushparov I.</i> Narratives on the deportation of the Karachay people and the Caucasian War in the public discourse of the Karachay-Cherkess Republic.....	61
<i>Pilkina M.</i> Gender Aspects of Women’s Career Trajectories in Russia	73
<i>Subbotina A.</i> Conflict factors in public contests for the position of the head of municipality	82
<i>Androsova Y., Kyrchanoff M.</i> Transformation of the image of Atatürk in the modern memorial culture of Turkey	94

International Relations

<i>Kotsur G.</i> Concepts of strategic sovereignty and autonomy and the image of the future in the official discourse of the EU	103
<i>Turhan O.</i> Challenges of sanction coalition formation against Russia in the multipolar system	112
<i>Radina N., Kozlova A., Tarasov S.</i> East and/or West: perception of Russian science in the context of popular geopolitics	122

Reviews

<i>Bogachev M., Fridman (Lapai) A.</i> Security as a discursive practice: identity and the formation of the discourse of societal security	135
<i>Kovin V.</i> ¹ Twenty years of electoral studies in the Department of Political Institutions and Processes of the Perm Federal Research Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Experience in scientometric analysis of the field)	145
Information for the authors	162

¹ Kovin Vitaliy 25.11.2022 included in the register of foreign media performing the functions of a foreign agent by the Russian Ministry of Justice

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-5-16

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЭТНОКОНТАКТНОСТИ И КОНФЛИКТОГЕННОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И. Ю. Окунев, А. Д. Любимова, Е. А. Якушева

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, директор Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. ResearcherID: E-4038-2012).

Любимова Анастасия Дмитриевна, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: a.luibimova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0009-5858-4161. ResearcherID: GOK-2129-2022).

Якушева Екатерина Андреевна, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений,

Институт международных исследований МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

E-mail: e.iakusheva@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0003-2907-0301. ResearcherID: JQJ-2262-2023).

Аннотация

В этнополитологии получил распространение тезис о наличии прямой зависимости между этнической мозаичностью и частотой возникновения конфликтов. Постсоветское пространство характеризуется сложной этнической структурой и наличием высокого конфликтного потенциала. Для проверки гипотезы был построен ряд корреляционных моделей, где в качестве переменных были взяты: математическая сумма конфликтов за период с 1992-2020 гг. на основе данных проекта Гейдельбергского института “Conflict Barometer”; единицы административно-территориального деления второго уровня (с целью корректного расчета эффекта соседства - в масштабах всего региона и отдельно взятых стран поочередно); процент доминантного этноса по переписи населения. Построение пространственной корреляционной модели позволило приблизиться к ответу на вопрос, связан ли этнический фактор с возникновением конфликтов на постсоветском пространстве и значим ли для данного феномена эффект соседства на разных территориальных уровнях. Интерпретация полученных результатов на основе первоначальных границ исследования не позволяет говорить о наличии статистически значимого коэффициента корреляции. Более высокий уровень зависимости между переменными наблюдается при изменении границ выборки, а именно в субъектах со средним уровнем конфликтов при рассмотрении всего региона Центральной Азии. Таким образом, зависимость между этноконтактностью и конфликтностью, выраженная здесь коэффициентом корреляции, является нелинейной.

Ключевые слова: постсоветское пространство; этническая идентичность; этнические группы; этничность; этнополитика; конфликтный потенциал.

Было бы ошибочным утверждать, что в научном дискурсе совсем нельзя встретить не только тезис об этническом детерминизме (Регулирование этнополитической..., 2017; Kaufmann & Naklai, 2008; Брубейкер, 2010), но и даже сами рассуждения о воздействии этноса, этнополитики и сопря-

женных аспектов на конфликтный потенциал, будь то эскалация или деэскалация каждого конкретного конфликта. Кроме того, в отношении постсоветского пространства вопрос об этнически «окрашенных» конфликтах, имеющих таковой подтекст или непосредственный повод к развитию, стоит достаточно остро, но отнюдь не в академической среде, за редким исключением (Колосов и Трейвиш, 1996).

Рассуждения о взаимосвязи этнокультурных аспектов и социальной напряженности можно встретить во многих трудах по этнополитологии. Например, Д. Горовиц приводит тезис о негативном воздействии этнического фактора на процесс решения социетальных проблем в разделенных обществах (Horowitz, 1985; Горовиц, 2007). Он также пишет о мобилизации этнокультурных ресурсов (язык, традиции) в процессах постколониального нациестроительства или на ранних этапах колониальной борьбы, приводя в пример случаи Шри-Ланки и Мьянмы. Это свидетельствует о признании за этничностью способности влиять на течение конфликта. Подробнее это было описано политологом и этнографом Б. Андерсоном на примере колониальной Индонезии (тогда голландской Ост-Индской компании), где он указывал на манипуляции с этнолигвистическими и этнокультурными категориями при проведении переписей, которые организовывались аффилированными с метрополией властями и «в пользу» последних же (Андерсон, 2016). Таким образом, в научном дискурсе есть мнение о способности этничности как явления воздействовать на социальную напряженность и конфликтный потенциал в обществе.

Несколько более радикальный тезис, а именно тезис о полиэтничности как детерминанте конфликта, встречается реже, в частности, в силу «чувствительности» этих категорий и потенциальной силы подобного утверждения. Д. Познер провел сравнительное исследование моделей поведения в отношении друг друга двух этнических групп – чева и тумбука, проживающих в Малави и Замбии (Posner, 2004). Очевидно, что условия их сосуществования разнятся вместе с территорией расселения, что, в свою очередь, по мнению автора, играет решающую роль в развитии конфликтных ситуаций. Причину эскалации существующих противоречий он видит в возрастании численности этноса в пропорции ко всему населению данной территории, то есть если речь идет о межэтническом внутреннем конфликте (гражданская война), то его эскалация до уровня вооруженного противостояния тем выше, чем больше по численности этнические группы, соотносимые с диадой конфликтующих. Если этнические группы внутри одной страны малочисленны, то существующие между ними противоречия не находят воплощения в политической плоскости [if the *cultural* cleavage defines groups that are too small... the cleavage will remain politically irrelevant]. Следуя этой логике, можно отметить, что мобилизационный потенциал малочисленных групп также существенно меньше.

Приведенная выше цитата означает присутствие в научном дискурсе точки зрения, связывающей конфликты или, по меньшей мере, конфликтный потенциал с социокультурным, иногда напрямую этническим фактором. Авторам работы представляется разумным подвергнуть этот тезис здравому научному скепсису и апробировать его состоятельность путем сведения к ряду гипотез и наложения на них определенного инструментария. Впоследствии, получив подтверждение или опровержение соответствующей гипотезы, сможем делать выводы об отдельных аспектах генезиса конфликтного потенциала на постсоветском пространстве, под чем подразумевается удельный вес этничности и ее аспектов в росте конфликтного потенциала (проверяемый тезис диктует необходимость изучения именно прямой зависимости) самого по себе, а также по отношению к его дисперсии в пространственной плоскости.

Принимая за нулевую гипотезу условное отсутствие связи между этническим однообразием и количеством конфликтов, то есть утверждение, что этноконтактность и конфликтность не коррелируют, выдвигаем несколько рабочих гипотез:

H1: Закономерной альтернативной гипотезой будет тезис о наличии корреляции между этноконтактностью и конфликтностью, где методом проверки состоятельности гипотезы будет являться выведенный показатель коэффициента Пирсона.

H2: Логичным выглядит развитие данной гипотезы, вне зависимости от ее состоятельности, в сторону поиска пространственных зависимостей как одного из возможных факторов, обладающих воздействием на конфликтный потенциал в каждом отдельно взятом субъекте: образуют ли субъекты с высоким процентом иноэтничного населения (то есть высокоэтноконтактные субъекты) кластеры или же в данном случае мы не можем наблюдать пространственную зависимость. Здесь будет применен локальный индекс Морана для одной переменной.

H3: Наконец, наблюдение данной взаимосвязи не будет полным, если оставить за рамками исследования рассмотрение коррелированности процента доминантного этноса и количества кон-

фликтов (интенсивности конфликта), однако уже на страновом уровне, что диктует повторное использование локального индекса Морана с измененной (по отношению к рабочей гипотезе H2) матрицей соседства.

Центральными для всего исследования понятиями являются этноконтактность и конфликтогенность. Под этноконтактностью мы будем понимать процент граждан, не относящих себя к доминирующему этносу (насколько об этом позволяет судить система проведения переписи населения). Это позволяет измерить, насколько этнически неоднородна эта территория. Приведем пример из базы данных по этноконфликтогенному потенциалу на постсоветском пространстве: показатель этноконтактности Адажского края, ранее бывшего в составе Рижского района, составляет 29,6 % (2020), а ранее, до членения Рижского района на более мелкие единицы АТД, этот показатель был равен 49,9 % (1989). В данном случае это означает, что в 2020 г. в Адажском крае проживало 29,6 % человек, не относящих себя к доминантному этносу (в случае Латвии – к латышам; соответственно нелатыши здесь – русские, литовцы и другие этносы), а в 1989 г. их число было выше (49,9 %).

Конфликтогенность связана с самим понятием конфликта. Конфликт может быть операционализирован по-разному: количественно (по числу жертв, по длительности и др.) или качественно (вооруженный / невооруженный, диалог конфликта и др.). В данной работе, однако, было принято решение следовать определению Гейдельбергского института, данному в проекте Conflict Barometer, и не проводить вторичную дифференциацию учтенных наблюдений по критерию «конфликт / неконфликт». Таким образом, были взяты все перечисленные в указанном проекте зафиксированные конфликты (высокой интенсивности) или конфликтные ситуации (меньшей интенсивности).

На стыке конфликтологии и этнополитологии исследователь найдет систематизированные формы, особенности целесообразного сочетания и нюансы общего плана в вопросах взаимодействия этнического и конфликтного. Примечательно, что перечисленное выше не всегда характеризует явления политической жизни «на местах» (непосредственное развитие и течение конфликтов), а может быть соотнесено с более вербальными феноменами – например, с перформативными актами (этнополитика) или конструированием этнической идентичности (Taylor, 1994). В соответствии с исследовательским вопросом данной работы целесообразным будет указать на типы поведения индивидов, отражающие их отношение к собственной или сопряженной (по линии «Мы / Другие») этнической идентичности: аффирмативный, конструктивный, индифферентный и деструктивный. Здесь нам в первую очередь интересно *аффирмативное* поведение (Weber & Hiers & Flesken, 2016). Данный тип поведения отличается широким спектром потенциальных последствий для общества: этнофор с аффирмативным поведением в отношении собственной этничности может как поддерживать ее сохранение, например, выступая носителем языка или принимая активное участие в продолжении значимых традиций, так и стать агентом экстенсивной экспансии его референтной этничности, выступая за подавление права «Других» на принадлежность к иной этнической группе или дискриминируя другой этнос, в том числе и прибегая к физическому насилию (Widlok, 2015; Тишков и Шабаев б.д).

Данная категоризация достаточно строга и не подразумевает «переходных» состояний; ряд исследователей отмечают фактическое наличие *гибридных* идентичностей (Малинова, 2015). Индийский исследователь Х. Бхабха пишет о явлении мимикрии среди граждан бывших метрополий. Оно также имело и обратную силу, то есть было характерным паттерном поведения и в колониальную эпоху, когда те соотносят себя с гражданами бывших колоний. Поведение, характеризующееся внешним, поверхностным заимствованием идентичности доминирующей социальной группы, создает расщепленную, *расколотую идентичность* (Bhabha, 1994).

Одним из направлений расширения исследования и продолжения дискуссии может стать более глубокое погружение в вопрос устойчивости этнической идентичности и поиск теоретизированной модели динамической, а не статической идентичности. Большее количество «полутонов», мыслимых делений на шкале идентичностной ориентации может быть реализовано в изучении процессов «этнического транзита», в целом угасания этнического элемента в идентичности субъекта или изменения этнической принадлежности, например, посредством межэтнических браков (Horowitz, 1985). Кроме того, определенное развитие конфликтной ситуации может изменить когнитивные и даже географические границы этносов, воздействовать на их самоопределение и положение относительно других этнических групп (Малинова, 2015), что создает ситуацию, близкую к рекурсии, то есть циклическим и взаимоконституирующим изменениям сути конфликта и рассматриваемого этноса. Отметим, что, признавая феномен *индексикальности* этничности, описанный П. В. Осколковым и несущий в себе идею адаптивности и изменчивости связанных с этничностью моделей поведения, равно как и тенденцию самой этнической идентичности меняться, авторы все

же принимают этническую идентичность в ее статике, что гносеологически делает возможным проведение математических расчетов.

Измерение уже имевших место конфликтных ситуаций представляет собой стремление операционализировать понятие конфликтности, что методологически выражается в шкалировании интенсивности каждой конфликтной ситуации и в количестве последних за отдельный промежуток времени. В данной работе конфликтность измерялась для каждого объекта наблюдения за период с 1992 по 2022 г. (причина выбора таких дат будет объяснена далее), отдельно за 1992–1999 и 1999–2022 гг., где для каждого года наблюдений объектам были присвоены баллы, обозначающие сумму интенсивности зафиксированных конфликтов.

Следует внести ясность в отношении эмпирической части работы, указав, что под постсоветским пространством авторы понимают территорию стран бывшего Советского Союза, а именно: Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Республики Беларусь, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Молдовы; а также государств с оспариваемой суверенностью: Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии. Отдельно были выделены субрегионы: Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония), Центральная Азия (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В качестве единицы анализа были избраны административно-территориальные единицы первого уровня всех указанных стран постсоветского пространства, и использованные в расчетах показатели этноконтактности и конфликтности приводились в отношении каждого отдельно взятого региона. Таким образом, исследование проводилось на основании выборки в 311 объектов наблюдения, выборка охватила всю территорию бывшего СССР.

Смысловое наполнение понятий этноконтактности и конфликтности, описанное выше, определяет использование источников, максимально приближенных к наличию объективных данных (в той степени, в которой это возможно с учетом специфики предмета исследования в определенных регионах) – для этноконтактности, и источников, уже сформировавших базу данных с надежной методологией – для конфликтности. Авторы обращались к результатам национальных переписей населения, взятых из отчетов статистических ведомств, оцифрованных архивов (для переписи 1989 г.) соответствующих комитетов времен Советского Союза и иных источников в режиме открытого доступа. Данные по конфликтам были взяты из проекта Гейдельбергского института Conflict Barometer, в котором с 1992 г. ведутся наблюдения за динамикой конфликтов. Это обуславливает наличие временного разрыва между началом и концом временного промежутка измерения этноконтактности (1989, 2020) и конфликтности (1992, 2022).

Проверка гипотез была проведена посредством анализа первичных данных в геоинформационной системе GeoDa, где был выведен коэффициент корреляции Пирсона, проведена работа с матрицей соседства и рассмотрена справедливость тезиса о кластеризованности конфликтности в отдельных странах и макрорегионах постсоветского пространства через «призму» этноконтактности. При работе с коэффициентом корреляции учитывались статистические критерии: значения p-value, то есть рекомендуемая мера доверия к полученным результатам, критерий Стьюдента и иные способы сделать более надежными полученные при работе с количественными методами результаты (Bochsler et al., 2021). Авторы также учли данные нюансы при оценке зафиксированных показателей и анализе выведенных значений, что будет раскрыто отдельно при тестировании каждой гипотезы.

Важно указать на определенные изъяны математических методов в социальных науках, что вынуждает исследователей принять на веру ряд допущений о природе статистических выводов. Пять таких допущений совокупно также известны как условия Гаусса – Маркова. Нас в этой работе прежде всего интересует отсутствие автокорреляции ошибок ($\varepsilon_i \sim \varepsilon_j$), то есть тот факт, что значения по всей выборке, отклоняющиеся от рассчитанного нами в ходе вычисления коэффициента корреляции, таковы не из-за самого факта наличия отклонений по выборке. Для жизнеспособности гипотез и всей статистики крайне важно, чтобы ошибки, отклонения ожидаемого от реального, не становились членом функции, а именно объясняющей переменной, образуя тем самым множественную регрессию противоречивой природы.

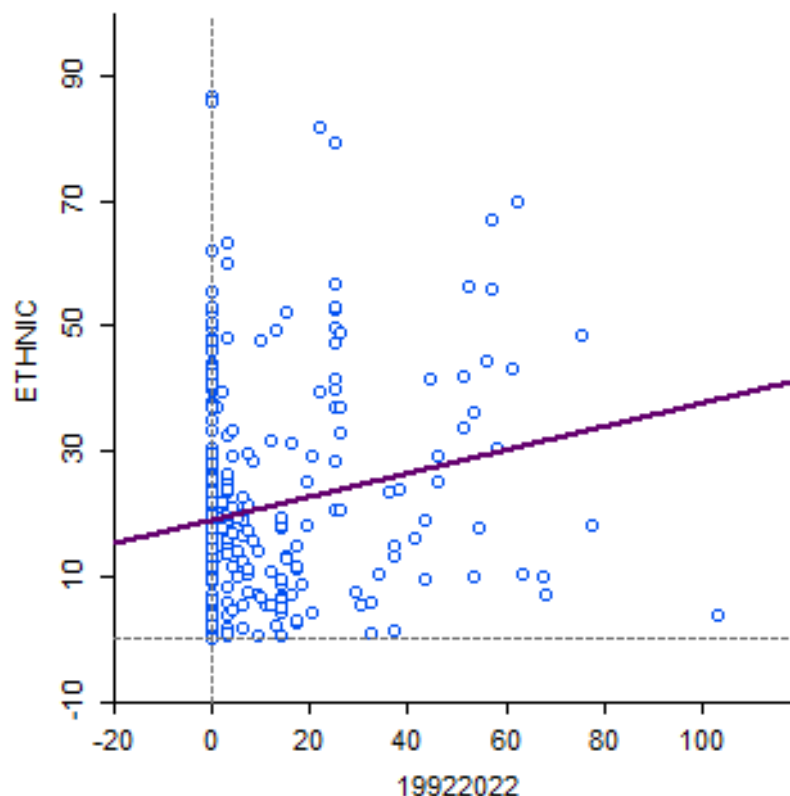
Позволим себе сразу обозначить, что будет являться зависимой (объясняемой) и независимой (объясняющей) переменной, что для всех рабочих гипотез будет неизменным, а также описать используемые матрицы соседства (для гипотез H2 и H3) и дать их обозначения:

- Y – конфликтность: сумма баллов конфликтности региона с 1992 по 2022 г. по барометру конфликтов Гейденбергского института изучения конфликтов (зависимая переменная);

- X – этноконтактность: доля населения, не относящая себя к доминирующему этносу региона (независимая переменная);
- ε – шаг статистической регрессионной ошибки (постоянная переменная);
- Wx – этноконтактность макрорегиона (пространственный лаг – средняя этноконтактность по соседям региона); под макрорегионом понимается регион и его соседи первого порядка; в силу ограничений в статистике рекомендуемый уровень анализа для постсоветского пространства: регионы первого порядка пятнадцати стран бывшего СССР;
- $W_c x$ – этноконтактность страны (пространственный лаг – средняя этноконтактность страны).

Поиск зависимости (и определение ее направленности) между этноконтактностью и конфликтогенностью был осуществлен посредством расчета коэффициента корреляции Пирсона через разницу между i -м значением переменной (значением переменной у каждого отдельного наблюдения) и ее средним арифметическим по выборке, деленную затем на среднеквадратическое отклонение переменной. Далее математическая сумма расчетов для обеих переменных (здесь – этноконтактности и конфликтогенности) делилась на число наблюдений во всей выборке:

$$r_{X,Y} = \frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i - \bar{x}}{\sigma_x} \right) \left(\frac{y_i - \bar{y}}{\sigma_y} \right) / N}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

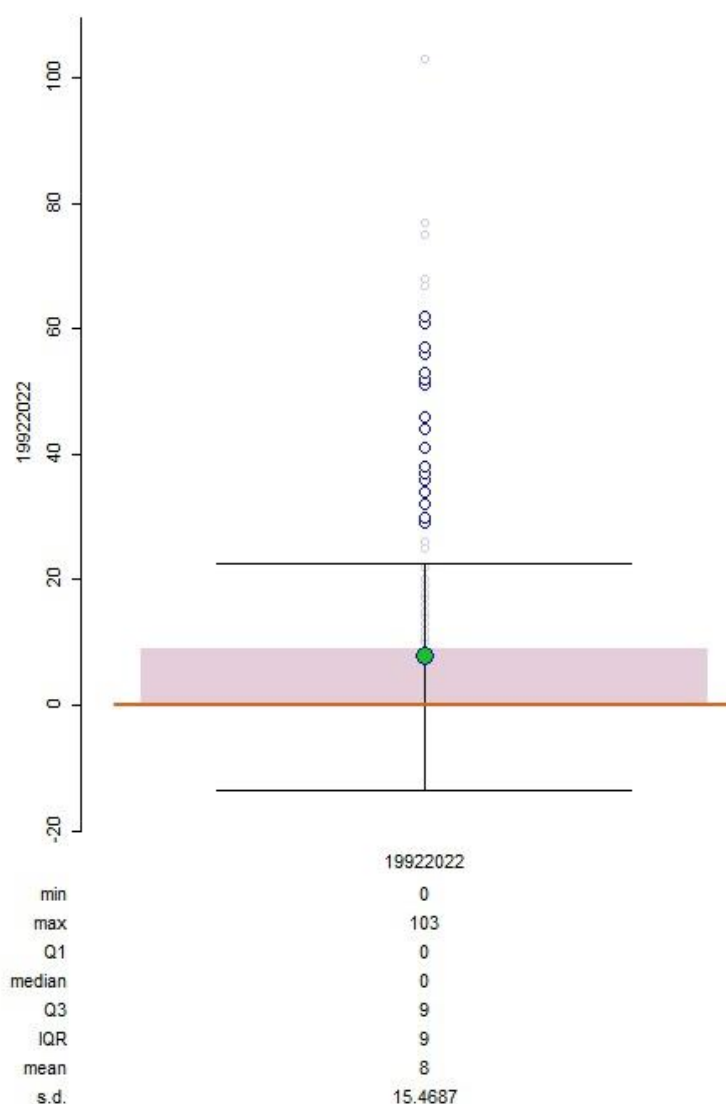

#obs	R^2	const a	std-err a	t-stat a	p-value a	slope b	std-err b	t-stat b	p-value b
311	0.035	19.144	1.081	17.709	0	0.187	0.056	3.338	0.001
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
311	0.035	19.144	1.081	17.709	0	0.187	0.056	3.338	0.001

Рис. 1. Коэффициент корреляции, рассчитанный для гипотезы H1, где y – этноконтактность, x – кумулятивная конфликтогенность

Диаграмма, представленная на рис. 1, показывает, что корреляция достаточно слабая, а само значение коэффициента не позволяет говорить о наличии статистически значимой зависимости: значение коэффициента корреляции составило $R^2 = 0,035$ (при p -value равной 0,001, что позволяет говорить о надежности полученных расчетов). Для социального исследования, будь то политология или социология, приемлемый показатель коэффициента корреляции составляет более 0,5; в таком случае был бы возможен статистический вывод о наличии взаимосвязи между рассматриваемыми объектами.

Однако здесь следует обратить внимание на качество или, вернее, характер имеющейся выборки, а именно разброс и концентрацию значений на оси Y , то есть показателя конфликтности. Целесообразным из этих соображений будет воспользоваться инструментами визуализации данных и прибегнуть к диаграмме размаха (box plot), откуда становится очевидной концентрация значений по ординате на самой линии и около нее, в первой четверти. Более того, видно, что медианным значением выборки также является ноль (рис. 2).

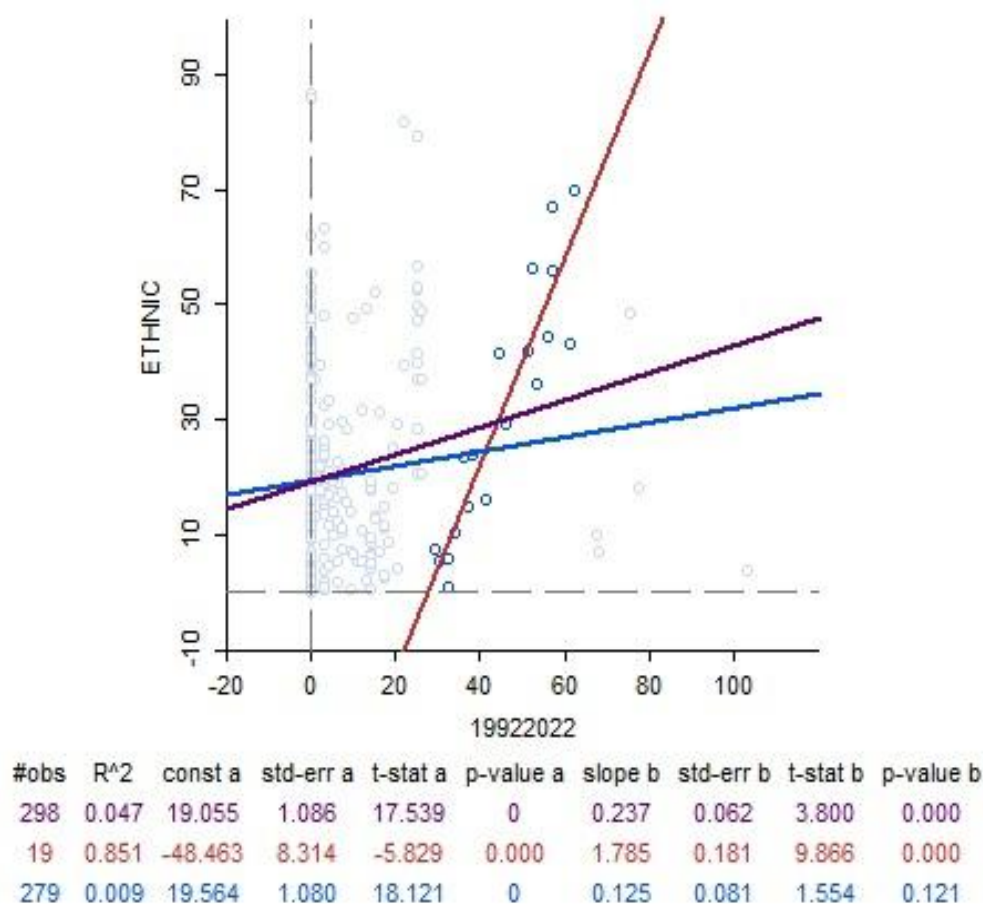

Рис. 2. Диаграмма размаха по показателю кумулятивной конфликтности для всей выборки

Таким образом, существенная часть наблюдений может быть охарактеризована как оказывающая негативное воздействие на репрезентативность выборки: в том случае, когда мы имеем большое количество показателей конфликтных баллов (конфликтность по барометру конфликтов), равных нулю, мы не можем в полной мере быть уверенными в состоятельности исследования – стоит усомниться в информативности данных о конфликтном потенциале по регионам, где его фактически не наблюдалось. Кроме того, для чистоты эксперимента следует исключить регионы-столицы (где таковые являются отдельной административной единицей), поскольку именно столич-

ные города являются абсолютным центром притяжения политических активистов и местом проведения протестов на политической почве, и именно оппозиционного характера. Это может быть объяснено символическим капиталом столицы как административного центра – стремление изменить политику будет возникать в местах силы, где данная политика утверждается и претворяется в жизнь, что, в свою очередь, не будет способствовать чистоте эксперимента, суть которого в исследовании не политически, а этнически окрашенных конфликтов.

В итоге количество объектов наблюдения (регионов) было решено снизить с 311 до 298, а регрессионный анализ ограничить лишь теми регионами, в которых наблюдается конфликт или конфликтный потенциал. За нижнюю границу возьмем тех, чей балл (значение поля «конфликтогенность») более 25, а за верхнюю – где балл менее 60. Как видно из регрессионной прямой для выборки в указанном диапазоне и полученного крайне высокого коэффициента корреляции Пирсона ($R^2 = 0,851$), для выбранных наблюдений характерна устойчивая прямая взаимосвязь между этноконтактностью региона и его конфликтогенностью (рис. 3).

Рис. 3. Регрессионная прямая, рассчитанная для части выборки, где x [25; 60], на основе коэффициента корреляции Пирсона для всей выборки

Примечательно, что в случае отсутствия «верхнего» потолка измерений, а именно в случае ограничения диапазона наблюдений только нижней границей (здесь более 25), когда вне фокуса остается порядка пяти наблюдений, значение коэффициента корреляции не так велико ($R^2 = 0,048$), что препятствует построению статистического вывода. Позволим себе обратить внимание на силу этих оставленных за рамками пяти наблюдений, что своим существованием меняют коэффициент корреляции практически в два раза: $R^2 = 0,047$ с ними и $R^2 = 0,851$ без них. Среди таких наблюдений мы видим, например, Чеченскую Республику, которая была поистине полиэтничной лишь раньше: до массового исхода беженцев с этой территории в результате военных действий. Действительно, в 1989 г. этноконтактность Чечни составляла 42,18 % (с учетом того, что до 1993 г. субъект был частью Чечено-Ингушской АССР), в то время как на 2020 г. всего 3,58 % не относили себя к титульному этносу.

Отметим, что все же нельзя однозначно принять или опровергнуть гипотезу о наличии статистически значимой корреляции между этноконтактностью и конфликтогенностью. На отдельном участке выборки удалось получить результат, который можно было бы трактовать как наличие сильной взаимосвязи между двумя явлениями, однако для всей неоднородной (что было продемонстрировано инструментами визуализации данных) выборки сделать такой вывод не представляется возможным.

Кластеризация сущностно схожа с коэффициентом корреляции Пирсона, однако рассчитывается по другому показателю и с использованием изначально заданной, специфичной матрицы соседства. Явление кластеризации напрямую связано с локальным индексом пространственной автокорреляции Морана, что позволяет оценить вариативность пространственной неоднородности на региональном уровне.

Так, с учетом изменений среднего арифметического $\underline{y}$, отклонения от среднего арифметического $y_i - \underline{y}$ и дисперсии в знаменателе $\sum_{i=1}^n (-\underline{y})^2$ получаем формулу следующего вида:

$$I_{Y,X} = \frac{n}{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}} \cdot \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij} (y_i - \underline{x})(y_j - \underline{x})}{\sum_{i=1}^n (y_i - \underline{x})^2}$$

при $i \neq j$, где n – число пространственных объектов; y_i и y_j – значения показателя y соответственно для i -го и j -го объектов; $\underline{x}$ – среднее значение показателя; w_{ij} – пространственный вес соседства между i -м и j -м объектами; $\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}$ – сумма всех пространственных весов.

Анализ получившегося графика (рис. 4) приводит нас к выводу об отсутствии явления кластеризации конфликтогенности через призму этноконтактности. Кроме того, та слабая зависимость, что мы можем наблюдать, имеет обратный характер. Можно утверждать, что в этноконтактных макрорегионах (то есть единицах анализа АТД первого уровня и их соседях первого порядка) связи между процентом населения, не являющегося доминирующим этносом, и уровнем конфликтогенности не наблюдается.

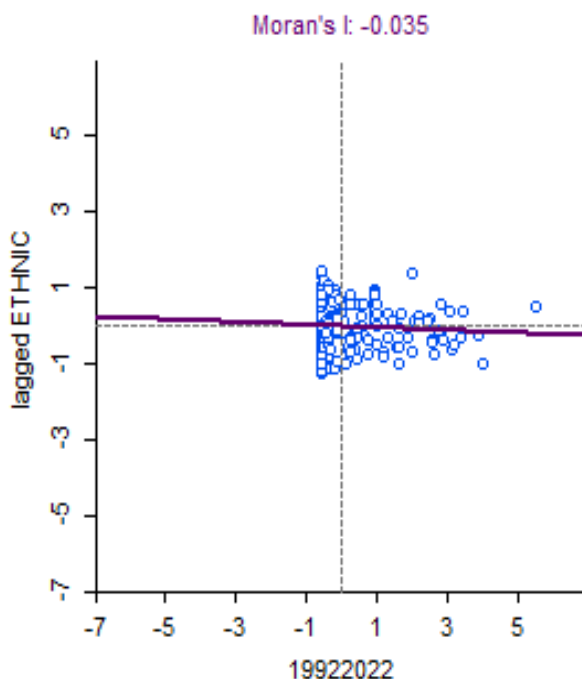
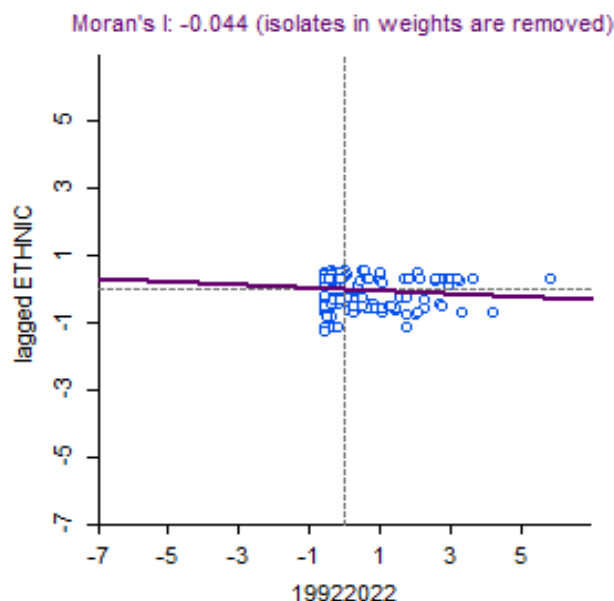

Рис. 4. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для макрорегионов

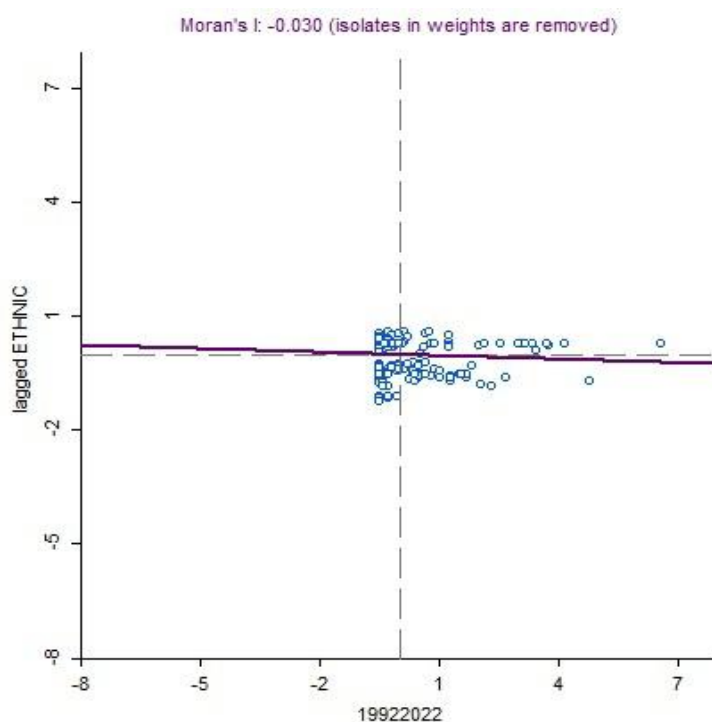
Рассмотрим родственную, но несколько иную по своей сути гипотезу о наличии зависимости между этнической неоднородностью и конфликтностью региона уже на уровне страны, а не географического соседства (то есть на уровне макрорегиона). Изменив формулу, а именно конфигурацию матрицы соседства, мы сможем рассчитать пространственную зависимость, где эффект соседства бу-

дет распространяться на все единицы АДД первого уровня для этой страны, а не на любые регионы, которые имеют общую физическую границу с референтным объектом, вне зависимости от административной принадлежности объектов наблюдения (рис. 5).

Рис. 5. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для стран

Стоит отметить, что и в данном случае можно наблюдать примерно такую же ситуацию, что и при проверке предыдущей гипотезы: зависимость слабая и обратной направленности. Для большей логической целостности расчета следует исключить столицы в силу их особенной роли как центров притяжения политически мотивированных конфликтов (рис. 6). Это осуществимо посредством исключения столиц из шейп-файла, где они были выделены в отдельный регион страны. Тем не менее исключение столиц не принесло качественных изменений в результаты расчетов и лишь подтвердило, что данная гипотеза должна быть отвергнута.

Рис. 6. Индекс пространственной автокорреляции Морана, рассчитанный для стран. Столицы стран исключены из наблюдения

* * *

Подведем итоги проверки выдвинутых в начале исследования гипотез, которые были в определенной степени модифицированы в ходе работы. Гипотезы Н2 и Н3, касающиеся явления кластеризации и направленные на поиск пространственных закономерностей в зависимости от этнического аспекта, следует отвергнуть за их несостоятельность. Рассчитанный для обеих гипотез индекс Морана по двум переменным демонстрирует слабые значения. Экспериментальным путем было подтверждено, что даже за вычетом столиц корреляция все еще слаба. В отношении гипотезы Н1 делать категоричные выводы не приходится, поскольку, хотя коэффициент корреляции по всей выборке невысок, с изменением диапазона выборки в пользу более «умеренных» значений, а именно в диапазоне [25; 60], коэффициент корреляции выглядит более чем внушающим доверие. Это позволяет нам сделать вывод о справедливости гипотезы Н1 для случаев, представляющих «умеренную» часть выборки.

Таким образом, нет оснований говорить о детерминирующем характере этнического фактора в процессе развития различных конфликтных сценариев, то есть нельзя признать наличие сильной и прямой корреляции между этноконтактностью и конфликтогенностью. Вероятно, в таком случае существует какой-то иной существенный фактор, который в большей мере является детерминантой конфликта, либо комплекс факторов, которые кумулятивно приводят к эскалации конфликтной ситуации и реализации конфликтного потенциала. Ввиду этого предстоит продолжить исследование и поиск моделей множественной регрессии. Однако на данный момент можно утверждать, что на территории постсоветского пространства этноконтактность, в частности полиэтничность, не являются тем, что определяет наличие конфликтной ситуации или ее эскалацию в вооруженное столкновение. Иначе говоря, устойчивой связи (то есть способной быть подвергнутой проверке во всех диапазонах выборки) между полиэтничными регионами и регионами «конфликтными» не наблюдается.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта Псковского государственного университета № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Список литературы / References

- Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества*. Москва: Кучково поле. [Anderson, B. (2016) *Imagined Communities* [Voobrazhaemye soobshchestva] Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)].
- Барт, Ф. (2006) *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Москва.: Новое издательство. [Barth, F. (2006) *Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences* [Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)].
- Брубейкер, Р. (2010) 'Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе' в: Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе*. (Т. 1). Москва: РОССПЭН. [Brubaker, R. (2010) 'National minorities, nationalizing states and external national sister states in the new Europe' [Natsional'nye men'shinstva, natsionaliziruyushchie gosudarstva i vneshnie natsional'nye rodstvennye gosudarstva v novoi Evrope] in: Jahn E. (eds.) (2010) *Nationalism in Late and Post-Communist Europe* [Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. [Brubaker, R. (2012) *Ethnicity without groups* [Etnichnost' bez grupp] Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)]
- Казаринова, Д. Б., Дунамяян, Н. А. (2022) 'Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции', *Политическая наука*, 1, сс. 52–79. [Kazarinova, D. B., Dunamalyan, N. (2022) 'Trajectories of development of post-soviet identities: approaches, models, trends' [Traektorii razvitiya postsovetskikh identichnostei: podkhody, modeli, tendentsii], *Political science (RU)*, 1, pp. 52–79. (In Russ.)] DOI: 10.31249/poln/2022.01.02

- Колосов, В. А., Тревиш, А. И. (1996) 'Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 47–55. [Kolosov V. A., Treivish A. I. (1996) 'Ethnic areas of modern Russia: comparative analysis of the risk of national conflicts' [Etnicheskie arealy sovremennoi Rossii: sravnitel'nyi analiz riska natsional'nykh konfliktov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 47–55. (In Russ.)]
- Малинова, О. Ю. (2015) 'Концепт «другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий', *Политическая наука*, 4, сс.154-169. [Malinova, O.Yu. (2015) 'The concept of "other" in identity studies: analysis of contemporary discussions' [Kontsept «drugogo» v issledovaniyakh identichnosti: analiz sovremennykh diskussii], *Political science (RU)*, 4, pp. 154–169. (In Russ.)]
- Маркова, Г. Е., Пименова, В.В. (1994) *Этнология*. Москва: Наука. [Markova, G.E., Pimenova V.V. (1994) *Ethnology* [Etnologiya]. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Мелешкина, Е. Ю., Кудряшова, И. В. (2022) 'После империй: можно ли перековать мечи на орала?', *Политическая наука*, 1, сс. 14–51. [Meleshkina, E.Yu., Kudryashova, I.V. (2022) 'After empires: beating swords into ploughshares' [Posle imperii: mozhno li perekovat' mechi na orala?], *Political science (RU)*, 1, pp. 14–51. (In Russ.)] DOI: 10.31249/poln/2022.01.01
- Пантин, В. И. (2017) *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного многообразия: модели, подходы, практики*. Москва: ИМЭМО РАН. [Pantin, V.I. (2017) *Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices* [Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo mnogoobraziya: modeli, podkhody, praktiki] Moscow: IMEMO. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0512-3
- Садовая, Е., Бардин, А., Довбыш, Е. (2016) 'Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов', *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (9), сс. 57–66. [Sadovaya, E., Bardin, A., Dovbysh, E. (2016) 'Indices of social well-being as a tool for studying and forecasting ethno-political conflicts' [Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya kak instrument issledovaniya i prognozirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov], *World Economy and International Relations*, 60 (9), pp. 57–66. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-57-66
- Тишков, В. А., Шабает, Ю. П. (2019) *Этнопология: Политические функции этничности*. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Московского университета. [Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P. (2019) *Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity*. Textbook for universities. 3rd ed., rev. and additional [Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop.] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)]
- Хобсбаум, Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. Санкт-Петербург: Алетейя. [Hobsbawm, E. (1998) *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality* [Natsii i natsionalizm posle 1780 goda]. Saint Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)]
- Bochsler, D., Green, E., Jenne, E., Mylonas, H., Wimmer, A. (2021) 'Quantitative Measurement of Ethnic and National Identity', *Nations and Nationalism*, 27 (1), pp. 22–40. DOI: 10.1111/nana.12688
- Fenton, S. (1999) *Ethnicity: Racism, Class, and Culture*. London: Palgrave. DOI 10.1007/978-1-349-27560-1
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Kaufmann, E., Haklai, O. (2008) 'Dominant Ethnicity: From Minority to Majority', *Nations and Nationalism*, 14 (4), pp. 743–767. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2008.00362.
- Motyl, A. (2001) *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. New York: Columbia University Press.
- Weber, A., Hiers, W., Flesken, A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 0.1057/9781137349453

Статья поступила в редакцию: 29.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

SPATIAL CORRELATION IN THE DISTRIBUTION OF MULTI-ETHNIC AND CONFLICT ZONES WITHIN THE POST-SOVIET REGION

I. Okunev, A. Lubimova, E. Iakusheva

Igor Okunev, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Director of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: iokunev@mgimo.ru (ORCID: 0000-0003-3292-9829. Researcher ID: E-4038-2012).

Anastasia Lubimova, trainee of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: a.luibimova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0009-5858-4161. Researcher ID: GOK-2129-2022).

Ekaterina Iakusheva, trainee of Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: e.iakusheva@inno.mgimo.ru (ORCID: 0009-0003-2907-0301. Researcher ID: JQJ-2262-2023).

Abstract

The thesis that there is a direct correlation between ethnic composition and the frequency of conflicts on the territory in question has become widespread in ethno-political studies. The post-Soviet space is marked by a complex ethnic structure and high conflict potential. To test the hypothesis, we built a number of correlation models with the following variables: the mathematical sum of conflicts for the period from 1992-2020, based on data from the Heidelberg Institute “Conflict Barometer” project; second level administrative-territorial division units (aimed to correctly calculate the neighborhood effect - at the scale of the entire region and individual countries in turn); percentage of the dominant ethnic group according to the population census. A regression model allows us to come closer to answering the question of whether ethnicity is a determinant of the emergence of conflicts in the post-Soviet space and whether the neighborhood effect at different territorial levels is significant for this phenomenon. While interpreting the results, we cannot conclude that there is a statistically significant correlation coefficient. Changing the range of observations we revealed a higher level of dependence between variables, namely in the constituent entities of the Russian Federation with an average level of conflicts when considering the entire region of Central Asia. Thus, the relationship between ethnic contact and conflict potential, expressed here by the correlation coefficient, is nonlinear.

Keywords: post-Soviet space; ethnic identity; ethnic groups; ethnicity; ethnopolitics; conflict potential.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-17-28

ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТАТАРСТАНА: ОТ «ПАРАДА СУВЕРЕНИТЕТОВ» К ПРАГМАТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ

Л. В. Сагитова

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований,

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия.

E-mail: liliya_sagitova@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1022-6375. ResearcherID: AAA-9915-2019).

Аннотация

Рассматривается динамика институционализации и интерпретации этничности в политике идентичности Республики Татарстан в течение последних 30 лет ее постсоветского развития. Анализ включает диахронное исследование факторов актуализации этничности в различающиеся периоды новейшей российской истории: дезинтеграционного (начало 1990-х гг.) и центристремительного (с 2000-х гг. по настоящее время). Новый ракурс исследования связан с изучением факторов, детерминирующих изменение функциональной составляющей этничности в этнокультурных и этнополитических процессах в рамках российской республики в контексте общегосударственных векторов развития. Фокус на инерционную и динамическую составляющие феномена позволяет рассмотреть их диалектическое взаимодействие, а также его пластичность и ситуативность в контексте динамики политического процесса в современной России. Используемый автором полипарадигмальный подход позволяет выявить основания этноидентификационных процессов в поле политики Татарстана. В ходе анализа раскрывается роль региональной политической и «символьной» элит в контексте динамики политического процесса. Практическая значимость подобного анализа обусловлена важностью учета этнического фактора в условиях политической турбулентности, обусловленной внешними вызовами последних лет.

Ключевые слова: этничность; политика идентичности; политизация этничности; институционализация этничности; политическая элита; «символьная элита»; Республика Татарстан.

Этничность в поле политики: отечественный дискурс

Осмысление места и роли этничности в политике идентичности российских республик началось в период активной регионализации и «парада суверенитетов» с 1990-х гг. (Ачкасов, 2005; Борисова, 2013; Мелешкина, 1999; Дробижева, 1994, 2013; Тишков 1995; 2019; Фадеева, 2011). Исследования в российском обществоведении за последние 30 лет характеризуются дрейфом от этатистской интерпретации этничности (ее институционализация в контексте советской национальной политики с негативной коннотацией национализма) к пониманию сложности и неоднозначности феномена. Радикальный разворот к конструктивистскому и инструменталистскому толкованию этничности под влиянием западных концепций (Anderson, 1983; Brubaker, 1996; Соппог, 1994; Ethnic Groups..., 1982; Hobsbawm, 1990) в 1990–2000 гг. в ходе отечественных эмпирических исследований (Малахов, 1998; Тишков, 1997, 2003) стал смягчаться полипарадигмальным подходом, претендующим на создание синтезной теории этничности (Дробижева, 2020). Этот поворот размыл эксклюзивизм роли элит в качестве основного субъекта этнополитических и этнокультурных процессов, показав значимость этнических сообществ, укоренившихся представлений людей, исторического и культурного бэкграунда в социальных процессах, связанных с этничностью.

Центральная категория этноидентификационных процессов также претерпела смену интерпретаций: жесткая коннотация «этнического самосознания» (Бромлей, 1987) была преодолена понятием этнической идентичности в конструктивистском ключе. Эссенциалистскому пониманию этнической идентичности с опорой на почву или культуру, постоянство, исторически непрерывную и стабильную связь с группой было противопоставлено ее оппозиционное понимание в качестве

«социального конструкта», формируемого субъектами – акторами социальной инженерии: различными группами элит, действующими в определенных социально-политических контекстах. Так, лидер конструктивистского подхода В. А. Тишков рассматривал ее как «процесс социального конституирования “воображаемых общностей”, основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями» (Тишков, 1997: 30; 2003). Однако в данной интерпретации императив веры имеет ограниченный аналитический потенциал для объяснения социальных детерминант идентификационных процессов. Многочисленные эмпирические исследования региональной идентичности социологов и политологов показали значимость эссенциалистских интерпретаций (Дробижева, 2002, Крылов, 2010; Назукина, 2009), что подвело к выводу о том, что в реальности трудно обнаружить как конструируемую идентичность без опоры на «самость», так и «чистую» идентичность, без элементов и механизмов конструирования (Фадеева, 2016: 166). Выходом можно назвать полипарадигмальный концептуальный подход, предложенный Л. М. Дробижевой (Дробижева, 2002: 215). Он позволяет преодолеть ограничения каждого из подходов, поскольку вводит в рамку анализа как сам процесс конструирования, так и глубинные инерционные механизмы, реифицирующие этничность на личностном и групповом уровнях, а также мотивационные детерминанты социальной активности ее носителей (Дробижева, 2017: 417–418)¹.

Исследование влияния этничности на идентификационные процессы на индивидуальном и групповом уровнях, в сопряженности с политическими процессами и деятельностью различных групп акторов, содержит потенциал для выявления механизмов влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов (Семененко, 2011: 8), которые, в свою очередь, способствуют реификации «продуктов» социального конструирования (Бергер, Лукман, 1995).

Этничность, будучи значимым фактором нациестроительства в поликультурных государствах, становится одним из влиятельных аспектов государственной и региональной политики идентичности. В отечественном общественном знании субъектами политики идентичности являются политические или территориальные образования, такие как государство, субъекты Федерации, регионы. В фокусе их деятельности – гражданская, региональная, этническая идентичности (Пантин, 2011; Семененко и др., 2017; Перегудов, 2017). В исследовании нашего случая целесообразным представляется использование определения, данного И. С. Семененко, которая под политикой идентичности понимает «деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему». Автор акцентирует роль государства как ключевого актора политики идентичности, поскольку оно располагает ресурсами (институты социализации: система образования, воинская служба) и инструментами публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия (Семененко, 2017: 647–648.).

Независимо от социально-политической конъюнктуры тех или иных периодов общественного развития целью политики идентичности является «деятельность по формированию идентичности (своего сообщества или того, кто является объектом соответствующей политики) и продвижению отражающих разные идентичности ценностей, интересов и приоритетов в политическую повестку дня» (Семененко, 2017: 651–652). В ее формировании и реализации в качестве активных субъектов действуют различные группы элит: политическая элита, представители экспертных структур, «символьная элита», в число которой входят: научная гуманитарная и художественная интеллигенция, представители масс-медиа, известные в мировом масштабе личности (Сагитова, 1998: 42). Политика идентичности является как производным идентификационных процессов на разных уровнях общественного бытия (глобальный, национальный, региональный, групповой, личностный),

¹ Исследовательница определяет этническую идентичность ключевым элементом субъективной реальности, который поддерживается благодаря механизмам социального конструирования. Она подчеркивает роль агентов-кодификаторов в функционировании этнической идентичности: последняя функционирует ввиду существования в обществе этнических категорий и классификаций, которые усваиваются человеком в процессе социализации. Этническая идентичность – это не только осознание принадлежности к этнической группе, но и эмоционально окрашенный образ «Мы», и этнические интересы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность (см.: Дробижева, 2017: 417–418).

так и инструментом реализации интересов, основанных на субъективном понимании концептов «Я» и «Мы». Именно эти несовпадающие представления и знания о мире, по словам П. Бурдые, стимулируют стремление субъектов произвести или навязать представления о социальном мире с целью воздействия на него (Бурдые, 2003), что выражается в политическом действии (Миненков, 2005).

Всплеск национализмов в начале 1990-х гг. стимулировал исследовательский интерес как к содержанию политики идентичности в российских регионах и российских республиках, так и к механизмам и ресурсам, используемым региональными политическими акторами для ее реализации на местах (Мухарьямов, 2000; Назукина 2009; Цумарова, 2014). Именно в этот период политическая практика продемонстрировала множество примеров использования этнического фактора в выстраивании региональной идентичности, в стратегиях мобилизации этнонациональной и этноконфессиональной идентичности региональными элитами (Авксентьев и др., 2020; Центр и региональные, 2003). При этом опыт многолетних исследований роли этнического фактора в постсоветских республиках РФ Л. М. Дробижевой и ее региональных исследовательских команд позволил сделать вывод об ограниченности влияния элит в качестве социальных конструкторов: «Не все идеологемы, идеи, задаваемые институтом государственной власти, политической, интеллектуальной (художественно-творческой, научной) элитами, становятся представлениями людей» (Дробижева, 2002: 215). Апеллируя к мнению теоретика конструктивистского подхода Э. Хобсбаума, исследовательница подчеркивает диалектическую взаимосвязь в коммуникации «субъект – объект – субъект»: «изобретение традиции» бывает успешным тогда, когда трансляция послания элит происходит на той «частоте, на которую настроены массы» (Дробижева, 2002: 215). Данное обстоятельство стимулировало соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Возросшая в тот период значимость субъективного фактора, эмоциональных категорий, ценностей и символов этнического самосознания в поле политики привлекла внимание исследователей к социокультурным основаниям политического процесса (Ценности и символы, 1994; Национальное самосознание, 1994). Произошедший вслед за этим разворот политической науки к категории идентичности И. С. Семененко объясняет необходимостью концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на социальном, групповом и индивидуальном уровнях (Семененко, 2011: 8).

Диалектичность этноидентификационных процессов в поле политики связана с действием различных социальных институтов. И когда мы говорим об этом в конструктивистском ключе, неизбежно возникает вопрос о первоисточнике этничности: институты формируют (конструируют и закрепляют) этничность или реифицированная этничность требует институционального оформления? Так, М. В. Назукина на основе эмпирических исследований делает вывод о том, что институционализация этничности в политике идентичности российских республик – это процесс, посредством которого дискурс этничности приобретает ценность и устойчивость в рамках политического курса, направленного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание этнической идентичности как важного фактора структурирования общественных отношений (Назукина, 2020: 84). В данном контексте институционализация этничности в региональной политике идентичности мыслится в качестве продукта новейшей истории России в инструменталистско-конструктивистском понимании. Однако ретроспективный анализ и учет инерционности советской национальной политики, реифицировавшей этничность¹, позволяет рассмотреть процесс институционализации этничности в российских республиках под иным углом. У республиканских групп элит, формирующих и реализующих региональную политику идентичности, уже сформирована этноориентированная «оптика»: это и «сетка» видения мира, это и легитимный инструмент, позволяющий соединить интересы территории и ее различных групп: элит (властной, экономической, культурной); этнокультурных общностей, проживающих на территории региона и в целом регионального сообщества. Субъектно-объектное взаимодействие названных социальных акторов, обладание общими согласованными представлениями, когнитивными схемами, значимым «фоновым знанием» являются неотъемлемыми компонентами и условиями процесса успешной институционализации социальных феноменов и практик (Панов, 2011: 63). Сложный и многосоставной процесс институционализации этничности как социального феномена, связанного с культурой и ценностями, задействует нормативный, нарративно-мифологический и символический

¹ Однако и в этом случае легковесно говорить о чистом конструировании этничности советской властью. Исследования историков свидетельствуют о сильных низовых «национальных» движениях, на которые ориентировались большевики в борьбе за власть (см.: Красовицкая, 2012).

уровни (Назукина, 2020: 84), где действуют такие инструменты и механизмы политики идентичности, как символическая политика, политика памяти и ценностно-политические проекты формирования идентичности (Малинова, 2017; Поцелуев, 1999; Пушкарева, 2017).

В структуре этнической идентичности одно из ключевых мест занимает категория языка этнической / национальной общности. В поле политики язык является одним из ключевых атрибутов формирования нации (Б. Андерсон, Э. Геллнер); формирует фреймы и коды идентичности национальных сообществ и этнических групп (Р. Брубейкер); выполняет коммуникативную функцию (К. Дойч); является инструментом социальной мобильности граждан государства (Э. Геллнер); выступает символом идентичности (Мухарямов, 2017).

Таким образом, этничность, проявляя себя в инерционном и динамическом качествах в политике идентичности российских республик, имеет потенциал к модуляции в зависимости от региональной и общенациональной социально-политической конъюнктуры. Рассмотрим в данном контексте случай Республики Татарстан.

Этничность в политике идентичности Татарстана: от культуры к политике

В исследовании модуляции этничности в республиканской политике можно оттолкнуться от формата ее легитимности в советский период. Фрейм определяли территориально-административные границы, пятая графа в паспорте, национальные институции и официальный порядок обращения с этничностью. В русле национальной парадигмы того периода этничность задавалась в формуле «социалистический по форме – национальный по содержанию», что придавало значимость культурной составляющей (в ее этнографической интерпретации). Это выражалось в государственной поддержке культуры и искусства татар с соответствующими институциями и «декадами / днями татарской культуры» в Москве в качестве статусной госприемки достижений на уровне национальной культуры. Советское табу на проявление этничности в поле политики нарушалось в ТАССР несколько раз, когда национальная интеллигенция в периоды принятия Конституций 1936 и 1977 гг. выходила с предложениями к республиканскому и центральному руководству о повышении статуса республики до союзной, поскольку статус автономии «тормозил развитие республики» и не позволял в полном объеме развивать национальную культуру и язык (Галлямова, 2015: 393).

Сопряженность этничности с политикой и экономикой в начале 1990-х гг. читалась в том, что при обсуждении проблем национального (этнического) возрождения проблема статуса Татарстана занимала одно из важнейших мест. «Основной круг вопросов сосредотачивался вокруг неравенства прав и возможностей союзных и автономных республик (неравное представительство в Совете национальностей Верховного Совета СССР депутатов от союзных и автономных республик; противоречивость принципов образования РСФСР; фактическая номинальность ее федеративности при отсутствии Совета национальностей, представляющего интересы субъектов Федерации; несогласованность Конституции РСФСР, в которой автономная республика признается социалистическим государством, и Конституция СССР, где государством признаются лишь союзные республики; различия в принципах формирования бюджетов; худшие условия для культурного развития народов автономий» (Исхаков, 1992:11).

Кризис советской системы, приведший к тотальной общественной трансформации, обнажил социально-экономические и этнокультурные проблемы на уровне национальных республик. Актуализация этнических границ и маркеров в поле политики Татарстана в анализируемый период связывается с действием как объективных, так и субъективных факторов. Первые обусловлены следствием: а) советской централизации и плановой экономики, приведшим к социально-экономическому неравенству по осям «центр – регионы»; «союзные республики – автономные республики»; б) асимметрии между национальными культурами этнического большинства и этнических меньшинств. Наряду с этим стимулирующее влияние оказывала общая политическая конъюнктура постсоветского десятилетия, связанная с трендами регионализации и актуализации этничности.

В Татарстане этничность проявляла себя в двух ипостасях. Первая увязывалась с территорией – Татарской автономной социалистической республикой и комплексом ее социально-экономических проблем. Вторая – непосредственно с языком и культурой «титольной нации» – татар. Таким образом, комплекс накопившихся и требующих разрешения проблем вывел этничность в поле политики в качестве легитимного маркера территории и этнической группы. Притязания региональной власти на больший объем полномочий в экономической, социальной и этнокультурной сферах поддерживались всем населением республики, поскольку разница в обеспечении Москвы,

столиц союзных республик и Казани была значительной. При этом социально-экономический потенциал республики был равен потенциалу трех прибалтийских республик. Имело значение и распределение республиканской собственности. Так, до начала перестройки 80 % промышленных предприятий, расположенных на территории ТАССР, управлялись союзными органами, 18 % – российскими, и только двумя процентами предприятий управляла сама республика (Фарукшин, 1994: 69). Для татарской части населения республики этничность воспринималась не только как основание культурной идентичности, духовности народа, но и в качестве маркера достоинства культурного меньшинства, которое подкреплялось в символическом и политическом пространствах повышением статуса республики.

Институционализация этничности в начале 1990-х гг. реализовывалась посредством символической и языковой политики, а также политики памяти. Так, в канонах Э. Хобсбаума были созданы национальный гимн, герб и флаг Республики Татарстан. Политика памяти формировала дискурс о былой и утерянной государственности татар; наследии Золотой Орды, которое пересматривалось уже не в имперской негативной коннотации «варваров, диких завоевателей Руси», а в контексте ее значимости в формировании российского государства и вклада в мировое культурное наследие. Институционализация Дня памяти погибшим защитникам г. Казани в 1552 г. была направлена на закрепление памятной даты из истории татар и наряду с этим уравнивала в символическом пространстве семантический посыл памятника «Павшим русским воинам при взятии Казани в 1552 г.».

Эмоционально заряженный языковой вопрос в начале 1990-х гг. формировал конфликтный потенциал этничности, поскольку, как отмечала Л. М. Дробижева, самое весомое обоснование этнической идентичности дается через значимость языка для культуры народа; отсюда – требования конституирования государственного национального языка, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру (Дробижева, 2002: 224). Результатом языковой политики явилось принятие в 1992 г. Закона о государственных языках в РТ с государственными программами по сохранению и развитию татарского языка, введение татарского языка в качестве обязательного в программы среднего школьного, среднего специального и высшего образования. Значимость этничности в политической и этнокультурной сферах стимулировала ее институционализацию в структуре органов власти как на республиканском, так и на муниципальном уровне (Панов, 2021: 191–192).

Две идеологические составляющие политики идентичности Татарстана в 1990-е гг. – социально-экономическое и этнокультурное неравенство региона в сравнении с союзными республиками СССР – формировали базу электоральной поддержки властной элиты. Названные виды неравенства воспринимались как перекосяк в политике центра, практическим исходом которого являлся дефицит ее полномочий в решении нужд региона. Соответственно, легитимность региональной элиты для местного населения определялась ее ресурсами и полномочиями для решения названных проблем. Так, по результатам опроса «НИК» (1994)¹, 43 % татар понимали экономические аспекты суверенитета как необходимое условие для возрождения народа, его культуры и языка. Для русских этнокультурный аспект не был существенен – 19 %. Обе этнические группы связывали повышение статуса республики с реализацией социально-экономических интересов: рачительное использование ресурсов, развитие экономики и, как следствие, повышение благосостояния граждан республики. Республиканские исследования «НИК» и «СЭН»² (1999) устойчиво фиксировали объединяющее представителей обеих общин доминирование региональных интересов: в 1999 г. 50 % татар и 45 % русских заявляли о том, что землей и природными ресурсами Татарстана должна распоряжаться только республика (в 1994 г. – 62 % татар и 40 % русских). Этот тренд сохранился и после децентрализации в результате реформ В. В. Путина в начале 2000-х гг. Так, 60 % татар и 31 % русских в Татарстане высказывались за то, чтобы землей и природными ресурсами распоряжалась республика или они были бы в совместном распоряжении с федеральным центром (39 % татар, 27 % русских). При этом региональная идентичность не конфликтовала с общероссийской: 80 % татар и 85 % русских считали, что для Татарстана лучше развиваться в составе России (Дробижева, 2002: 224).

¹ Проект «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» («НИК» – 1994 г.; рук. Л. М. Дробижева).

² Республиканское социологическое исследование «Социально-экономическое самочувствие населения РТ» («СЭН» – 1999 год, рук. Г. А. Исаев).

Интерпретация этничности в сменившейся политической конъюнктуре

Изменение социально-политической конъюнктуры в связи с новой политикой федерального центра в 2000-е гг. усилило центростремительные тенденции. Эффект маятника выразился в политике «собираания земель», укреплении вертикали власти, в формировании общероссийской идентичности. Политическая элита республики в этих условиях уходит от акцентирования этнического фактора, переводя его с роли ведущего на роль дополняющего специфику региона. В политике идентичности и дискурсивном поле, связанном с этничностью, татарская идентичность не противопоставляется, а органично встраивается в общероссийский общенациональный контекст. Среди задающих новый вектор событий можно назвать международный проект «Великий Волжский путь» 2001–2005 гг., а также празднование 1000-летия Казани в 2005 г. Сам по себе этот переход можно интерпретировать как некую модель, сочетающую в политике идентичности Татарстана общероссийскую (общенациональную) и этническую составляющие. В целом идеология каждого из проектов выстраивалась в интегративном ключе. Концепция «Великого Волжского пути» основывалась на идее объединения им культур и народов России, с выходом на расположенные в его географии зарубежные города. Дискурс подготовки второго события, получившего старт в 2000 г., был также выстроен в интегративном ключе. В республиканских СМИ отмечалось, что Федеральная программа празднования 1000-летия г. Казани была принята на уровне руководства России, а ее реализация – под патронажем президента РФ В. В. Путина. Значимость событию придавало учреждение главой государства специальной Юбилейной медали 1000-летия Казани, что интерпретировалось как «свидетельство всероссийского признания исторической даты возникновения уникального центра болгаро-татарско-русского зодчества и второго, после Стамбула, мирового перекрестка восточной и западной культур»¹.

Новый тренд получил выражение и в символической политике: в рамках празднования 1000-летия Казани интеграционную составляющую было призвано подчеркнуть открытие филиала Государственного Эрмитажа на территории Кремля. При поддержке правительства Санкт-Петербурга и Москвы были реконструированы и оформлены две из центральных улиц, получивших соответственно новые имена: Петербургская и Московская. Символом единения с Россией стала многоэтажная главная сцена-конструкция в форме шапки Мономаха для проведения торжественных церемоний и массового концерта звезд эстрады.

Роль «символьной» элиты в новом политическом векторе отводилась формированию этнокультурной специфики региона. Этническая составляющая этого события была заложена в ассоциации Казани с бывшей столицей Казанского ханства и как этнического ядра для всех современных татар. Символика празднования, герб Казани содержали изобразительные элементы и символы татарской истории и татарского национального искусства. К празднованию 1000-летия было приурочено проведение Съезда Всемирного конгресса татар, а также открытие в Кремле мечети Кул-Шариф, названной в честь просветителя и философа, организатора защиты Казани в 1552 г. При этом паритетность ислама и православия в Татарстане была призвана продемонстрировать церемония возвращения в Казань иконы Казанской Божьей Матери.

Дрейф этнического фактора на периферию идентификационной повестки региона начиная с 2000-х гг. компенсируется актуализацией исламской составляющей в политике идентичности Татарстана. При этом ислам интерпретируется в качестве неотъемлемой составляющей цивилизационного развития России. Так, на исламском форуме «Значение диалога между религиями», состоявшемся в ноябре 2022 г. в Бахрейне, раис Татарстана Р. Н. Минниханов акцентировал значимость «татарстанской модели гармоничного совместного проживания и взаимодействия народов и религий» в качестве образца «разумного цивилизационного подхода в вопросах национальной безопасности и Стратегии дальнейшего развития Российской Федерации». В своем выступлении он также подчеркнул, что «ислам в России – органичная и неотъемлемая составляющая российской цивилизации. О чем свидетельствует федеральный масштаб празднования 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией, решение о праздновании которого принял президент России Владимир Путин»².

¹ Казань тысячелетняя (2005) [Электронный ресурс], *Тюрко-татарский мир*, 24 апр. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/kazan/6/2/> (дата обращения: 25.04.2015).

² Минниханов: татарстанская модель взаимодействия народов – образец разумного подхода в вопросах нацбезопасности (2022) [Электронный ресурс], *Реальное время* 3 нояб. URL: <https://realnoevremya.ru/news/264857-rustam-minnihanov-vystupil-na-bahreynskom-forume> (дата обращения: 03.11.2022).

Накопленный республикой в ходе налаживания связей со странами Востока символический капитал становится все более и более востребован в конъюнктуре последних сложных для России лет. Именно Татарстан и его политические и духовные лидеры (в лице ДУМ РТ в тесной коммуникации с ДУМ РФ) выполняют роль легитимного посредника в формировании прежде всего экономических связей со странами исламского Востока в противовес санкциям «коллективного Запада». Свидетельством может послужить история проведения ежегодного форума KazanSummit (с 2010 г.), который с 2022 г. получил федеральный статус саммита «Россия – исламский мир: KazanForum».

Собственно, проведение названных масштабных мероприятий можно интерпретировать как пример нового менеджмента территории, который помимо весомой экономической составляющей выработал формулу сочетания интегративной идеи с этнорегиональным содержанием. Этот принцип становится основанием для формирования инвестиционной базы региона и поиска новых ресурсов для его экономического и социокультурного развития, в том числе туристического бизнеса¹.

* * *

Представленный в статье пример флуктуации этничности в контексте общественно-политической конъюнктуры на примере Республики Татарстан демонстрирует сложность и пластичность этого феномена. Диалектическая сопряженность его эссенциалистского и конструктивистского компонентов основана на двух составляющих: а) фундированной инерционной характеристике, связанной с исторически реифицированным комплексом представлений, ценностей, культурных артефактов, социальных диспозиций этнических групп; б) динамическом потенциале конъюнктуры текущего социально-политического момента, связанного с интересами политической и «символьной» элит, статусными позициями этнических групп как в системе социально-экономических отношений, так и в символическом пространстве.

История постсоветской политики идентичности Татарстана свидетельствует об амбивалентности проявления этнического фактора и его мобилизационного потенциала в поле политики в зависимости от результатов национальной политики предшествующего современности советского периода. Его влияние сопряжено с ценностным континуумом этничности для представителей этнических групп (в качестве исторических событий и артефактов), а также с социальными диспозициями этнического «большинства» и «меньшинства», сложившимися под влиянием эпохи модерна, национальной политики государства и взаимодействия групп элит. Несмотря на конструктивистскую природу этничности, реифицирующие ее факторы формируют взаимозависимые отношения между акторами и реципиентами в процессе политической и социальной актуализации этничности.

Список литературы / References

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б.В., Гриценко, Г.Д. (2020) 'Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности', *Политическая наука*, 3, сс. 74–97. [Avksent'ev, V. A., Aksjumov, B. V., Gricenko, G. D. (2020) 'Ethnicity in political conflicts: the ethnicization of politics and the politicization of ethnicity' [Etnichnost' v politicheskikh konfliktakh: etnizaciya politiki i politizaciya etnichnosti], *Political Science*, 3, pp. 74–97. (In Russ.)].

Ачкасов, В. А. (2005) *Региональная идентичность в российском политическом про-*

странстве: «калининградский казус», [электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (дата обращения 15 декабря 2016). [Achkasov, V. A. (2005) 'Regional identity in the Russian political space: "kaliningrad incident"' [Regional'naya identichnost' v rossijskom politicheskom prostranstve: kaliningradskij kazus)], [online]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (Accessed: 15th December 2016) (In Russ.)].

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. Москва: Изд-во «Медиум». [Berggrer, P., Lukman, T. (1995) *The Social Construction of Reality* [Social'noe konstruirovanie real'nosti], Moscow: Publishing house "Medium". (In Russ.)].

¹ Ждем Путина, надеемся на Эрдогана: как высоко взлетит KazanForum? (2023) [Электронный ресурс]. *БИЗНЕС on line*, 20 янв. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/580611> (дата обращения: 20.01.2023).

- Борисова, Н. В. (2013) 'Региональная идентичность как фактор развития российского федерализма (на примере Пермского края)', *К новой модели российского федерализма*, Москва: «Весь мир», с. 207–218. [Borisova, N. V. (2013) 'Regional identity as a factor in the development of Russian federalism (on the example of the Perm territory)' [Regional'naya identichnost' kak faktor razvitiya rossijskogo federalizma (na primere Permskogo kraja)], *Towards a new model of Russian federalism*, Moscow: "The Whole World", p. 207–218. (In Russ.)].
- Бромлей, Ю. В. (1987) *Этносоциальные процессы: теория, история, современность*. Москва: Изд-во: «Наука». [Bromley, S. W. (1987) *Ethnosocial processes: theory, history, modernity* [Ethnosocial'nye processy: teoriya, istoriya, sovremennost']. Moscow: Publishing house: "Nauka". (In Russ.)].
- Бурдьё, П. (2003) 'Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности', *Логос*, 4–5, (39), сс. 33–41. [Bourdieu, P. (2003) 'Describe and prescribe. A note on the conditions of possibility and the limits of political effectiveness' [Opisyvat' i predpisyvat'. Zametki ob usloviyakh vozmozhnosti i granicakh politicheskoy dejstvennosti], *Logos*, 4–5, (39), pp. 33–41. (In Russ.)].
- Галлямова, А. Г. (2015) *Татарская АССР в период постсталинизма*. Казань: «Татар. книж. изд-во». [Gallyamova, A. G. (2015) *Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the period of post-Stalinism* [Tatarskaya ASSR v period poststalinizma]. Kazan: "Tatars. Books. Publishing House". (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2020) 'Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой', *Россия реформирующаяся*, 18, сс. 202–224. [Drobizheva, L.M. (2020) 'Depoliticization of ethnicity: between the temptation of new theories and social practice', [Depolitizaciya etnicnosti: mezhdru iskusheniyam novymi teoriyami i social'noj praktikoj], *Reforming Russia*, 18, pp. 202–224. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2002) 'Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость' в: *Россия реформирующаяся* / Ред. Л.М. Дробижевой. Москва: Изд-во: «Academia», с. 213–244. [Drobizheva, L.M. (2002) 'Russian and ethnic identity: confrontation or compatibility' [Rossijskaya i etnicheskaya identichnost': protivostoyanie ili sovmestimost'], *Reforming Russia* / Ed. L. M. Drobizheva. Moscow: Publishing house: "Academia", p. 213–244. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2017) 'Этническая идентичность', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семеновко; ИМЭМО РАН. Москва: Изд-во «Весь Мир», с. 417–418. [Drobizheva, L. M. (2017) 'Ethnic identity', [Etnicheskaya identichnost'], *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition / Ed. I. S. Semenenko; ИМЭМО РАН. Moscow: Publishing house "The Whole World", p. 417–418. (In Russ.)].
- Исхаков, Д. М. (1992) 'Неформальные объединения в современном татарском обществе', *Современные национальные процессы в Республике Татарстан*. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КИЦ РАН, Вып. 1, с. 2–15. [Iskhakov, D.M. (1992) 'Informal associations in modern Tatar society' [Neformal'nye ob'edineniya v sovremennom tatarskom obshestve], *Modern national processes in the Republic of Tatarstan*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named G. Ibragimov KSC RAS, Vol. 1, p. 2–15. (In Russ.)].
- Красовицкая, Т. Ю. (2012) 'Советская национально-культурная политика: организационно-правовой аспект. 1917-1929 годы', *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1889-х – 1930-е годы)* Сер. «История науки» отв. ред. А.Н. Дмитриев. Москва, с. 632–681. [Krasovitskaya, T.Yu. (2012) 'Soviet national-cultural policy: organizational and legal aspect' [Sovetskaya nacional'no - kul'turnaya politika: organizacionno-pravovoj aspect]. *Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire - the USSR (late 1889th-1930s) years.* / Ed. A. N. Dmitriev, p. 632–681. (In Russ.)].
- Крылов, М. П. (2010) *Региональная идентичность в Европейской России*. Москва: Изд-во: «Новый хронограф». [Krylov, M.P. (2010) *Regional identity in European Russia* [Regional'naya identichnost'

- v Evropejskoj Rossii]. Moscow: Publishing house: "New Chronograph". (In Russ.).
- Малахов, В. С. (1998) 'Вызов национальному государству', *Pro et Contra*, 3 (2), сс. 141–154. [Malakhov, V.S. (1998) 'Challenge to the nation state', [Vyzov nacional'nomu gosudarstvu], *Pro et Contra*, 3 (2), pp. 141–154. (In Russ.).]
- Миненков, Г. Я. (2005) 'Идентичность в политическом измерении', [электронное издание]. URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (дата обращения: 15.12.2019). [Minenkov, G.Ya. (2005) 'Identity in the political dimension', [Identichnost' v politicheskom izmerenii], [online], Available at: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (Accessed: 15th December 2019), (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю. (2012) 'Символическая политика: контуры проблемного поля' *Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва: ИНИОН РАН, с. 5–16. [Malinova, O.Yu. (2012) 'Symbolic politics: contours of the problem field' [Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya], *Symbolic politics. Vol. 1. Construction of ideas about the past as a power resource*. Moscow: INION RAS, p. 5–16. (In Russ.).]
- Малинова О. Ю. (2017) 'Символическая политика', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. Москва: Изд-во «Весь Мир», с. 655–661. [Malinova O.Yu. (2017) 'Symbolic politics', [Simvolicheskaya politika], *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition / Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "The Whole World", p. 655–661. (In Russ.).]
- Мухарямов, Н. М. (2012) 'О символических началах в языке политики (прагматический аспект)', *Символическая политика: сборник научных трудов / Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических наук; отв. ред. О. Ю. Малинова. – Moscow: ИНИОН РАН, с. 54–74. [Mukharyamov, N.M. (2012) 'On symbolic principles in the language of politics (pragmatic aspect)', [O simvolicheskikh nachalakh v yazyke politiki (pragmaticheskij aspekt)], *Symbolic politics: collection of scientific works / Center for Social Scientific Information Research Department of Political Science / Ed. O. Yu. Malinova. Moscow: INION RAS, p. 54–74. (In Russ.).]**
- Мухарямов, Н. М. (2000) 'Республика Татарстан', *Регионы России: хроника и руководители / Ред. К. Мацузато, Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, Т. 7. (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Республика Мордовия), с. 15–150. [Mukharyamov, N.M. (2000) 'Republic of Tatarstan' [Respublika Tatrstan], *Regions of Russia: chronicle and leaders / Ed. K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, Vol. 7. (Republic of Tatarstan, Udmurt Republic, Republic of Mordovia), p. 15–150. (In Russ.).]**
- Мухарямов, Н. М. (2012) Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х гг. Глава 1, ИНАБ №6 *Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане*. Москва: Институт социологии РАН, сс. 7–22. [Mukharyamov, N.M. (2012) 'Ethnic factor and politics in the Republic of Tatarstan: trends of the 2000s.', [Etnicheskij faktor i politika v Respublike Tatarstan: tendencii 2000-kh godov], Chapter 1, INAB, 6, *Consolidating identities and modernization resource in Tatarstan*. Moscow: Institute of Sociology RAS, pp. 7–22. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2009) *Региональная идентичность как категория политической практики*. Автореф. дисс., канд. полит. наук. Пермь: Перм. ГУ. [Nazukina, M.V. (2009) *Regional identity as a category of political practice* [Regional'naya identichnost' kak kategoriya politicheskoi praktiki], Autoref. diss., cand. polit. sci. Perm: Perm. State University. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2018) 'Маркеры этничности в региональной идентичности республик России', *Регионоведение*, 26 (4), сс. 698–717. [Nazukina, M.V. (2018) 'Markers of ethnicity in the regional identity of the republics of Russia' [Markery etnichnosti v regional'noj identichnosti respublik Rossii], *Regionalology*, 26 (4), pp. 698–717. (In Russ.).]
- Назукина, М. В. (2020) 'Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ', *Polis. Political Studies*

- dies*, 3, сс. 78–92. [Nazukina, M.V. (2020) 'Institutionalization of ethnicity in the identity politics of Russian republics: conceptual analysis', [Institucionalizaciya etnichnosti v identichnosti rossijskikh respublik: konceptual'nyj analiz], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 78–92 (In Russ.)].
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов (1994) / Ред. Л. М. Дробижьева, М. С. Кашуба, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева. Москва: ИЭА РАН. [National identity and nationalism in the Russian Federation in the early 1990s (1994) [Nacionalnoe samosoznanie i nacionalizm v Rossijskoj Federacii nachala 1990-kh godov], / Ed. L.M. Drobizheva, M.S. Kashuba, A.R. Aklaev, V.V. Koroteeva. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2011) *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. Москва: РОССПЭН. [Panov, P.V. (2011) 'Institutions, identities, practices: a theoretical model of political order' [Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka], Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2021) 'Институционализация этничности в органах власти столичных городов национальных республик РФ', *Современный город: власть, управление, экономика*, 1, сс. 190–201. [Panov, P.V. (2021) 'Institutionalization of ethnicity in the authorities of the capital cities of the national republics of the Russian Federation', [Institucionalizaciya etnichnosti v organakh vlasti stolichnykh gorodov nacional'nykh respublik RF], *Modern city: power, management, economics*, 1, pp. 190–201. (In Russ.)].
- Пантин, В. И., (2011) 'Национально-цивилизационная идентичность: специфика России', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 7 (2), сс. 42–51. [Pantin, V.I., (2011) 'National-civilizational identity: the specifics of Russia' [Nacional'no-civilizacionnaya identichnost': specifika Rossii], *Political expertise: POLITEX*, 7 (2), pp. 42–51. (In Russ.)].
- Перегудов С. П. (2017) 'Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семеновко, ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», с. 163–171. [Peregudov S.P. (2017) 'Russian and civil identity and political nation: problems of formation and consolidation' [Rossijskaya i grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya naciya: problemy formirovaniya i konsolidacii], *Identity: Personality, Society, Politics*. Encyclopedic edition / Ed. I. S. Semenenko, ИМЭМО RAS. Moscow: Publishing house "Ves' Mir", p. 163–171. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (1999) 'Символическая политика как инсценирование и эстетизация', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 62–68. [Potseluev, S.P. (1999) 'Symbolic politics as staging and aestheticization', [Simvolicheskaya politika kak inscenirovanie i estetizaciya], *Polis. Political studies*, 5, pp. 62–68. (In Russ.)].
- Пушкарева, Г. В. (2017) 'Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 156–173. [Pushkareva, G.V. (2017) 'Ideas and values as a way of constructing the symbolic space of national identity', [Idei i cennosti kak sposob konstruirovaniya simvolicheskogo prostranstva nacional'noj identichnosti], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 156–173. (In Russ.)].
- Сагитова, Л. В. (1998) *Этничность в современном Татарстане*. Казань: Изд-во: «Татполиграф». [Sagitova L.V. (1998) *Ethnicity in modern Tatarstan* [Etnichnost' v sovremennom Tatarstane], Kazan: Publishing house: "Tatpolygraph". (In Russ.)].
- Семеновко, И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В.И. (2017) 'Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 54–78; [Semenenko, I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. (2017) 'Between state and nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space', [Mezhdu gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve], *Polis. Political studies*, 5, pp. 54–78. (In Russ.)].
- Семеновко, И. С. (2011) 'Введение', И.С. Семеновко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. Идентичность как предмет

политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва: ИМЭМО РАН, [Semenenko, I. S. (2011) 'Introduction', [Vvedenie], I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Raponov. Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)].

Семенов, И. С. (2017) 'Политика идентичности', *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», с. 647-655. [Semenenko, I. S. (2017) 'Identity Politics', [Politika identichnosti], Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition / Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Publishing house "Ves Mir", p. 647-655. (In Russ.)].

Тишков, В. А. (1997) 'Идентичность и культурные границы', *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей.* / Ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишков, А.Малашенко. Москва: Моск. Центр Карнеги, с. 15–43. [Tishkov, V.A. (1997) 'Identity and cultural boundaries', [Identichnost' i kul'turnye granicy], Identity and conflict in post-Soviet states: Coll. articles. / Ed. M.B. Olcott, V.A. Tishkov, A. Malashenko. Moscow: Mosk. Carnegie Center, p. 15–43. (In Russ.)].

Тишков, В. А. (1997) *Очерки теории и политики этничности в России.* / Ред. В.А. Тишков, Ин-т этнологии и антропологии РАН. Москва: Информ.- изд. агентство "Рус. мир". [Tishkov, V.A. (1997) 'Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia'. [Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii], / Ed. V.A. Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Moscow: Inform.-ed. agency "Rus. World". (In Russ.)].

Тишков, В. А. (2003) *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии* / В.А. Тишков, Ин-т этнологии и антропологии Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва: Изд-во: «Наука». [Tishkov, V.A. (2003) Requiem for Ethnicity. Research in socio-cultural anthropology [Rekviem po etnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii], / V.A. Tishkov, Institute of Ethnology and

Anthropology N.N. Miklouho-Maclay. Moscow: Publishing house: "Nauka". (In Russ.)].

Фадеева, Л. А. (2011) 'Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай', *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, 2 (14), сс. 43–51. [Fadeeva L.A. (2011) 'The struggle for the construction of regional identity: the Perm case' [Bor'ba za konstruirovanie regional'noj identichnosti: permskij sluchaj], *Bulletin of Perm University. Series "Political Science"*, 2 (14), pp. 43–51. (In Russ.)].

Фадеева, Л. А. (2016) 'Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал', *Политическая наука*, 2, сс.164–180. [Fadeeva, L.A., (2016) 'Identity as a category of political science: research field and cognitive potential', [Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyj potencial], *Political Science*. 2, pp. 164–180. (In Russ.)].

Фарукшин, М. Х. (1994) 'Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 67–79. [Farukshin, M.Kh. (1994) 'Political elite in Tatarstan: challenges of the time and difficulties of adaptation' [Politicheskaya elita v Tatars-tane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 67–79. (In Russ.)].

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества (1994) / Ред.Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. Москва: ИЭА РАН. [Values and symbols of national identity in a changing society (1994) [Cennosti i simvoly nacional'nogo samosoznaniya v usloviyakh izmenyajushegosya obsh'estva], / Ed. L.M. Drobizheva, T.S. Guzenkova. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].

Центр и региональные идентичности в России (2003) Сборник статей под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. Санкт-Петербург; Москва: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний Сад. [Center and regional identities in Russia (2003), [Centr i regional'nye identichnosti], Collection of articles, / Ed. V. Gelman and T. Hopf. Saint-Petersburg; Moscow: Euro-

pean University Publishing House in St. Petersburg; Summer Garden. (In Russ.)].

Цумарова, Е. Ю. (2014) Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты: на примере Республики Карелия: автореферат дис. канд. полит. наук: Санкт-Петербург. [Tsumarova, E.Yu. (2014) 'Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects: on the example of the Republic of Karelia' [Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskij i prakticheskij aspekt: na primere Respubliki Kareliya], Autoref. cand. of polit. sc.: St. Petersburg. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 28.10.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

Anderson, B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Revised Edition. VERSO, London - New York.

Brubaker, R. (1996) *Nationalism Refrained: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Connor, W. (1994) *Ethnonationalism: A quest for understanding*, Princeton.

Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference (1982) / Ed. by Fredrik Barth. Oslo: Universitetsforlaget.

Hobsbawm, E.J. (1990) *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge.

ETHNICITY IN THE IDENTITY POLITICS OF POST-SOVIET TATARSTAN: FROM THE 'PARADE OF SOVEREIGNTIES' TO THE PRAGMATICS OF CULTURAL MANAGEMENT

L. Sagitova

Liliya Sagitova, Doctor of Sc. (Polit. Sc.), Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

E-mail: liliya_sagitova@mail.ru (ORCID: 0000-0002-6426-6970. Researcher ID: c-7590-2017).

Abstract

The article examines how ethnicity has been institutionalized and interpreted in the identity politics of the Republic of Tatarstan over the past 30 years of its post-Soviet development. The analysis includes a diachronic study of factors in the actualization of ethnicity in different periods of modern Russian history: disintegration (early 1990s) and reintegration (from the 2000s to the present). The analysis of factors that determine changes in the functional component of ethnicity in ethnocultural and ethnopolitical processes within the republic, in the context of national development vectors, provides the research with a new perspective. Focusing on the inertial and dynamic components of the phenomenon allows us to consider their dialectical interaction, as well as its plasticity and situational nature in the context of the dynamics of the political process in modern Russia. The polypardigmatic approach used by the author allows us to identify the foundations of ethnic identification processes in the field of politics in Tatarstan. The analysis reveals the role of regional political and 'symbolic' elites in the context of the dynamics of the political process. The analysis is of practical importance since the ethnic factor has to be taken into account, particularly in times of political turbulence resulting from recent external challenges.

Keywords: ethnicity; identity politics; politicization of ethnicity; institutionalization of ethnicity; political elite; 'symbolic elite'; Republic of Tatarstan

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-29-40

ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ

М. В. Грабевник

Грабевник Михаил Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Россия.
E-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Аннотация

Управление политико-территориальной гетерогенностью в рамках национальных государств может осуществляться посредством институциональных реформ различного характера. Такие реформы конструируют новые институциональные схемы (институциональные новации), но чаще всего проявляют определенную степень заимствования уже известных институциональных практик (институциональные заимствования). Представленное в настоящей статье исследование нацелено на анализ институциональных реформ в Соединенном Королевстве по поддержанию политико-территориальной целостности (в отношении региональных автономий Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса) в современный деволюционный период (1998–2023 гг.). Используя теорию институционального изоморфизма П. Димаджо и У. Пауэлла в качестве методологической рамки и основываясь на материалах нормативно-правовой базы (в том числе стенограммах парламентских заседаний), автор указывает на наличие двух ключевых институциональных механизмов в процессах управления политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве: институциональные новации (преимущественно в случаях Шотландии и Северной Ирландии) и подражательный институциональный изоморфизм (в случае Уэльса и реже в случае Северной Ирландии). В качестве дополнительного вводится тезис о наличии нормативного институционального изоморфизма в двух проявлениях – референдумах и межправительственных центр-региональных соглашениях.

Ключевые слова: политико-территориальная гетерогенность; институциональный изоморфизм; институциональные реформы; деволюция; Соединенное Королевство; Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс.

Одним из ключевых атрибутов современного национального государства является наличие фиксированных территориальных границ. Государственная состоятельность (а нередко и государственная статусность, то есть признание суверенитета со стороны международного сообщества) во многом определяется тем, насколько государство способно сохранять и поддерживать собственную территориальную целостность. В условиях фрагментации национального политического сообщества и наличия значимых регионалистских требований со стороны этнотерриториальных автономий сделать это особенно непросто. Преследуя цель поддержание территориальной целостности, современные государства пользуются широким спектром механизмов и способов управления гетерогенностью и решения этнополитических конфликтов, наиболее распространенными из которых являются институциональные реформы. Такие реформы могут быть как институциональными инновациями, когда имеет место конструирование новых институциональных практик в специфических или уникальных контекстах и кейсах, так и институциональными заимствованиями, когда государство перенимает институциональные практики и решения, популярные и/или успешные в других государствах. Значимые институциональные новации в управлении политико-территориальным разнообразием являются относительно редким явлением, тогда как институциональный импорт и заимствования, наоборот, весьма распространены в современном мире.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии представляет собой уникальный случай управления политико-территориальной гетерогенностью. Деволюционные процессы, предоставившие политико-административную автономию Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу, начавшись во второй половине 1990-х гг., находят продолжение в различных институциональных

вариациях и на современном этапе. Вариативность характеристик региональных сообществ (шотландцев, северных ирландцев и валлийцев) в рамках одной политической гражданской нации, различия их регионалистских требований (от культурной автономии до сепаратизма) и политической субъектности (как в виде регионалистских политических партий, так и в виде публичных и негосударственных акторов), наличие внешних заинтересованных субъектов (Республика Ирландия и Европейский союз) формируют уникальную конфигурацию условий, в которых ассиметричная и тонкая «настройка» институциональной структуры центр-региональных взаимодействий представляется последовательной политико-управленческой логикой Вестминстера.

Все это обуславливает исследовательскую актуальность процессов поддержания политико-территориальной целостности в современном Соединенном Королевстве. Вместе с тем исследовательский интерес представляет не столько содержание институциональных реформ Соединенного Королевства, сколько механизм институциональных изменений. Задача исследования, представленного в настоящей статье, таким образом, состоит в определении институциональной динамики управления политико-территориальной гетерогенностью со стороны общенационального правительства Соединенного Королевства, а также в аналитическом рассмотрении вариации институционального репертуара (какие институциональные реформы и механизмы были имплементированы) и институционального механизма (институциональные новации или институциональные заимствования). В аналитическом фокусе статьи – институциональные реформы по управлению политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве. Хронологические рамки ограничены и обусловлены периодом современной деволюции в Соединенном Королевстве (1998–2023 гг.).

Основными источниками данного исследования были нормативно-правовые акты Соединенного Королевства, затрагивающие конфигурации центр-региональных взаимодействий и распределение полномочий, административно-территориальное деление, деволюционные процессы в целом. Отбор и фиксация производились по ключевым словам в информационной системе Hansard¹. Для фиксации регионалистских требований и позиций политических акторов в ходе исследования были использованы материалы политических заявлений и выступлений политических и партийных лидеров, программные заявления и политические манифесты партий по материалам базы данных Manifesto Project (Lehmann et al., 2023). Материалы баз данных Regional Authority Index (Hooghe et al., 2016), Self-Determination Movements (Sambanis et al., 2018) и Conflict Barometer², несмотря на содержательные и методологические ограничения (Панов, 2023), послужили дополнительной источниковой базой для анализа центр-региональных взаимодействий в Соединенном Королевстве. Ключевым аналитическим методом выступает сравнительно-ориентированный кейс-стади. В качестве случаев рассматриваются три ключевые автономные субнациональные единицы (NUTS-1), обладающие разной степенью политической субъектности: Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс. Теоретико-методологическая основа исследования – адаптированная концепция институционального изоморфизма (в традиции конструктивистского институционализма), классическое изложение которой представили П. Димаджио и У. Пауэлл в контексте экономической социологии предприятий (Di Maggio & Powell, 1983).

В соответствии с задачами исследования текст статьи структурирован следующим образом. В первой части представлена адаптированная к исследовательскому предмету теоретико-методологическая рамка институционального изоморфизма и охарактеризована исследовательская логика. Во второй части содержится качественный анализ институционального измерения управления политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве в разрезе субнациональных единиц: Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса³. Заключительный блок статьи посвящен используемым институциональным механизмам – институциональным заимствованиям и их вариациям, а также институциональным инновациям.

Объяснительные возможности институционального изоморфизма

Ради сохранения политико-территориальной целостности и снижения этнополитической и регионалистской конфликтогенности национальные государства устанавливают институциональные механизмы управления гетерогенностью (военный конфликт, геноцид, изоляция и сегрегация, референдум

¹ Hansard. UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/> (accessed: 17 November 2023).

² Conflict Barometer. Heidelberg Institute for International Conflict Research. URL: <https://hiik.de/conflict-barometer/current-version/?lang=en> (accessed: 17 November 2023).

³ International Territorial Levels (ITLs). UK Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/methodology/geography/ukgeographies/eurostat> (accessed: 17 November 2023).

также являются механизмами управления территориальной гетерогенностью, но менее распространенными по сравнению с институциональными). Иными словами, государства проводят институциональные реформы для того, чтобы снизить риски регионализации, сепаратизма и/или центр-региональных конфликтов. Такие институциональные реформы вариативны: они могут выражаться в уступках региону со стороны центральной власти и предоставлять им некоторую степень региональной автономии, но также могут вводить институциональные ограничения, тем самым отнимая у регионов институциональные возможности и предпочтения (или снижая объем таких возможностей).

Реформы могут конструировать абсолютно новые институциональные схемы и модели в ситуациях уникального политического контекста или специфической управленческой конфигурации. Наиболее ярким примером институциональной новации такого рода выступает регулирование процесса брекзита, то есть процедура выхода Соединенного Королевства из состава Европейского союза, выраженная, помимо прочих документов, в институциональном закреплении нового формата северо-ирландской границы (Протокол Северной Ирландии 2020 г.¹ с продолжающимися по сей день дебатами по его пересмотру) (Охошин, 2023). Уникальная ситуация выхода из европейского интеграционного объединения, комплексная консociативная политическая система Северной Ирландии в условиях регионального правительственного кризиса, наличие Республики Ирландия как kin-state для регионального сообщества – условия, в которых Соединенное Королевство и ЕС вынуждены прибегать к институциональной инновации. Между тем национальные государства намного чаще не конструируют новые институты, но импортируют эффективные (или неэффективные) практики и институты для преодоления схожих рисков и вызовов – в таких случаях уместно говорить об институциональных заимствованиях (в противовес институциональным новациям).

Исследовательская идея настоящей статьи – анализ институциональных решений для управления политико-территориальной гетерогенностью в современном Соединенном Королевстве – основывается на аналитическом различении институциональных новаций и институциональных заимствований. Теоретически такая исследовательская логика базируется на концепции институционального изоморфизма, представленной впервые Полом Димаджио и Уолтером Пауэллом на материалах исследования социологии предприятий и ставшей классикой экономической социологии (Di Maggio & Powell, 1983). На материалах эмпирического исследования социологи утверждают, что в рамках одного организационного поля институциональные изменения организаций могут быть объяснены не (только) рациональным стремлением к повышению эффективности, но и логикой институционального изоморфизма, то есть организации институционально уподобляются друг другу. П. Димаджио и У. Пауэлл выделяют три типа институционального изоморфизма. Первый тип – принудительный изоморфизм – предполагает непосредственное или опосредованное внешнее давление на установление тех или иных институтов и может быть связан с необходимостью легитимации того или иного решения (Гаджиев, 2016). Второй тип – подражательный изоморфизм – не предполагает внешнего давления на имплементацию тех или иных институтов, но предполагает копирование институциональных моделей организацией, которая не имеет собственного представления о эффективных способах преодоления рисков и вызовов (в данном случае политико-территориальной гетерогенности). Третий тип – нормативный изоморфизм – предполагает институциональное заимствование, основанное на общности ценностей, идеалов, ориентаций, профессионального или образовательного стандарта, и, так же как подражательный, осуществляется без внешнего давления. Идеальные типы институционального изоморфизма в политической практике в чистом виде не встречаются и скорее проявляются как комплекс с дисбалансом в сторону одного из типов.

Подобная теоретико-методологическая схема может быть применена и к предметному полю управления политико-территориальной гетерогенностью и нивелирования центр-региональных противоречий и конфликтов. В настоящем исследовании Соединенное Королевство как национальное государство с точки зрения институционального изоморфизма представляет собой единое организационное поле². Институциональные реформы в отношении британских этнических региональных автономий – Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса – рассматриваются с точки зрения адаптированной типологии институционального изоморфизма (табл. 1).

¹ The Protocol on Ireland and Northern Ireland. Consilium. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-relations-with-the-united-kingdom/the-eu-uk-withdrawal-agreement/the-protocol-on-ireland-and-northern-ireland-explained/> (accessed: 17 November 2023).

² Соединенное Королевство также может рассматриваться как организация в более широком организационном поле (например, в организационном поле Европейского союза до 2020 г. или в организационном поле европейских национальных государств в целом). Соответственно, институциональные организационные поля могут быть разных уровней. Вместе с тем, учитывая задачи исследования, в данной статье исследовательский фокус наведен на Соединенное Королевство как единое организационное поле (что может, в свою очередь, накладывать методологические ограничения).

Адаптированная типология институционального изоморфизма

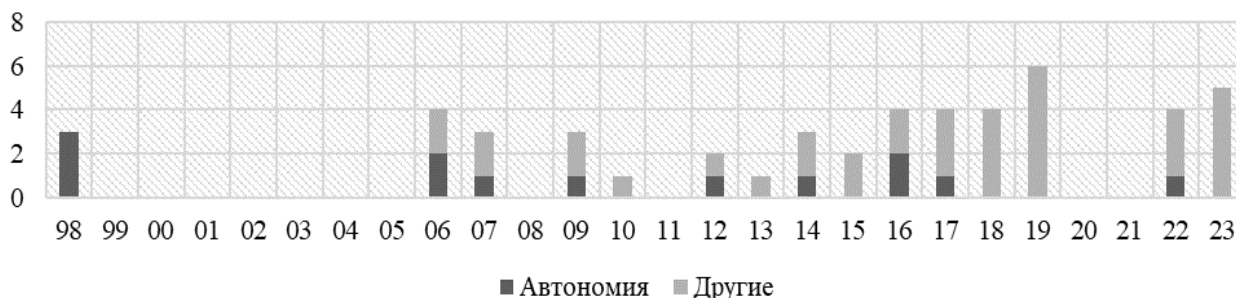
Институциональные инновации	Институциональные заимствования			
	Непринудительный изоморфизм		Принудительный изоморфизм	
	Нормативный изоморфизм	Подражательный изоморфизм	Мягкий принудительный изоморфизм	Жесткий принудительный изоморфизм

Примечание: составлено автором на базе классической типологии П. Димаджо и У. Пауэлла (Di Maggio & Powell, 1983).

Предлагается рассматривать институциональные реформы через три аналитических фильтра: институциональные инновации или институциональные заимствования; принудительный или непринудительный институциональный изоморфизм; нормативный или подражательный непринудительный изоморфизм и мягкий или жесткий принудительный изоморфизм (мягкий принудительный изоморфизм предполагает опосредованное стимулирование для имплементации тех или иных институтов, тогда как жесткий принудительный изоморфизм – прямое давление со стороны внешних акторов). Таким образом, типология представляет собой спектр механизмов институциональных изменений (от институциональных инноваций до жесткого принудительного изоморфизма), где критерием выступает степень внешнего давления на установление института.

Далее представлен анализ институциональных реформ Соединенного Королевства по управлению политико-территориальной гетерогенностью в период деволюции с точки зрения теоретико-методологической базы институционального изоморфизма. Качественный анализ выполнен по следующим параметрам: механизм институциональной реформы (институциональные инновации или институциональные заимствования) и тип институционального изоморфизма (в случаях институционального заимствования). Направленность институциональной реформы (централизация / децентрализация; уступка или ограничение со стороны национального центра в отношении региона) также рассматривается как контекстуальный параметр анализа.

Для анализа были отобраны ключевые нормативные акты, затрагивающие вопросы управления политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве (то есть институциональные реформы, проводимые в отношении Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса) в период 1998–2023 гг. Отбор и фиксация актов осуществлялись в официальной информационной системе британского парламента Hansard¹. В выборку попадали только принятые законодательные акты (с санкцией монарха) высшего правительственного уровня; находящиеся на рассмотрении на разных этапах законодательного процесса акты не учитывались в анализе. На первом этапе было отобрано 47 нормативно-правовых актов в отношении автономных регионов. На втором этапе были отобраны нормативно-правовые акты, которые непосредственно касались институциональных реформ, – таких оказалось 13. Большинство актов, затрагивающих автономные регионы и не относящихся к институциональным реформам, посвящено административным вопросам в отношении Северной Ирландии (например, назначение администраций и определение бюджета в годы правительственных кризисов). Динамика институциональных реформ Соединенного Королевства в отношении региональных автономий представлена на рисунке.

**Динамика институциональных реформ Соединенного Королевства
в отношении региональных автономий (1998–2023 гг.)**

¹ Hansard. UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/> (accessed: 17 November 2023).

**Политико-территориальная целостность Соединенного Королевства:
динамика деволюционных институциональных реформ**

Соединенное Королевство характеризуется комплексной системой территориального управления: внутри этнических региональных автономий имеет место вариативная система округов, разноразрядных боро и унитарных административных элементов. Союзное государство сочетает единый национальный суверенитет с вариативной структурой территориальных договоренностей с союзными элементами: Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом (Gamble, 2006). В 1998 г. Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс получили значительные политико-управленческие компетенции на региональном уровне, в связи с чем регионы можно характеризовать как автономные. Динамика региональной автономии Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса, выраженной в институциональном измерении самоуправления региона (self-rule) и совместного управления (shared-rule), представлена в табл. 2 (составлено по материалам базы данных Regional Authority Index (Hooghe et al., 2016; Shair-Rosenfield et al., 2021)).

Таблица 2

Динамика региональной автономии регионов Соединенного Королевства

Индекс региональной автономии: самоуправление региона							
Регион	Период	ID	PS	FA	BA	RP	TOTAL
Северная Ирландия	1999–2002	3	3	1	1	4	12
	2003–2006	1	0	0	0	0	1
	2007–2018	3	3	1	1	4	12
	2018–2023	1	0	0	0	0	1
Шотландия	1999–2023	3	3	3	1	4	14
Уэльс	1999–2016	2	2	0	1	3	8
	2017–2017	3	3	0	1	4	11
	2018–2023	3	3	2	1	4	13
Индекс региональной автономии: совместное управление							
Регион	Период	LM	EC	FC	BC	CR	TOTAL
Северная Ирландия	1999–2002	1,5	1	0	0	4	6,5
	2003–2006	0	0	0	0	0	0
	2007–2018	1,5	1	0	0	4	6,5
	2018–2023	0	0	0	0	0	0
Шотландия	1999–2007	1,5	1	0	0	4	6,5
	2008–2023	1,5	2	0	0	4	7,5
Уэльс	1999–2007	1,5	1	0	0	4	6,5
	2008–2023	1,5	2	0	0	4	7,5

Примечание: составлено автором на материалах базы данных Regional Authority Index (Hooghe et al., 2016). ID (Institutional Depth) – институциональные возможности и полномочия. PS (Policy Scope) – спектр политических компетенций. FA (Fiscal Autonomy) – фискальная / налоговая автономия. BA (Borrowing Autonomy) – автономия займов, кредитования и трансфертов. RP (Representation) – политическое представительство. LM (Law Making) – законотворческий процесс. EC (Executive Control) – контроль исполнительной власти. FC (Fiscal Control) – контроль фискальной политики. BC (Borrowing Control) – контроль бюджетной политики и кредитования. CR (Constitutional Reform) – конституциональное реформирование.

В соответствии с ключевыми деволюционными законами 1998 г. регионы Соединенного Королевства в целом идентичны и равны в институциональных возможностях политического представительства, политико-управленческих компетенциях региональных ассамблей и правительств. Автономные регионы также обладают равными институциональными возможностями по влиянию на законотворческий процесс на общенациональном уровне, а регионалистские партии регулярно представлены в палате общин (Грабевник, 2021). Кроме того, благодаря конвенции Сьюэлла автономные регионы Соединенного Королевства в равной степени обладают широкими возможностями по кон-

тролю за конституционным процессом и конституционным реформированием¹. Институциональное равенство наблюдается и в отношении кредитования и займов: при одобрении государственного секретаря автономии могут брать займы для балансирования региональных бюджетов (Шотландия также в инвестиционных целях, а Уэльс в целях капитальных расходов).

Вместе с тем наблюдаются отчетливые отличия в динамике институциональных автономий Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. Они различаются как в отношении самой институциональной структуры автономий, так и в отношении динамики имплементации подобных институтов. Иными словами, имеет место вариация того, как были реализованы институциональные реформы по предоставлению регионам автономных институциональных статусов. Далее представлена институциональная динамика управления политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве в региональной вариации (кейсы Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса) с 1998 по 2023 гг.

Северная Ирландия. Впервые Северная Ирландия получает самоуправление и региональную администрацию в Стормонте в 1920 г., но в результате затяжного конфликта 1960-х гг., известного как The Troubles, в 1972 г. Вестминстер устанавливает прямое управление в регионе. Современная история деволюции в Северной Ирландии начинается в 1998 г. подписанием Белфастского соглашения (также известного как Соглашение Страстной пятницы) между ключевыми юнионистскими и республиканскими партиями Северной Ирландии, а также между Соединенным Королевством и Республикой Ирландия (после референдумов в Северной Ирландии и Республике Ирландия). Институционально были закреплены ключевые региональные органы власти: однопалатный парламент – Ассамблея Северной Ирландии (Northern Ireland Assembly) и исполнительная администрация – Кабинет министров Северной Ирландии (Northern Ireland Executive) (Northern Ireland Act 1998, 1998). Политическая система в соответствии с актами 1998 и 2006 гг. может быть охарактеризована как консоциативная (с явно выраженным институциональным механизмом power-sharing) (Murphy & Evershed, 2021).

В соответствии с Актом о Северной Ирландии 1998 г. региональные законодательные и исполнительные власти могут реализовывать полномочия в достаточно широком спектре за пределами исключительных компетенций Соединенного Королевства (международные отношения, внешняя и оборонная политика, денежная и финансовая системы, воздушное и морское транспортное сообщение, уголовное право, телекоммуникации, миграционная политика и политика по предоставлению гражданства, а с 2007 г. также полицейский и гражданский порядок) (Northern Ireland Act 1998, 1998). Что касается экономических вопросов (налоговой политики, бюджетного перераспределения, кредитования), то Северная Ирландия вправе собирать любые налоги, которые не собирают общенациональные власти, что представляет собой крайне ограниченное налоговое пространство. По состоянию на 2023 г. Северная Ирландия вправе собирать региональную ставку налога на недвижимость в границах региона, устанавливаемую Ассамблеей Северной Ирландии (Northern Ireland Act 1998, 1998).

Воспользоваться подобными полномочиями Северная Ирландия может только периодически – в 1999–2002 и 2007–2018 гг. Делегированная в 1998 г. автономия в регионе просуществовала около двух лет и была прервана правительственным конфликтом между Ольстерской юнионистской партией и республиканской партией «Шинн Фейн». Самоуправление было возвращено Соглашением Сент-Эндрюс 2007 г., но региональные элитные конфликты в 2017–2018 гг. вновь привели к ограничению автономии. Современный политический процесс в Северной Ирландии также сопровождается межэлитными конфликтами и конфликтами между республиканским и юнионистским сообществами. Несмотря на проведение внеочередных выборов в Стормонт в 2022 г., на которых регионалистская «Шинн Фейн» впервые получила больше мест в региональной легислатуре, чем Демократическая юнионистская партия (27 против 25)², стороны не могут сформировать региональное правительство на консоциативных условиях из-за разногласий в отношении Протокола по Северной Ирландии (Northern Ireland Protocol Bill) (Охошин, 2023).

Шотландия. В результате референдума 1979 г. Шотландия получила автономные региональные органы законодательной и исполнительной власти (Scotland Act 1978, 1978). С 1979 г. шотландский Холируд обладает законодательными полномочиями (при праве государственного секретаря по Шотландии наложить вето на законопроект) во всех областях, находящихся за пределами исключи-

¹ Sewel Convention. UK Parliament and Constitution Centre. SN/PC/2084. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN02084/SN02084.pdf> (accessed: 17 November 2023).

² Northern Ireland Assembly Election Results 2022. Sinn Féin becomes largest party in NI Assembly. URL: <https://www.bbc.com/news/election/2022/northern-ireland/results> (accessed: 17 November 2023).

тельной компетенции Соединенного Королевства (международные отношения, внешняя и оборонная политика, фискальная и денежная политика, международная торговля, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, энергетическая политика, включая нефть, газ, атомную энергетику и уголь, воздушный и морской транспорт, миграционная политика и политика предоставления гражданства и частично здравоохранение, рынок труда и культурная политика).

В 2012 г. (Scotland Act 2012, 2012) и особенно в 2016 г. (Scotland Act, 2016, 2016), то есть после референдума 2014 г. о независимости Шотландии, полномочия и автономия Шотландии в составе Соединенного Королевства были пересмотрены (Burnham, 2017). С 2016 г. шотландский парламент и шотландское правительство стали неотъемлемыми конституционными частями Соединенного Королевства (то есть институционально закрепленными в общенациональной политической системе), которые могут быть лишены такой институциональной преференции только по решению соответствующего референдума. Также была институционально закреплена политическая традиция Соединенного Королевства (так называемая конвенция Сьюэлла), по которой Вестминстер не в праве принимать законодательные акты в отношении деволюционных частей государства или в отношении зоны их компетенций. Эдинбург получил полный контроль над региональными и локальными избирательными системами. Зоны политической законотворческой компетенции Холируда также были расширены: с 2016 г. в них включены политика занятости и рынка труда, добыча прибрежных нефти и газа, железнодорожный франчайзинг и управление, дорожные знаки, некоторые социальные пособия (как, например, пособия по инвалидности), жилищная политика, социальное обеспечение и безопасность.

Акт 2016 г. предоставил Шотландии ограниченную степень региональной автономии в вопросах фискальной политики. Шотландские власти теперь вправе корректировать базовую ставку подоходного налога (SVR – Scottish Variable Rate), а также устанавливать налог на сделки с земельной собственностью и налог на места хранения мусора (свалки). Главная же налоговая преференция (читай уступка со стороны Соединенного Королевства ради сохранения политико-территориальной целостности) заключается в том, что Шотландия получает половину поступлений от налога на добавленную стоимость (Scotland Act 2016, 2016).

Уэльс. В отличие от Северной Ирландии и Шотландии, автономия Уэльса долгое время была преимущественно административной и лишеной серьезных законотворческих полномочий. Правительственный акт 1998 г. (Government of Wales Act 1998, 1998) институционализировал региональную ассамблею и установил вопросы, по которым она могла принимать управленческие (но не законотворческие) решения: сельское хозяйство, окружающая среда, транспортная система, защита от наводнений, валлийский язык и валлийская культура, образовательная система, туризм и отдых, социальные услуги, спорт. В преддверии региональных парламентских выборов 2007 г. были внесены поправки в акт 1998 г., которые предполагали расширение законотворческих полномочий региона по более чем двадцати областям политики парламентской ассамблеи в Уэльсе при успешных результатах народного референдума. Результаты референдума 2011 г. подчеркнули регионалистские интенции валлийцев (63,4 % высказались за расширение законодательных функций в валлийском регионе)¹, но новый акт, предусматривавший расширение автономии Уэльса, был принят только в 2017 г. (Wales Act 2017, 2017).

Благодаря институциональным изменениям система автономии Уэльса стала больше похожей на институциональное устройство Шотландии: была имплементирована и институционально закреплена конвенция Сьюэлла; валлийские власти так же получили полный контроль над региональными и локальными избирательными системами; компетенции государственного секретаря по Уэльсу в части контроля над региональным законодательством стали идентичными компетенциям государственного секретаря по Шотландии; Уэльс так же получил компетенции в энергетике, дорожных знаках и символах, дорожных переходах, оплате труда учителей и других областях. По модели Шотландии с 2017 г. в региональной политической системе Уэльса имплементировано право регионального валлийского правительства устанавливать дополнительную региональную ставку подоходного налога (Wales Act 2017, 2017).

---

¹ Results of the National Assembly for Wales Referendum 2011. National Assembly for Wales. URL: <https://senedd.wales/media/gclkwaf/11-017-english.pdf> (accessed: 17 November 2023).

Институциональные инновации и изоморфизм в управлении политико-территориальной гетерогенностью Соединенного Королевства

Качественный анализ дебатов и истории принятия и имплементации институциональных решений по управлению политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве показывает наличие как институциональных инноваций, так и институциональных заимствований (преимущественно подражательного типа) в рамках одного организационного поля. Деволюционные институциональные нововведения 1998 г. (Government of Wales Act 1998, 1998; Northern Ireland Act 1998, 1998; Scotland Act 1998, 1998) можно с уверенностью назвать институциональными новациями. Асимметричные модели предоставления автономии сами по себе являются достаточно уникальными кейсами, чтобы говорить о наличии системного изоморфизма в подобных случаях. Шотландия получила вполне классическую региональную политическую систему в сравнении с другими регионами (Перегулов, Семененко, 2015). Уэльсу была предоставлена формальная легислатура (Национальная ассамблея Уэльса), которая не обладала законодательными функциями, но вместо этого реализовывала функции исполнительные (фактически функции регионального правительства), что отмечается исследователями как управленческая новация и вариант «исполнительной деволюции» (Vulmer et al., 2002; Каракчиев, 2007). Автономия Северной Ирландии формально была возвращена с более ранних времен, однако консоциативная система стала институциональным новшеством внутри союзного государства, хотя за пределами Соединенного Королевства такие политические системы уже использовались при попытках преодоления этнополитических кризисов. Таким образом, институциональные реформы 1998 года могут быть маркированы как институциональные инновации в рамках институционального поля Соединенного Королевства (табл. 3).

Таблица 3

Механизмы институциональных реформ Соединенного Королевства в отношении управления политико-территориальной целостностью

Год	Институциональная реформа	Регион	Механизм
1998	Government of Wales Act 1998, 38/1998	Уэльс	Институциональная инновация
1998	Northern Ireland Act, 47/1998	Северная Ирландия	Институциональная инновация
1998	Scotland Act 1998, 46/1998	Шотландия	Институциональная инновация
2006	Government of Wales Act 2006, 32/2006	Уэльс	<i>Подражательный изоморфизм</i>
2006	Northern Ireland Act 2006, 53/2006	Северная Ирландия	Продолжение реформы
2007	Northern Ireland Act 2007, 4/2007	Северная Ирландия	Продолжение реформы
2009	Northern Ireland Act 2009, 3/2009	Северная Ирландия	Продолжение реформы
2012	Scotland Act 2012, 11/2012	Шотландия	Институциональная инновация
2014	Wales Act 2014, 29/2014	Уэльс	<i>Подражательный изоморфизм</i>
2016	Scotland Act 2016, 11/2016	Шотландия	Институциональная инновация
2016	Northern Ireland Act 2016, 13/2016	Северная Ирландия	<i>Подражательный изоморфизм</i>
2017	Wales Act 2017, 4/2017	Уэльс	<i>Подражательный изоморфизм</i>
2022	Northern Ireland Act 2022, 45/2022	Северная Ирландия	<i>Подражательный изоморфизм</i>

Необходимо отметить, что институциональные реформы в отношении Шотландии не имеют признаков институционального изоморфизма. Шотландский кейс деволюционного реформирования отличается от других как небольшим количеством крупных институциональных реформ (всего три реформы за 25 лет – 1998, 2012, 2016), так и отсутствием в данных актах (а также стенограммах, ма-

териалах парламентских дебатов) ссылок на другие институциональные кейсы или эффективные практики¹. Соответственно, в случае Шотландии наблюдается преимущественно использование институциональных новаций. Вместе с тем именно шотландский опыт институционального реформирования был затем использован в валлийском случае.

Институциональные деволюционные изменения 2000–2010 гг. демонстрируют несколько иную логику реформ. С одной стороны, происходит эскалация конфессионально-политического конфликта в границах Северной Ирландии, который перерастает в первый крупный именно институциональный правительственный коллапс на региональном уровне. Соглашение Сент-Эндрюс 2006 г. и два акта о Северной Ирландии (Northern Ireland Act 2006, 2006; Northern Ireland Act 2007, 2007), институционально его закрепляющие, скорее являются выражением «тонкой настройки» региональной системы, а уточнение процедуры формирования регионального правительства и распределение полномочий в отношении правосудия и функционирования полиции – скорее дополняющими элементами продолжающегося североирландского деволюционного проекта. Говорить о едином пакете реформ не приходится, но планомерный и поступательный алгоритм со стороны Вестминстера имел место: Акт о Северной Ирландии 2009 г. (Northern Ireland Act 2009, 2009) – еще один шаг к оформлению региональной системы правосудия и полицейского надзора.

С другой стороны, в тот же период оформляется тренд на подражание и заимствование институциональной системы Шотландии со стороны Уэльса. Выделение постоянно действующих региональной легислатуры и регионального правительства (акт 2006 г.) сделано по модели Шотландии, о чем официально заявляется как при рассмотрении законопроекта, так и в самом нормативном акте: «...but new provision, equivalent to section 3 of the Scotland Act 1998...» или «...provision for the Commission broadly follows that made in the Scotland Act 1998 for the Scottish Parliamentary Body...» (Government of Wales Act 2006, 2006: 27, 31). Расширение законодательных полномочий Национальной ассамблеи Уэльса в 2014 г. (Wales Act 2014, 2014) и установление фискальных преференций в 2017 г. также прямо указывает на опыт институционального реформирования в Шотландии: «...the Wales Bill 2016-17 changes Welsh devolution to a reserved powers model as used for Scotland...» (Wales Act 2017, 2017).

Подобный тренд подражательного институционального изоморфизма в границах Соединенного Королевства отмечен в 2022 г. и в случае Северной Ирландии. В контексте брежжизма, неразрешенности вопроса североирландской границы, регионального правительственного кризиса Вестминстер в ответ на регионалистские запросы имплементировал Акт о Северной Ирландии в отношении этнической и культурной идентичности, а также региональных языков (ирландского и ольстерского скотс) (Identity and Language Northern Ireland Act 2022, 2022). В материалах дебатов по данному законопроекту², а также в британских и ирландских аналитических материалах³ обнаруживаются многочисленные отсылки к закону о валлийском языке 1993 г. (Welsh Language Act 1993, 1993).

* * *

Таким образом, можно констатировать, что управление политико-территориальной гетерогенностью в Соединенном Королевстве реализовано посредством двух ключевых механизмов: институциональных инноваций и подражательного институционального изоморфизма. В случае Северной Ирландии проявляются преимущественно институциональные инновации (за исключением законодательного акта об идентичности и языке 2022 г.) (Northern Ireland Act 2022, 2022), что обусловлено довольно комплексной внутрорегиональной политической, конфессиональной и демографической ситуацией и необходимостью постоянной настройки институциональной системы со стороны общенационального центра. В случае Шотландии, которая нередко характеризуется как ключевой локомотив регионализма в Соединенном Королевстве, находит выражение условная «классическая» модель деволюции, которая затем выступает в качестве институционального ориентира для валлийского автономного региона. Соответственно в рамках процесса институционального реформирования в отношении

¹ Можно, однако, предположить, что налоговые преференции как результат реформы 2016 г. могли быть (сознательно или неосознанно) имплементированы по другим институциональным моделям, встречающимся в рамках подпрограмм «Европы регионов» Европейского союза.

² Identity and Language (Northern Ireland) Bill. First reading. May 2022. URL: <https://www.parliament.uk/bills/2022-23/identityandlanguagenorthernireland/debates> (accessed 17 November 2023).

³ Explainer: Breaking the deadlock over an Irish Language Act. Promised legislation would provide legislative protection for the language in Northern Ireland. Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/explainer-breaking-the-deadlock-over-an-irish-language-act-1.4135275> (accessed 17 November 2023).

Уэльса отчетливо проявляются черты подражательного изоморфизма. Материалы парламентских дебатов, стенограммы рассмотрений законопроектов, двойные параллельные чтения, заявления валлийских регионалистов в отношении деволюции указывают на заимствования шотландского институционального опыта как в отношении политико-административной структуры, так и в отношении финансовых и налоговых компетенций¹.

В качестве дополнительных комментариев необходимо заметить, что в рамках Соединенного Королевства неоднократно использованы еще две механики управления политико-территориальной гетерогенностью, которые не представляют собой институциональные реформы (и поэтому не были рассмотрены в рамках настоящей статьи), но закрепляют условия и нередко содержание потенциальных институциональных изменений – референдумы и межправительственные соглашения центра и автономных регионов. В рамках исследуемого периода были проведены такие региональные референдумы, как референдум о передаче полномочий Уэльсу 1997 г., референдум о передаче полномочий Шотландии 1997 г., референдум 1998 г. по Белфастскому соглашению (Соглашению Страстной Пятницы) в Северной Ирландии, референдум о передаче полномочий Уэльсу 2011 г., референдум о независимости Шотландии 2014 г.² Среди основных межправительственных соглашений стоит отметить Белфастское соглашение 1998 г., Соглашение Сент-Эндрюс 2006 г., Единбургское соглашение 2012 г. Поскольку большинство подобных механизмов совместного принятия решений не относились к типичным случаям и затрагивали разные сферы политики и центр-региональных взаимодействий, маркировать их как институциональный изоморфизм не приходится. Однако, имея в виду, что и межправительственные соглашения, и референдумы достаточно часто встречаются в современном политическом процессе Соединенного Королевства в целом (и не только в центр-региональных отношениях), можно предположить, что их регулярное использование связано с приверженностью либеральным демократическим ценностям и британской политической традиции, что может выступать признаком нормативного институционального изоморфизма.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Гаджиев, Х. А. (2016) 'Политические институты: институциональный и неинституциональный подход', *Власть*, 23 (7), сс. 134–140. [Gadzhiev, Kh. A. (2016) 'Political Institutions: institutional and neoinstitutional approaches' [Politicheskie instituty: institucional'nyj i neoinstitucional'nyj podhod], *Vlast*, 23 (7), pp. 134–140 (In Russ.)].
- Грабевник, М. В. (2021) 'Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23 (3), сс. 463–478. [Grabevnik, M.V. (2021) 'Party Strength of Regionalist Parties of United Kingdom: Conceptualisation and Measuring' [Sila regionalistskih partij Soedinennogo Korolevstva: konceptualizacija i izmerenie], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija*, 23 (3), pp. 463–478 (In Russ.)].
- Каракчиев, П. О. (2007) 'Региональная деволюция в Уэльсе', *Современная Европа*, 3 (31), сс. 85–98. [Karakchiev, P.O. (2007) 'Regional Devolution in Wales' [Regional'naja devoljucija v Ujel'se], *Sovremennaja Evropa*, 3 (31), pp. 85–98 (In Russ.)].
- Охошин, О. В. (2023) 'Новый политический кризис в Северной Ирландии', *Современная Европа*, 1(115), сс. 46–58. [Oho-shin, O.V. (2023) 'New Political Crisis in Northern Ireland' [Novyj politicheskij krizis v Severnoj Irlandii], *Sovremennaja Evropa*, 1(115), pp. 46–58 (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2023) 'Политико-территориальная гетерогенность, конфликты и ин-

¹ Как Уэльс институционально идет по следам Шотландии, можно увидеть и в динамике индекса региональной автономии (см. табл. 2).

² Более подробно о референдумах в Соединенном Королевстве – в аналитических материалах британского Institute for Government: Never mind the ballots: referendums in the UK. Institute for Government. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/article/comment/never-mind-ballots-referendums-uk> (accessed 17 November 2023).

- ституциональные решения: состояние и перспективы развития баз данных для количественных исследований’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 17 (3), сс. 85–95. [Panov, P.V. (2023) ‘Political-Territorial Heterogeneity, Conflicts and Institutional Solutions: the State and Prospects for the Development of Databases for Quantitative Research’ [Politiko-territorial'naja geterogennost', konflikty i institucional'nye reshenija: sostojanie i perspektivy razvitiya baz dannyh dlja kolichestvennyh issledovanij], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*, 17 (3), pp. 85–95. (In Russ.)].
- Перегудов, С. П., Семенов, И. С. (2015) ‘Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности’, *Мировая экономика и международные отношения*, 3, сс. 64-75. [Peregudov, S.P., Semenov, I.S. (2015) ‘Scottish Referendum and Future of British State’ [Referendum o nezavisimosti Shotlandii i problemy britanskoj gosudarstvennosti], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 3, pp. 64-75 (In Russ.)].
- Bulmer S., Burch M., Carter C., Hogwood P., Scott A. (2002) *British Devolution and European Policy Making. Transforming Britain into Multi-level Governance*, Palgrave MacMillan.
- Burnham, J. (2017) ‘Fragmentation and Central Control: Competing Forces in a Disunited Kingdom’ in Ruano, J.M. and Profiroiu, M. (eds.) *The Palgrave Handbook of Decentralization in Europe*, Houndmills: Palgrave Macmillan, pp. 123–156.
- Di Maggio, P., Powell, W. (1983) ‘The Iron Cage Revisted: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields’, *American Sociological Review*, 48, pp. 147–160.
- Identity and Language (Northern Ireland) Act 2022*, UK Public General Acts, 2022, c. 45.
- Gamble, A. (2006) ‘The Constitutional Revolution in the United Kingdom’, *Publius: The Journal of Federalism*, 36 (1), pp. 19–35.
- Government of Wales Act 1998*, UK Public General Acts, 1998, p. 38.
- Government of Wales Act 2006*, UK Public General Acts, 2006, p. 32.
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A., Osterkatz, S., Niedzwiecki, S., Shair-Rosenfield, S. (2016) *Measuring Regional Authority*. Oxford: Oxford University Press.
- Murphy, M., Evershed, J. (2021) ‘Contesting sovereignty and borders: Northern Ireland, devolution and the Union’, *Territory, Politics, Governance*, 10 (5), pp. 661–677.
- Northern Ireland Act 1998*, UK Public General Acts, 1998, p. 47.
- Northern Ireland Act 2009*, UK Public General Acts, 2009, p. 3.
- Northern Ireland (St Andrews Agreement) Act 2006*, UK Public General Acts, 2006, p. 53.
- Lehmann, P., Franzmann, S., Burst, T., Regel, S., Riethmüller, F., Volkens, A., Weßels, B., Zehnter, L. (2023) *The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR)*. Version 2023a. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Göttingen: Institut für Demokratieforschung (IfDem).
- Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) ‘SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict’, *Journal of Conflict Resolution*, 62 (3), pp. 656–686.
- Scotland Act 1998*, UK Public General Acts, 1998, p. 46.
- Scotland Act 2012*, UK Public General Acts, 2012, p. 11.
- Scotland Act 2016*, UK Public General Acts: 2016, p. 11.
- Shair-Rosenfield S., Schakel A. H., Niedzwiecki S. et al. (2021) ‘Language difference and regional authority’, *Regional and Federal Studies*, 31 (1), pp. 73–97.
- The Agreement between the United Kingdom Government and the Scottish Government on a referendum on independence for Scotland*, Edinburgh, 2012.
- The Belfast Agreement: An Agreement Reached at the Multi-Party Talks on Northern Ireland*. Secretary State for Northern Ireland, 1998, Cm 3883.
- Wales Act 2014*, UK Public General Acts, 2014, p. 29.
- Wales Act 2017*, UK Public General Acts, 2017, p. 4.
- Welsh Language Act 1993*, UK Public General Acts, 1993, p. 38

Статья поступила в редакцию: 10.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**POLITICAL-TERRITORIAL INTEGRITY OF THE UNITED KINGDOM:
INSTITUTIONAL INNOVATIONS AND MIMETIC ISOMORPHISM**

M. Grabevnik

Mikhail Grabevnik, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Researcher,
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russia
E-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519, ResearcherID: G-5572-2018).

Abstract

The political-territorial heterogeneity is regularly managed by the states through institutional reforms of various kinds. Such reforms may be the result of the creation of new institutional arrangements (institutional innovation), but more often they exhibit a certain degree of borrowing from already known institutional practices (institutional borrowing). The research aims to analyze institutional reforms in the United Kingdom aimed at maintaining political-territorial integrity (in relation to the regional autonomies of Northern Ireland, Scotland, and Wales) during the modern devolution period (1998–2023). The theory of institutional isomorphism (P. DiMaggio and W. Powell) is used as a methodological framework. The author demonstrates two key institutional mechanisms in the processes of managing political-territorial heterogeneity in the United Kingdom – institutional innovations (primarily in the cases of Scotland and Northern Ireland) and mimetic institutional isomorphism (in the case of Wales and rarely in the case of Northern Ireland). The author concludes by suggesting that referendums and intergovernmental center-regional agreements might be indicators of normative institutional isomorphism.

Keywords: political-territorial heterogeneity; institutional isomorphism; institutional reforms; devolution; United Kingdom; Northern Ireland; Scotland; Wales.

Financial support: The research was funded by the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-41-49

НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: РОЛЬ ФАКТОРОВ ДОВЕРИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗМА

К. А. Крикунов

Крикунов Кристина Александра, аспирантка школы по политическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018).

Аннотация

Одной из важных задач антикоррупционной политики является не только выявление фактов коррупции и наказание за уже совершенные правонарушения, но и внедрение превентивных мер, минимизирующих риски коррупционного поведения, в частности системы регулирования конфликта интересов. Эта система включает различные меры, начиная от запрета или ограничений на получение должностными лицами подарков и заканчивая внедрением периода охлаждения при переходе государственного служащего в частный сектор. В общем виде все меры регулирования конфликта интересов могут быть отнесены к трем базовым моделям: модель запретов, модель профессиональной культуры и адаптационная модель. Эти модели будут рассмотрены в статье. Предыдущие исследования, изучающие регулирование конфликта интересов, преимущественно отдавали предпочтение институциональному объяснению. Цель данной статьи – оценить эффективность моделей регулирования конфликта интересов через призму неинституциональных факторов. В связи с этим одним из источников данных были результаты опроса Всемирного обзора ценностей, в частности данные по уровням индивидуализма и доверия в обществе. Результаты множественного регрессионного анализа частично подтвердили гипотезу о том, что модель профессиональной культуры в условиях высокого уровня доверия и индивидуализма справляется с регулированием конфликта интересов лучше, чем другие модели. Однако полученные результаты дают основание для проведения дальнейших исследований с целью построения более комплексной стратегии регулирования конфликта интересов, исходя из различных внешних и внутренних условий.

Ключевые слова: конфликт интересов; коррупция; антикоррупционная политика; государственная служба; эффективность государственной политики; Всемирный обзор ценностей; множественный регрессионный анализ.

Важность изучения конфликта интересов связана с рядом причин и основная из них – это возрастание рисков коррупционного поведения должностных лиц в случае, если конфликт интересов не урегулирован. Стоит отметить, что эта проблема характерна не только для государственного, но и для частного сектора. Однако регулирование поведения публичных должностных лиц имеет ряд отличительных черт: ограниченный выбор стратегий, обусловленный правовой и организационной спецификой; заведомо более высокие ожидания со стороны граждан, а также более широкий круг компетенций должностных лиц, связанный со служением общественным интересам (Bossaert & Demmke, 2005). Иными словами, регулирование конфликта интересов – это вопрос уровня доверия граждан к политической системе, возможность сокращения «доверительного разрыва» между гражданами и государством, препятствующего развитию демократии (Lipset & Schneider, 1987; Toth, 2015). В свою очередь, эффективно выстроенное регулирование конфликта интересов в перспективе не только повышает прозрачность системы, но и потенциально снижает ее бюрократизированность (Feldheim, 2004).

Научные исследования, посвященные проблематике конфликта интересов, преимущественно направлены на изучение внешней среды и ее влияния на эффективность антикоррупционной политики. Особое внимание ученые уделяют такому фактору, как уровень институционального развития, и сходятся во мнении о том, что с повышением качества институтов повышается эффективность антикоррупционного регулирования (Tanzi, 1998). Кроме того, в зависимости от уровня развития полити-

ческих и экономических институтов с разной степенью эффективности будут работать меры и модели регулирования конфликта интересов (Крикунов, 2019).

Однако стоит отметить, что фокус предыдущих исследований оказывается несколько смещенным в сторону институционального объяснения, что искусственно сужает исследовательское поле. Качество институтов является значимым, но не единственным фактором, который связан с эффективностью антикоррупционной политики в части правоприменения. К примеру, традиция «гуаньси» в Китае (способ установления доверительных отношений между людьми, выражающийся в дарении подарков, помощи с работой, покровительстве и др.) усложняет внедрение такой меры регулирования конфликта интересов, как запрет на получение подарков должностными лицами (Lee, 2018). Грань между гуаньси и бюрократической коррупцией оказывается очень тонкой, что ставит перед исследователями и законодателями вопрос: возможно ли путем формального регулирования запретить существующую традицию установления социальных связей или нужно использовать другие меры регулирования конфликта интересов?

Таким образом, цель этого исследования – поиск ответа на вопрос, как связаны такие неинституциональные факторы, как ценности, разделяемые обществом, с эффективностью регулирования конфликта интересов? И почему некоторые меры регулирования конфликта интересов в одних странах оказываются более эффективными, чем в других?

Причины возникновения коррупционного поведения

В научном дискурсе существует несколько подходов к тому, что считать причиной возникновения неэтичного поведения, связанного с конфликтом интересов и коррупцией. В целом эти исследования могут быть отнесены к двум основным группам: исследования коррупции и конфликта интересов на микроуровне, когда внимание уделяется специфике организационной структуры и управлению, и исследования макроуровня, в основе которых лежат внешние факторы, не зависящие напрямую от организации.

Одним из примеров теории микроуровня является теория «плохого яблока», которая объясняет возникновение коррупционного поведения как следствия пребывания в организации недобросовестных членов, на которых негативно влияет конкуренция и внешние стимулы (De Graaf, 2007), а они в свою очередь оказывают негативное воздействие на своих коллег (Trevino & Youngblood, 1990). Кроме того, воспринимаемая членами организации справедливость напрямую связана с их поведением. Государственные служащие, сравнивая себя с другими членами по критерию распределения ресурсов, участия или коммуникации, оценивают организацию как справедливую или несправедливую (Baldwin, 2006), и чем более несправедливой воспринимается организация, тем выше склонность государственных служащих к неэтичному поведению (De Schrijver et al., 2010).

Другие авторы указывают, что риски, связанные с неэтичным поведением государственных служащих, возрастают в связи с переходом на новые модели государственного управления (например, New Public Management), которые внедряют методы управления частным сектором в государственную сферу, выступают за децентрализацию и увеличение дискреционных полномочий (Hood, 1991; Demmke & Moilanen, 2012). К примеру, Айд выводит формулу коррупции в публичном секторе, утверждая, что она является следствием трех факторов: дискреционной власти должностных лиц, экономической ренты и слабых административных институтов (Jain, 2002; Aidt, 2003). Все это нарушает сложившиеся ценности идеальной веберовской бюрократии вследствие смещения акцента с коллективности и строгой иерархичности в сторону самостоятельности и инициативности. Это может привести к асимметрии информации и связанной с ней проблеме принципал-агентских отношений, когда агенты (публичные должностные лица) начинают действовать в своих интересах, а не в интересах общества (Teixeira et al., 2015).

В свою очередь, исследования макроуровня ставят во главу угла внешние особенности системы, которые становятся благоприятными или, напротив, неблагоприятными условиями для возникновения коррупции на разных уровнях. В этой связи наибольшее исследовательское внимание уделено институциональным составляющим системы как фактору, определяющему эффективность проведения антикоррупционной реформы и регулирования конфликта интересов. К примеру, внедрение рыночных механизмов минимизирует риски монополизации экономики и сокращает уровень коррупции (Alam, 1995; Coolidge & Rose-Ackerman, 1999; Acemoglu & Verdier, 2000), а прозрачная система государственной службы препятствует появлению коррупции как «смазочного механизма» внутри неработающей бюрократической системы (Hoetjes, 1982; Tanzi, 1998; Molinari, 2014).

Еще одним направлением являются режимные исследования, направленные на поиск взаимосвязи между уровнем коррупции и свободой СМИ (Mungiu-Pippidi, 2011; Kalenborn & Lessmann, 2013; Bhattacharyya & Hodler, 2015), уровнем развития гражданского общества и соблюдением личных прав и свобод (Treisman, 2007). Такие исследования, однако, неоднократно подвергались критике, во многом из-за того, что свобода прессы, гласность, подотчетность и другие составляющие демократического режима могут оказаться неэффективными без общественного запроса на изменения (Rose-Ackerman, 1978). Из этого следует, что для снижения стимулов к возникновению коррупционного поведения необходимы соответствующие культурные нормы и стандарты честности и объективности.

Существующие эмпирические исследования во многом подтверждают значимость ценностного фактора. К примеру, виды коррупции и плотность ее распространения зависят от отношения людей к коррупции и их готовности стать коррумпированными (Della Porta & Pizzorno, 1996). Иными словами, коррупция предопределяется не структурными факторами, а планкой моральной цены участия в коррупционных деяниях (Sadigov, 2018). Заданный политической культурой поведенческий репертуар регулирует поведение индивидов, и эти установки позволяют действовать конкретным образом (Sandholtz & Koetzle, 2000). Ярким примером, иллюстрирующим репертуар действий, является институт осведомительства (whistleblowing) как один из механизмов регулирования конфликта интересов. В одних системах осведомительство о фактах коррупции и другого неэтичного поведения должностных лиц является социально одобряемым, а осведомитель позиционируется как защитник общественных интересов. В других же системах осведомительство считается «стукачеством», вмешательством «не в свое дело» и порицается (Bouville, 2008). Это одна из причин, почему культурные факторы необходимо учитывать при внедрении антикоррупционной политики: принятые без учета поведенческого репертуара меры просто не будут работать.

Более поздние исследования расширяют культурный подход, сочетая его с иными структурными факторами. Основная логика этого исследовательского подхода в том, что репертуар ориентаций может быть одним и тем же, но различные условия и стимулы могут порождать различные формы поведения. К примеру, если должностное лицо, чья социализация прошла в условиях неприятия коррупции, попадает в систему, где коррупция распространена и считается культурным обычаем, оно становится подвержено влиянию окружения и признанного лидера (Uslaner, 2004; Boly & Gillanders, 2017). Подобная логика свойственна не только коррумпированным чиновникам, но и взяточдателям. Исследование Садигова, упомянутое ранее, показало, что потенциальные взяточдатели руководствуются модальностями, связанными с преобладанием неформальных способов решения проблем, следованием принципам фатализма и слабым интересом к общественной жизни (Sadigov, 2018).

Помимо роли окружения в исследованиях также тестируется взаимосвязь таких переменных, как уровень коррупции и преобладание ценностей индивидуализма, дистанцированность общества от власти и уровень общественной неопределенности и доверия (Husted, 1999; Scholl & Schermuly, 2020). В основе этих исследований лежит идея, что общества атомизированного типа с плохо развитыми горизонтальными связями и низким уровнем социального доверия наиболее подвержены возникновению низовой и бюрократической коррупции. В отношениях с властью подобные общества не могут обеспечить общественный контроль из-за высокого уровня аполитичности, что повышает риски распространения коррупционного поведения среди публичных должностных лиц. К примеру, преобладание в обществе коллективистских ценностей повышает риски возникновения кумовства и фаворитизма на государственной службе, поскольку социальная принадлежность к группе становится приоритетным фактором для рекрутирования элиты. Особенно остро эта проблема стоит для государств, которые строят антикоррупционное законодательство по модели профессиональной культуры (Rohr, 1978; Maesschalck, 2004).

В данном исследовании мы тоже фокусируем внимание на таких неинституциональных факторах, как уровень доверия и уровень индивидуализма в обществе, чтобы попытаться перенести уже полученные теоретические результаты в плоскость практического антикоррупционного регулирования и оценки эффективности тех или иных моделей регулирования конфликта интересов в обществах различного типа.

Описание базы данных

Оценить эффективность регулирования конфликта напрямую невозможно, поскольку механизмы регулирования в этой сфере направлены на предотвращение фактов коррупции, а не на наказание

за уже совершенные правонарушения. В случае правильно выбранной законодательной рамки и успешного правоприменения будут сокращаться возможности для возникновения бюрократической коррупции. На основании этого в качестве зависимой переменной в данном исследовании был использован составной индекс восприятия коррупции – Байесовский индекс коррупции (The Bayesian Corruption Index – BCI) – за 2012–2017 гг.¹. В основе индекса 17 опросов и 110 вопросов о воспринимаемом уровне коррупции. В качестве респондентов выступают как жители страны, так и представители бизнеса, некоммерческих организаций, а также государственные служащие.

Байесовский индекс коррупции имеет ряд отличительных характеристик от других индексов, измеряющих коррупцию. Первое отличие – это неменяющаяся методология, что позволяет проводить сравнительные исследования во временной динамике. Во-вторых, значения индекса BCI лежат в пределах от 0 до 100, при этом увеличение индекса соответствует росту уровня коррупции в стране. К примеру, когда индекс равен единице, это иллюстрация того, что восприятие коррупции настолько негативно, насколько это возможно в соответствии с масштабом. Это отличает байесовский индекс, например, от WGI (Worldwide Governance Indicators от Всемирного банка), где масштабирование относительное.

Базовой независимой переменной в исследовании являлся тип модели регулирования конфликта интересов, где 1 – integrity-based (*модель профессиональной культуры*); 2 – compliance-based (*модель следования правилам*); 3 – адаптационная модель. Данные для анализа были взяты из собранной базы по 20 странам, внедрившим антикоррупционное регулирование, в частности, в сфере регулирования конфликта интересов². В первую группу вошли страны (Австралия, Италия, Канада, Норвегия), ориентирующиеся на integrity-based модель, или модель профессиональной культуры, в законодательстве которых преобладают меры осведомительства, политической нейтральности государственных служащих, регулирования трудоустройства после увольнения и др. (Крикунов, 2019). Руководящим принципом регулирования конфликта интересов в модели профессиональной культуры является повышение ценностных стандартов государственных служащих, а основной контроль осуществляется внешним способом через публичное декларирование и подотчетность.

Compliance-based модель, напротив, основана на мерах запрета, за нарушение которых предусматривается уголовная ответственность. Наиболее распространенными мерами этой модели являются регулирование получения подарков должностными лицами, а также ограничения на найм родственников в прямую подотчетность, совместительство, запрет на разглашение служебной информации и создание системы непубличного декларирования (Крикунов, 2019). В нашей выборке к этой группе были отнесены Индия, Казахстан, Китай, Сингапур, Турция, Южная Корея и Япония.

В свою очередь, адаптационная модель сочетает в себе меры из модели профессиональной культуры и модели запретов. Ее основная цель – точечное решение проблем, связанных с коррупционным поведением на разных уровнях (Крикунов, 2019). Странами, использующими адаптационную модель, являются Бразилия, Великобритания, Германия, Испания, Россия, США, Финляндия, Франция и Швейцария.

Независимыми переменными в данном исследовании выступали переменные неинституционального характера, а именно уровень доверия (wvs_trust) и уровень индивидуализма (wvs_individ) в среднем по стране. Выбор этих переменных, как было упомянуто выше, связан с тем, что современные исследования одной из причин возникновения коррупции называют недостаток общественного доверия, как между людьми, так и между обществом и государством (Scholl & Schermuly, 2020). Эта же логика справедлива для уровня индивидуализма. В обществах с доминированием ценностей индивидуализма преобладает принцип меритократии, а не фаворитизма и кумовства, что создает более благоприятную почву для антикоррупционного регулирования (Huberts, 2010).

Данные по этим переменным были взяты из проекта World Value Survey (далее – WVS) – мирового опроса, направленного на изучение ценностей, мотивации и отношения людей к различным явлениям общественной жизни. WVS состоит из национальных опросов более ста стран, при этом для стран Европы проводится отдельное направление исследований – European Values Study, из которого также были взяты данные для нескольких стран из рассматриваемой выборки. World Value Survey насчитывает семь волн исследований с 1981 по 2021 гг. Каждая последующая волна включает в себя предметные области предыдущих волн и периодически расширяет опросник с целью изучения новых явлений. В этой работе были использованы результаты шестой волны исследова-

¹The Bayesian Corruption Index. URL: <https://users.ugent.be/~sastanda/BCI/BCI.html> (accessed 16 May 2023).

² Данные по страновой базе могут быть представлены по запросу. – *Прим. автора.*

ний (2010–2014 гг.), а для европейских стран – пятой (2017), поскольку страновые данные по ней более полные по сравнению с последующей волной.

Для измерения уровня доверия был взят вопрос «*Насколько Вы доверяете людям, с которыми встретились в первый раз?*» (“*How much you trust people you meet for the first time?*”), где по шкале Лайкерта 1 – доверяю полностью (Trust completely), 2 – доверяю частично (Trust somewhat), 3 – особо не доверяю (Don’t trust very much) и 4 – не доверяю совсем (Don’t trust at all)¹. В рамках нашего исследования показатели были нормированы от 0 до 1.

При измерении уровня индивидуализма в европейских странах использовался вопрос «*Для него важно принимать самостоятельные решения касательно того, что он делает. Он любит быть свободным и ни от кого не зависеть*» (“*It’s important to him to make own decisions about what he does. He likes to be free and do not depend on others*”)². Измерения также построены по шкале, где 1 – это точно на меня похоже, а 6 – это совсем не я.

В качестве контрольных переменных были отобраны переменные по показателю человеческого капитала и уровню урбанизации. Согласно исследованиям, высокий уровень образования положительно влияет на снижение уровня коррупции, что объясняется формированием гражданского общества и обеспечением системы политической подотчетности (Tran, 2008). В нашем исследовании человеческий капитал измерялся с помощью Human Development Index, (переменная egov_hci), который включает четыре компонента: уровень грамотности среди взрослого населения, общий охват по начальному, среднему и высшему образованию; ожидаемые годы обучения и средняя продолжительность обучения³.

Для измерения уровня урбанизации (wdi_popurb) взят показатель доли городского населения по данным от Всемирного банка⁴. Выбор переменной также обоснован имеющимися исследованиями, которые утверждают, что городская среда более благоприятна для предотвращения коррупционных практик из-за более широкого распространения автоматизированных процедур, а также простоты и прозрачности регулирования (Goel & Nelson, 2010). Описательные статистики для рассмотренных переменных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики

Переменная	Номер	Ср.	Стд. откл.	Мин.	Перцентиль 0,25	Перцентиль 0,75	Макс.
Байесовский индекс коррупции	117	0,316	0,168	0,082	0,167	0,457	0,621
Уровень доверия	117	0,392	0,121	0,071	0,332	0,473	0,631
Индивидуализм	117	0,778	0,101	0,558	0,754	0,835	0,942
Индекс человеческого развития	117	0,841	0,108	0,470	0,834	0,902	1,000
Доля городского населения	117	76,843	14,062	31,634	73,739	84,841	100,000

Результаты анализа

В рамках исследования были сформулированы следующие гипотезы:

H1: С увеличением уровня общественного доверия снижается уровень коррупции.

H2: С увеличением уровня индивидуализма в обществе снижается уровень коррупции.

H3: При высоком уровне доверия и индивидуализма эффективнее регулировать конфликт интересов будет модель профессиональной культуры (integrity-based).

В качестве единиц анализа рассматриваются страны во временной перспективе (важно отметить, что в Казахстане антикоррупционное регулирование впервые было закреплено в 2015 г.). При этом с учетом инвариантности уровня доверия и изменения лишь отдельных мер регулирования конфликта интересов по рассматриваемым странам в рамках указанного временного периода

¹ The World Value Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed 16 May 2023).

² The European Values Study. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu> (accessed 16 May 2023).

³ Human Development Index. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 16 May 2023).

⁴ Urban Population. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (accessed 16 May 2023).

был сделан выбор в пользу модели множественной линейной, а не панельной регрессии. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Переменная	Байесовский индекс коррупции (от 0 до 1)			
	OLS			
	1	2	3	4
Уровень доверия	-0,65 ^{***}		-0,10	-0,32 ^{***}
	(0,11)		(0,12)	(0,09)
Индивидуализм		-1,03 ^{***}	-1,09 ^{***}	-0,75 ^{***}
		(0,12)	(0,25)	(0,17)
Модель следования правилам			-0,83 ^{**}	-0,06
			(0,30)	(0,25)
Адаптационная модель			0,11	0,34 [*]
			(0,22)	(0,16)
Индекс человеческого развития				0,29
				(0,20)
Доля городского населения				-0,01 ^{***}
				(0,001)
Индивидуализм *			1,18 ^{**}	0,15
Модель следования правилам			(0,37)	(0,33)
Индивидуализм *			-0,13	-0,42 [*]
Адаптационная модель			(0,27)	(0,20)
Константа	0,57 ^{***}	1,11 ^{***}	1,16 ^{***}	1,38 ^{***}
	(0,05)	(0,10)	(0,19)	(0,17)
Число наблюдений	117	117	117	117
R ²	0,22	0,38	0,54	0,79
Скорректированный R ²	0,21	0,38	0,51	0,77
Ошибки	0,15 (df = 115)	0,13 (df = 115)	0,12 (df = 110)	0,08 (df = 108)
F-статистика	32,69 ^{***} (df = 1; 115)	71,81 ^{***} (df = 1; 115)	21,52 ^{***} (df = 6; 110)	50,47 ^{***} (df = 8; 108)
Примечание:	* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$			

Обратимся к модели 1. Это базовая модель, где проверяется взаимосвязь между уровнем коррупции и уровнем общественного доверия. Значимый отрицательный коэффициент дает нам основание говорить о том, что в системах с высоким уровнем доверия в обществе наблюдается более низкий уровень коррупции. В модели 2 тестируется другая неинституциональная переменная, а именно уровень индивидуализма в стране. В данном случае мы наблюдаем схожие результаты, что с повышением уровня индивидуализма в обществе уровень коррупции снижается. Модель 3 более сложная, поскольку в нее были включены сразу два неинституциональных фактора, а также закодированные модели регулирования конфликта интересов. В данном случае модель следования правилам (compliance-based) значимо влияет на снижение уровня коррупции в сравнении с моделью профессиональной культуры (integrity-based). Однако, и это важно в рамках нашего исследования, сочетание высокого уровня индивидуализма и модели следования правилам может приводить к росту уровня коррупции в сравнении с комбинацией «высокий уровень индивидуализма + integrity-based регулирование», относительно которой строилась модель 3. Иными словами, в системах, где наблюдается достаточно высокий уровень индивидуализма, меры запрета (например, запрет на

найм родственников и совместительство) могут работать хуже, чем меры по повышению культуры государственных служащих.

Заключительная модель 4 подтверждает результаты по значимости уровня доверия и индивидуализма. Коэффициент при контрольной переменной, связанной с уровнем урбанизации, ясно указывает на отрицательную взаимосвязь с уровнем коррупции. При этом неоднозначные (хотя и статистически незначимые) результаты демонстрирует показатель человеческого капитала. Согласно полученному коэффициенту, в обществах с высоким уровнем человеческого капитала может наблюдаться более высокий уровень коррупции. Вероятнее всего, это объясняется спецификой страновой базы, так как в выборку попали преимущественно страны с относительно высоким или средним индексом человеческого развития. Более того, сочетание модели следования правилам и уровня индивидуализма, согласно модели 4, оказывается неустойчивым: модель следования правилам и адаптационная модель во взаимодействии с уровнем индивидуализма оказываются неустойчивыми с точки зрения статистической значимости, фактически меняясь друг с другом местами. Это позволяет утверждать, что для успешного регулирования конфликта интересов и антикоррупционной политики в целом важнее сам факт наличия высокого уровня индивидуализма и доверия в системе, а не взаимодействие этих неинституциональных факторов с той или иной моделью регулирования конфликта интересов.

Вместе с тем следует отметить ряд ограничений данного исследования. Первая проблема, с которой так или иначе сталкиваются все исследователи, изучающие коррупцию, – латентность этого явления. По этой причине мы делаем некое допущение, когда речь идет о снижении или повышении уровня коррупции, поскольку формально меняется именно уровень восприятия коррупции. Кроме того, исследование построено на относительно небольшой выборке стран. Во многом это связано со сложностью сбора данных, поскольку не все страны имеют законодательство в сфере регулирования конфликта интересов, при этом часть из них вводило регулирование недавно, что не позволяет оценить его влияние на уровень коррупции. По этой причине для проведения регрессионного анализа было увеличено количество наблюдений за счет панельных данных по странам, взятых за период 2012–2017 гг.

* * *

Цель этого исследования сводилась к попытке ответить на вопрос, как такие неинституциональные факторы, как уровень доверия в обществе и уровень индивидуализма, связаны с эффективностью регулирования конфликта интересов. Первые полученные выводы о том, что с повышением уровня доверия и уровня индивидуализма снижается общий уровень коррупции, согласуются с предыдущими исследованиями в этой области. Вторая, более прикладная задача заключалась в оценке эффективности регулирования конфликта интересов исходя из разных моделей и наборов мер. Согласно нашей гипотезе, при высоком уровне доверия и индивидуализма эффективнее регулировать конфликт интересов будет модель профессиональной культуры (*integrity-based*), которая основана на системе осведомительства и публичного декларирования, а также политической нейтральности государственных служащих. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу скорее в том отношении, что *compliance-based* модель, основанная на жестких формальных запретах и санкциях, демонстрирует меньшую успешность в снижении коррупции в обществах с высоким уровнем индивидуализма и доверия.

При этом важно отметить, что результаты по моделям регулирования конфликта интересов неустойчивы и требуют дальнейшего подтверждения, например, путем расширения страновой выборки. Однако уже на данном этапе однозначно можно сделать вывод о том, что обе модели эффективнее снижают уровень коррупции именно в условиях высокого уровня доверия и индивидуализма. Иными словами, страны с подобными неинституциональными характеристиками могут быть более успешны в проведении антикоррупционной политики, чем системы с низким уровнем доверия и распространением коллективистских ценностей. Полученные выводы позволят более эффективно выстраивать антикоррупционное регулирование еще на этапе законотворчества и повысить эффективность государственной политики.

Список литературы / References

- Крикунов, К. (2019) 'Факторы эффективности мер регулирования конфликта интересов: опыт качественного сравнительного анализа', *Бизнес. Общество. Власть*, 1, сс. 51–66. [Krikunov, K. (2019) 'Factors of effectiveness of measures to regulate conflicts of interest: experience of qualitative comparative analysis' ['Faktoory jeffektivnosti mer regulirovanija konflikta interesov: opyt kachestvennogo sravnitel'nogo analiza'], *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 1, pp. 51–66. (In Russ.)]
- Acemoglu, D., Verdier, T. (2000) 'The choice between market failures and corruption', *American economic review*, 1, pp. 196–198.
- Ackerman, S. (1978) *Corruption: A study in political economy*. Nova Iorque: Academic Press.
- Aidt, T. (2003) 'Economic analysis of corruption: a survey', *The Economic Journal*, 113 (491), pp. 636–639.
- Alam M. (1995) 'A theory of limits on corruption and some applications', *Kyklos*, 48, pp. 419–435.
- Baldwin, S. (2006) '*Organisational justice*', Brighton: Institute for Employment Studies.
- Boly, A., Gillanders R. (2017) 'Effective anti-corruption policy-making: What can we learn from experimental economics?', *PEGNet Policy Briefs*, 9, pp. 29–31.
- Bossaert, D., Demmke, C. (2005) '*Main Challenges in the Field of Ethics and Integrity in the EU Member States*', Maastricht: European Institute of Public Administration.
- Bouville, M. (2008) 'Whistleblowing and morality', *Journal of business ethics*, 81 (3), pp. 579–582.
- Coolidge, J., Rose-Ackerman, S. (1999) '*High-level rent-seeking and corruption in African regimes: Theory and cases*', The World Bank.
- De Graaf, G. (2007) 'Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption', *Public Administration Quarterly*, pp. 39–86.
- De Schrijver, A. et al. (2010) 'Fairness perceptions and organizational misbehavior: An empirical study', *The American review of public administration*, 40 (6), pp. 691–703.
- Della Porta, D., Pizzorno, A., Donaldson, J. (1996) 'The business politicians: Reflections from a study of political corruption', *Journal of Law and Society*, 23 (1), pp. 85–86.
- Demmke, C., Moilanen, T. (2012) '*Effectiveness of ethics and good governance in central administration of EU-27: Evaluating reform outcomes in the context of the financial crisis*', New York: Peter Lang.
- Goel, R., Nelson, M. (2010) 'Causes of corruption: History, geography and government', *Journal of Policy Modeling*, 32 (4), pp. 433–447.
- Hoetjes, B. (1982) 'Corruptie bij de overheid: een bestuurlijk en politiek probleem, sociaal-wetenschappelijk beschouwd', *Vuga*, pp. 76–79.
- Hood, C. (1991) 'A public management for all seasons?', *Public administration*, 69 (1), pp. 3–19.
- Huberts, L. (2010) '*Multi approach in corruption research: towards a more comprehensive multi-level framework to study corruption and its causes*', 38 p.
- Husted, B. (1999) 'Wealth, culture, and corruption', *Journal of international business studies*, 30 (2), pp. 347–350.
- Jain, A. et al. (2002) *The political economy of corruption*, Routledge, T. 2, pp. 329–333.
- Klitgaard, R. (1988) *Controlling corruption*, University of California Press.
- Lee, T. (2018) 'Pernicious custom? Corruption, culture, and the efficacy of anti-corruption campaigning in China', *Crime, Law and Social Change*, 70 (3), pp. 350–352.
- Lipset, S., Schneider, M. (1987) *The Confidence Gap, Business, Labor, and Government in the Public Mind*, Baltimore.
- Maesschalck, J. (2004) *Approaches to ethics management in the public sector: A proposed extension of the compliance-integrity continuum*, Public Integrity.
- Menzel, D. (2014) *Ethics management for public administrators: Building organizations of integrity*, Routledge.
- Molinari, M. (2014) 'A Second-Best Theory of Institutional Quality', *Public Organization Review*, 14 (4), pp. 549–554.
- Mungiu-Pippidi, A. (2011) *Contextual choices in fighting corruption: Lessons learned*, Norwegian Agency for Development Cooperation.

- Mungiu-Pippidi, A. (2014) 'The Anticorruption Frontline: The Anticorruption Report', Verlag Barbara Budrich, T. 2.
- Putnam, R. Leonardi, R., & Nanetti, R. Y. (1992). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*, Princeton university press.
- Rohr, J. (1978). *Ethics for Bureaucrats: and Essay on Law and Values*, New York: Marcel Dekker.
- Sadigov, T. (2018) 'Psychological dimension of corruption: How are citizens likely to support anti-corruption policies in Azerbaijan?', *International Journal of Sociology and Social Policy*, pp. 13–14.
- Sandholtz, W., Koetzle W. (2000) 'Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and trade', *International studies quarterly*, 44 (1), pp. 31–50.
- Scholl, W., Schermuly, C. (2020) 'The impact of culture on corruption, gross domestic product, and human development', *Journal of Business Ethics*, 162 (1), pp. 171–189.
- Tanzi, V. (1998) 'Corruption around the world: Causes, consequences, scope, and cures', *Staff Papers*, 45 (4), pp. 570–574.
- Texeira, G. et al. (2015) 'Public Governance and Political Corruption: A Framework for Anticorruption Policy', OBEGEF-Observatório de Economia e Gestão de Fraude & OBEGEF Working Papers on Fraud and Corruption, 35.
- Tran, N. (2008) *Corruption and human development, Development and Policies Research Center (DEPOCEN)*, Vietnam, Working Paper, 7.
- Treisman, D. (2007) 'What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research?', *Annual Review of Political Science*, 10, pp. 211–244.
- Trevino, L., Youngblood, S. (1990) 'Bad apples in bad barrels: A causal analysis of ethical decision-making behavior', *Journal of Applied psychology*, 75 (4), pp. 378–385.
- Uslaner, E. M. (2004) *Trust and corruption, The new institutional economics of corruption*, Routledge.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

NON-INSTITUTIONAL ASPECTS OF CONFLICT-OF-INTEREST REGULATION: THE ROLE OF TRUST AND INDIVIDUALISM

K. Krikunov

Kristina A. Krikunov, Ph.D. student at Doctoral School of Political Science,
HSE University, Moscow, Russia

E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018)

Abstract

Anti-corruption policy should not only identify the facts of corruption and punish the crimes already committed, but also introduce preventive measures to minimize the risks of corrupt behavior, especially a system of regulating conflicts of interest. The latter includes measures ranging from prohibiting or restricting the receipt of gifts by officials, to introducing a cooling-off period when a civil servant enters the private sector. Generally, all measures of conflict of interest regulations can be attributed to three basic models: compliance-based model, integrity-based model, and adaptation model, which will also be considered in the article. This paper aims to evaluate the effectiveness of conflict-of-interest regulatory models through the prism of non-institutional factors. To this end, data from the World Values Survey was used as a source for this study, specifically data on levels of individualism and trust in society. The results of the multiple regression analysis partially supported the hypothesis that the professional culture model copes better with conflict-of-interest regulation than other models in conditions of high levels of trust and individualism. The results, however, provide a basis for further research to develop a more comprehensive strategy for regulating conflicts of interest based on various external and internal conditions.

Keywords: conflict of interest; corruption; anti-corruption policy; public service; effectiveness of public policy; World Values Survey; multiple regression analysis.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-50-60

ДИЛЕММА ЭТНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНФЛИКТНОСТИ: ПРИМЕР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ХОРВАТИИ (1990–1995)

Д. О. Растегаев

Растегаев Даниил Олегович, младший научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия.
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1158-9987).

Аннотация

Предпринята попытка на основании сравнения различных вариантов рассмотрения конфликта в Хорватии (1990–1995) оценить эвристический потенциал модели дилеммы этнической безопасности. В первом подразделе представлена динамическая модель гражданской войны в Хорватии, приведено разделение на этапы, выделены основные поворотные моменты конфликта. Далее рассмотрены ключевые положения работ, посвященных изучению конфликта на основе дилеммы этнической безопасности. Работы разделены на две основные группы: последователи и критики дилеммы этнической безопасности Б. Позена. Критики оспаривают ключевые положения его концепции: феномен анархии, роль лидерства в межгрупповых взаимоотношениях, роль идентичности в процессе формирования конфликтности. В результате анализа хорватского случая были выделены ключевые ограничения дилеммы этнической безопасности как аналитической модели для этнополитических конфликтов: отсутствие единой модели дилеммы, недостаточность оснований для однозначной интерпретации событий конфликта, недооценка внешних факторов конфликта и возможное отсутствие релевантного явления. Это поможет в дальнейшем уточнить дилемму этнической безопасности как аналитическую модель конфликтности.

Ключевые слова: этническая безопасность; дилемма безопасности; этнополитический конфликт; гражданская война в Хорватии; этническое предпринимательство; Сербия; Югославия; Сербская Краина.

Всплеск этнополитической активности на Балканах и постсоветском пространстве конца 1980-х – начала 1990-х гг. породил бум научных поисков возможных объяснений этих конфликтов. Одним из первых свою модель предложил Барри Позен – создатель дилеммы этнической безопасности. В одной из работ он предпринял попытку объяснить гражданскую войну в Хорватии, представив ее ход через призму дилеммы безопасности (Posen, 1993). В дальнейшем различные авторы пытались с разной степенью успешности продолжать или опровергать теоретические посылы Б. Позена. В итоге нагромождение опровержений и подтверждений изначальных идей привело к огромной путанице. Новые этнополитические вызовы требуют более четких политических прогнозов и рекомендаций, которые невозможны в условиях относительной теоретической неразберихи.

Настоящая статья – попытка выработать «консенсусное» видение модели дилеммы этнической безопасности. Выбор гражданской войны в Хорватии (1990–1995 гг.) в качестве фактуры продиктован выбором самого Б. Позена. В рамках исследования мы попытаемся рассмотреть исходный конфликт с помощью и без помощи дилеммы этнической безопасности, параллельно привлекая работы по конфликту, так или иначе использующие дилемму в качестве одного из методов исследования. В результате мы рассчитываем сформулировать уточненную версию дилеммы этнической безопасности и выделить ее ограничения для анализа этнополитической конфликтности.

Гражданская война в Хорватии (1990–1995): динамическая модель

Прежде всего, необходимо кратко рассмотреть динамику конфликта в Хорватии (1990–1995). С 1945 г. конфликт хорватов и сербов Краины перешел в разряд тлеющих, и *период 1945–1988 гг.* характеризовался латентным противостоянием при отсутствии организованных групп, но при сохране-

нии четкого разделения идентичностей по линии «сербы – хорваты». Фоновыми условиями формирования конфликтной ситуации стали национально-ориентированная деятельность Союза коммунистов Хорватии, сохранение в общественном пространстве идей хорватского («сепаратистского») национализма, национал-популизм ряда политических деятелей конца 1980-х гг. (в частности, С. Милошевича и Ф. Туджмана). Политизация этничности происходила за счет акцентирования этнического измерения в политической риторике общественных лидеров, стремящихся консолидировать свой электорат.

Следующий этап взаимодействия сербов и хорватов в Хорватии включает постепенную самоорганизацию групп по этническому признаку (1989-й – май 1990-го). Она выразилась в образовании хорватских и сербских просветительских обществ (восстановление Матицы Хорватской для хорватов и Просветы для сербов, появление сербских просветительских обществ Зора, Саво Мркаль), а затем и политических партий (Хорватского демократического содружества и Сербской демократической партии), которые стали основными акторами конфликтного взаимодействия. Это обстоятельство, впрочем, нельзя назвать основным условием эскалации напряженности: наличие политически организованных групп не означает *per se* их нацеленность на силовое разрешение конфликта. Но произошедшее размежевание, формирование *cleavages* (движения институционализировались, дихотомия «мы – они» стала более очевидной, группы приобрели четкие очертания) отражает готовность общества к стремительному вхождению в стадию открытого противостояния. Фоновые условия на данном этапе: кризис федеративной государственности в СФРЮ, курс на либерализацию и демократизацию общественной жизни, раскол интересов по линии «за – против СФРЮ». Политическое пространство стало приобретать черты основного поля конфликтности; следовательно, разный уровень политической грамотности групп (наличие / отсутствие предвыборной стратегии или какой бы то ни было электоральной организации) оказал прямое влияние на победу ХДС и поражение СДП на выборах в Сабор апреля 1990 г.

Май–август 1990 г. (первые месяцы у власти ХДС) стоит считать предконфликтной стадией. Конфликт стал приобретать ценностный характер (что означало его переход в разряд трудноразрешимых), каналом реализации ценностного потенциала стало реальное воплощение хорватской этнонационалистической риторики в пространстве символического (изменение государственных символов, переименование улиц, учреждений, начало конституционной реформы). Конфликт также приобрел разноуровневый характер. Теперь из противостояния политических программ партий одного (оппозиционного) уровня взаимодействие трансформировалось в конфронтацию по линии «центр – периферия» / «власть – региональная оппозиция» / «централизм – регионализм». Подобная конфигурация предопределила «зеркальность» в радикализации отстаивания сербами прав на сохранение собственной идентичности. Стороны конфликта начали приобретать большую политическую субъектность: хорватское государство, с одной стороны, и территориальное объединение общин с сербским этническим большинством вкупе с представительными органами сербов Хорватии – с другой. Фоновые условия: усугубление кризиса государственности в СФРЮ, возобладание «центробежных» сил в среде хорватской политической элиты.

События *середины августа 1990 г.* («революция бревен») мы рассматриваем как череду инцидентов разгорающегося этнополитического конфликта (далее – ЭПК). «Революция» (неудачный разгон хорватскими правоохранительными органами референдума по вопросу о формировании автономии краинских сербов в составе Хорватии) стала своеобразной точкой бифуркации, после которой группы окончательно осознали свою политическую субъектность (здесь фактор субъектности не идентичен фактору институционализации) и пришли к выводу о допустимости и даже необходимости силового разрешения конфликта. Правда, были и попытки договориться. 6 октября в Книне состоялась встреча представителей Сербского исполнительного веча во главе с М. Бабичем с делегацией от Хорватии во главе с министром внутренних дел Йосипом Больковацем (Hronika... 1989–1991: 39). С 24 октября по 28 ноября действовала специальная комиссия при хорватском Саборе, «которая должна была определить параметры и степень сербской культурной автономии в СР Хорватии» (Пивоваренко, 2014: 116). Однако после «революции бревен» даже самые большие (по хорватским меркам) уступки не смогли бы удовлетворить интересы сербской стороны. Также «революция» была инструментализирована обеими сторонами при консолидации групп по этническому признаку; ситуация скатывалась в состояние «биполярности» с приобретением черт конфликта «с нулевой суммой».

Август 1990-го – март 1991 г. можно считать первым этапом конфликта. В этот период произошло оформление основных механизмов эскалации конфликтности: инициатива хорватской сторо-

ны (с использованием сил МВД, затем Национальной гвардии и вооруженных сил¹), оборона сербской стороны (при помощи сил Территориальной обороны, затем при участии Югославской народной армии). Условия начала конфликта выдвинули в политическом пространстве Краины сторонника военных действий М. Бабича (будущего президента РСК) и отодвинули сторонника компромиссного решения конфликта Й. Рашковича. Конфликтное взаимодействие вылилось в спорадические акты бытового насилия и мародерства, а также в периодические нападения хорватского МВД на отделения милиции сербских общин с целью их разоружения. Период включает также упущенную возможность политической деэскалации конфликта: сорванные переговоры лидеров хорватского истеблишмента с лидерами хорватских сербов, неудовлетворительная работа комиссии при Саборе по «определению сербской культурной автономии». Одновременно выкристаллизовались типичные форматы описания конфликтных действий: с хорватской стороны – «восстановление конституционного порядка», с сербской – «защита права на существование сербского этноса в Хорватии». В этот период также происходит юридическое оформление институционализации субъектов: РХ принимает новую конституцию², сербские общины Лики и Далмации провозглашают свою территорию *Сербской автономной областью Краина*³. Фоновыми обстоятельствами стали стремительное вооружение Хорватии (через контрабанду оружия из Венгрии и Германии), вмешательство руководства ЮНА в ЭПК на стороне сербов⁴, которые выступали против выхода Хорватии из СФРЮ (показателен «ультиматум Кадиевича» о разоружении территориальной обороны Хорватии и Словении (Marijan, 2008: 48)).

Март 1991-го – январь 1992 г. мы рассматриваем как второй этап манифестированного ЭПК и первый этап Войны в Хорватии. «Военный» инцидент, послуживший точкой бифуркации для окончательного преобладания военно-силовых методов разрешения ЭПК, – крупное столкновение хорватской полиции и сербов в Пакраце 2 марта 1991 г. Предпосылкой для этого послужили принятие Сабором декларации «О раздружении» с СФРЮ, ответное принятие Скупщиной САО Краины декларации «О раздружении» с Хорватией (Hronika... 1989–1991: 46). Решающий фактор первого этапа войны – участие ЮНА: сербы Краины одерживали победу там (это хорошо видно на примере осады Вуковара), где им оказывали поддержку подразделения ЮНА. К причинам участия ЮНА в конфликте на стороне сербов добавилось противодействие блокадам казарм ЮНА после принятия Декларации о независимости Хорватией и Словенией 25 июня 1991 г. Каналы международной горизонтальной эскалации ЭПК на данном этапе включают посредничество Европейского сообщества при подписании Брионского соглашения⁵, деятельность СБ ООН по урегулированию конфликта (включая эмбарго на торговлю оружием с СФРЮ и усилия по выработке режима размещения миротворческого контингента в РХ), дальнейшую негласную поддержку Хорватии некоторыми европейскими странами через поставки вооружений. Также завершился процесс институционализации движения сербов Краины и оформления государственности (создание Республики Сербской Краины⁶, включавшей все автономные области сербов в Хорватии).

Черта под первыми двумя этапами ЭПК была подведена подписанием 23 ноября 1991 г. в Женеве Плана Вэнса президентом Хорватии Ф. Туджманом, президентом Сербии С. Милошевичем и главой ЮНА В. Кадиевичем, а также достижением сараевских договоренностей о прекращении огня 2 января 1992 г. Их результатом стало международное признание в январе 1992 г. Республики Хорватия. В итоге конфликт еще больше «вертикализировался», трансформировавшись в противостояние

¹ Военные функции были возложены на формировавшиеся силы территориальной обороны, затем на полицию. Фактически была организована контрабанда оружия, в октябре 1990 г. была закуплена первая партия автоматов Калашникова у Венгрии за немецкие марки (Tanner, 1997: 234–235). Только к апрелю 1991 г. было завершено формирование Народной гвардии (в составе МВД РХ; см.: Zakon o izmjenama i dopunama Zakona o unutarnjim poslovinama // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_04_19_598.html (accessed 27 April 2023)). В сентябре 1991 г. (после начала активных боевых действий) был принят закон «Об обороне», по которому создавалось «Хорватское войско» на основе гвардии (Zakon o obrani // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_09_49_1230.html (accessed 27 April 2023)).

² Ustav Republike Hrvatske // Narodne Novine. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092.html (accessed 27 April 2023).

³ Статут Српске Аутономне Области Крајине // Викизворник. 1990. URL: [https://sr.wikisource.org/sr-es/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_\(1990\)](https://sr.wikisource.org/sr-es/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_(1990)) (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Хорватия должна была разоружиться по ультиматуму Президиума СФРЮ от 20 января 1991 г., а уже 23 января части ЮНА были наделены полномочиями самостоятельно разоружать паравоенные формирования; 25 января было объявлено о демобилизации «резервного состава милиции Хорватии», а также стало известно о контрабанде оружия в Хорватии.

⁵ Brijunska deklaracija // Wikizvor. URL: https://hr.wikisource.org/wiki/Brijunska_deklaracija (accessed 27 April 2023).

⁶ 19 декабря 1991 г. в Книне Учредительным собранием была провозглашена Республика Сербская Краина в составе территорий САО Краины и АО Славонии, Бараньи и Западного Срема, а также была принята Конституция РСК. Президентом РСК был избран Милан Бабич.

международно-признанного в границах 1990 г. государства и «мятежного» региона. С политической точки зрения происходит дальнейшее размежевание субъектов конфликта: Сербская демократическая партия (сформировавшая РСК) маргинализируется, переходя в категорию субъекта «аут-группы», сценарий «регионализации» сербского движения выразился в создании в 1991 г. лояльной Загребу Сербской народной партии.

Период *февраль 1992-го – декабрь 1995 г.* принято считать завершающим этапом ЭПК и Войны в Хорватии. Он включает как фазы эскалации (военные операции ВС Хорватии: вспомним, например, операции «Масленица» и «Медакский карман» в РСК в январе 1993 г.), так и фазы деэскалации (переговоры, подписание Экономического соглашения в 1994 г.¹, работа всевозможных комиссий²). Главным фактором динамики конфликта стало размещение миротворческого контингента СООНО в Хорватии в феврале 1992 г. От его численности, режима присутствия и позиции международного сообщества зависел исход военной кампании и разрешения ЭПК в целом. Фактор СООНО был использован в интересах хорватской стороны: после полного вывода ЮНА из Краины при поддержке миссии миротворцы ООН не могли препятствовать дальнейшим боевым действиям. Миссия не справлялась с пресечением жестокости с обеих сторон. Наибольшую выгоду, впрочем, извлекли ВС Хорватии: они неоднократно нарушали перемирие, самыми заметными нарушениями стали операции «Масленица» и «Медакский карман» 1993 г. в Западной Славонии и Лике, в результате которых РСК лишилась значительных территорий. Непродление мандата миссии СООНО в начале 1995 г. послужило одной из причин военного поражения Краины. Внешним фоновым фактором в этот период были боевые действия в Боснии и Герцеговине: «блокирование» с мусульманами и достижение Дейтонских соглашений позволили Хорватии сконцентрировать основные силы на операциях против сербских территорий Краины. К каналам международного влияния на конфликт добавилась Контактная группа по Югославии под эгидой ООН (в составе России, США, Великобритании, Франции, Германии и Италии). В этот период была упущена последняя возможность мирного урегулирования ЭПК: План Z-4 по реинтеграции краинских земель в Хорватию был провален, и основным фактором разрешения ЭПК стали рост боеспособности ВС Хорватии и стремительное падение обороноспособности вооруженных формирований Краины (с 1992 г. – Сербской армии Краины). Впрочем, для разрешения ЭПК был использован комбинированный сценарий военной победы над Краиной (операции «Молния» мая 1995 г. против сербов Западной Славонии и «Буря» августа 1995 г. против сербов Лики и Далмации) и подписания Эрдутского соглашения в ноябре 1995 г. по мирной реинтеграции Восточной Славонии в РХ. Фаза конфликтного взаимодействия ЭПК в Хорватии завершилась полной победой хорватской стороны.

Конструируя реальность: Б. Позен и дилемма этнической безопасности

Изобретатель дилеммы этнической безопасности Б. Позен использовал в качестве одного из доказательств своей теории случай этнополитического конфликта в Хорватии (Posen, 1993). Точность и полнота картины, представленной в его исследовании, ограничены временными рамками – на момент написания статьи конфликт еще не был завершен. Также стоит учитывать, что для Б. Позена характерно рассмотрение конфликтующих этнических групп как рациональных политических субъектов, действующих практически как государства (оценивая «худшие сценарии» и вступая в гонки вооружений). Тем не менее рассмотрим эту модель на фактуре исследуемого конфликта более подробно.

Б. Позен выделил факторы, оказывавшие наибольшее влияние на процессы дезинтеграции в СФРЮ: от «наступательных» идентичностей и наличия районов компактного проживания этносов до неравенства в потенциале новых республик и внезапно возникших банд фанатиков. Сочетание некоторых из этих факторов рождает предпосылки к складыванию ситуации дилеммы этнической безопасности. Собственно, сам распад Югославии рассматривается исследователем как эпизод «растущей анархии», провоцирующей обострение «поиска безопасности» коллективными акторами. Конфликт идентичностей (идентичность рассматривается как имманентная, пассивная категория, необходимая

¹ В декабре 1994 г. был подписан Договор о нормализации экономических отношений между Краиной и Хорватией: восстанавливались автомагистраль через Западную Славонию, нефтепровод, поставки электричества и работа водопровода (Гуськова, 2001: 212).

² Помимо всего прочего, действительно осуществлялась работа различных комиссий (например, по сельскому хозяйству); в рамках военного комитета представители Хорватии и РСК обсуждали вопросы прекращения огня, проезда гуманитарных конвоев и проч. (Гуськова, 2001: 212).

для объяснения групповой сплоченности) в сочетании с компактным проживанием в этнических анклавах по всей Югославии дает преимущество наступательных действий перед оборонительными: сербы оказались в более угрожаемом положении, в котором с учетом анклавного характера их расселения единственным путем к «спасению» было, собственно, быстрое наступление. Сам конфликт идентичностей ощущался особо остро ввиду исторического характера взаимоотношений сербов и хорватов и относительной легкости обретения компетенций для ведения боевых действий.

Б. Позен объясняет, почему сербам оказалось выгоднее нанести превентивный удар здесь и сейчас: в качестве катализатора «окон возможностей» автор указывает успешную «революцию бревен» и начавшееся после этого вооружение сербских отрядов территориальной обороны за счет оружия ЮНА – в результате сербы получили краткосрочное военное преимущество, которое необходимо было быстро реализовать. Среди важных контекстуальных перемен автор называет понижение статуса сербского народа (с государствообразующего до национального меньшинства), а также замену сербских сотрудников МВД на хорватских в соответствии с политикой нового правительства Хорватии, что усугубило страхи сербской стороны. Также на начало превентивной войны со стороны сербов повлияло тесное сотрудничество Хорватии и ФРГ.

Рассмотрим также теоретические выкладки «продолжателей» Б. Позена. Уильям Роуз (Rose, 2000) выдвинул аналогичную гипотезу: этническая гражданская война более вероятна при наличии интенсивной дилеммы этнической безопасности. К пяти переменным, влияющим на интенсивность, которые были выделены Б. Позеном (гонка вооружений, политическая мобилизация, относительное изменение соотношения сил, возникновение поводов для «экспансии во имя защиты» (*“defensive expansion incentives”*)), преимущество первого удара), У. Роуз добавляет пять своих (применение дипломатии «свершившегося факта» (*fait accompli*), рост популярности тактики «переноса вины» (*“blame-shifting”*)), уменьшение количества переговоров и соглашений, большая секретность политических стратегий и военных планов, рост числа союзов между разными этническими группами).

Анализируя предпосылки конфликта в Хорватии, У. Роуз указывает на преимущество превентивного сербского удара в качестве максимально эффективной меры защиты населения в этнических анклавах (это иллюстрирует положение о размытии оборонительного и наступательного характера действий). В такой констелляции хорватский национализм, призванный защитить хорватов в Хорватии, выглядел еще более устрашающим для сербов (в силу памяти о событиях Второй мировой войны). В свою очередь, хорваты тоже опасались сербов из-за страха доминирования Сербии, отделения земель хорватских сербов и утраты Хорватией ряда стратегических ресурсов (например, Книн – столица Сербской Краины – служил ключевым транспортным узлом между Загребом и Далмацией; следовательно, сецессия Краины означала бы крах для хорватской туристической индустрии). Немаловажными были опасения возрождения четничества вкупе с довольно слабым характером интегрированности в хорватское общество сербов, живших преимущественно в сельской местности, вдали от больших городов.

Движение хорватских сербов к независимости, по мнению У. Роуза, получило развитие из-за двух факторов: антихорватская пропаганда С. Милошевича и хорватские действия, воспринятые сербами как враждебные. Хорваты также считали, что для защиты их интересов необходимы наступательные действия. Преимущество хорватов в 1990–1991 гг. было только в политической сфере, им удалось сформировать националистическое правительство, которое было бы способно защитить их интересы; для сербов новая политическая система казалась нелегитимной, и это сделало конфликт более вероятным. У. Роуз утверждает, что *fait accompli* со стороны хорватов выразилось в новой конституции, где сербы лишились статуса государствообразующего народа. Сербия в ответ начала движение в сторону автономии, что на каждом шагу вызывало противодействие хорватов. Стремление хорватов к отделению от СФРЮ как мера по защите своих интересов стимулировало страхи и опасения хорватских сербов, и после Декларации о независимости Хорватии начался полноценный «горячий» конфликт. В контексте гипотезы о «переносе вины» У. Роуз обращает внимание на эпизод в Борово Село мая 1991 г. По сути, хорватская сторона спровоцировала насилие со стороны сербов (по договоренности, существовавшей ранее, хорватские полицейские не могли войти в город без разрешения местной администрации, но 1–2 мая хорваты дважды нарушили договоренность, что спровоцировало ответный огонь сербской территориальной обороны). Жертвы со стороны хорватов и сербов носили больше сакральный характер, и этот акт насилия, где стороны обвиняли друг друга, развязывал им руки на пути к полноценной войне.

Иллюстрируя пассаж о связи ухудшения переговорного процесса и обострения дилеммы безопасности, У. Роуз говорит об изначальной неравноправии сторон: Загреб никогда не рассматри-

вал Книн в качестве равного партнера по переговорам, что уменьшало шансы дипломатического разрешения кризиса и увеличивало опасения сербов. Требования сербов по предоставлению им культурной автономии или более пропорциональной избирательной системы тоже были отклонены. Впрочем, кейс Хорватии позволил У. Роузу опровергнуть свою гипотезу о прямой связи секретности планов сторон и усугубления дилеммы безопасности. Хорваты не скрывали своего намерения выйти из СФРЮ, это открытое намерение, собственно, и вызвало ответную реакцию хорватских сербов. Подводя итог, автор подкорректировал свою гипотезу: стороны склоняются к сокрытию собственных планов только в случае активной дилеммы безопасности.

Стефан Сайдеман в своей модели (Saideman, 1996) произвел попытку срастить этническую безопасность и этническую политику, увязывая, в отличие от Б. Позена, поведение группы не с ее рационально сформированными интересами безопасности, а с курсом этнического предпринимателя. Ключевая препозиция С. Сайдемана состоит в том, что идентичность есть инструмент политических антрепренеров на пути к удержанию власти и сплочению их последователей. Ко времени распада СФРЮ в стране сложилась особая система распределения богатства и власти: разное экономическое развитие республик вкупе с их практически самостоятельными политическими системами. Этнические политики получали шанс прийти к власти, если привлекут доминирующую этническую группу в своей республике (естественно, оставляя за бортом всех остальных). Первым из республиканских политиков, кому это удалось, был лидер Союза коммунистов Сербии С. Милошевич. В условиях серьезного экономического кризиса он смог сплотить сербов перед «албанской угрозой» в Косово. Этим шагом С. Милошевич собрал вокруг себя националистическое и консервативное крыло в партии и смог удержать власть. Также С. Сайдеман обращает внимание на блокирование Сербией перехода президентства к хорватскому представителю в мае 1991 г., что в итоге привело к выходу Хорватии и Словении из СФРЮ.

Пример успеха С. Милошевича оказался пагубным для судьбы единой Югославии. В других республиках в результате первых свободных выборов тоже пришли националисты, в том числе Ф. Туджман и Хорватское демократическое содружество в Хорватии. Национализм Ф. Туджмана (ушташская символика и радикальное сокращение прав национальных меньшинств), в частности, поднял вопрос о безопасности крайних сербов. Возросшая степень небезопасности этнических групп привела к росту поддержки политиков, предлагавших защиту от определенных этнических групп, включая сецессию как меру обеспечения безопасности. Этническая политика и этническая небезопасность в результате усиливали друг друга, что неизбежно вызвало эскалацию конфликта. Таким образом, как продолжает рассуждать С. Сайдеман, многочисленные попытки этнических групп усилить свою безопасность вели к ухудшению безопасности других, а это и есть классическая дилемма этнической безопасности.

Деконструируя Б. Позена: по ту сторону дилеммы этнической безопасности

Как мы видели, деконструировать теорию Б. Позена, используя ту же самую фактуру конфликта в Хорватии (1990–1995), начали уже его последователи. Деконструкция дилеммы вылилась в размытие коллективной субъектности хорватов и сербов и повышение роли этнических лидеров в росте эскалации конфликтности. В этом подразделе мы попытаемся суммировать основные работы, критиковавшие модель Б. Позена на базе того же эмпирического материала.

Одним из первых стал Стюарт Кауфман (Kaufman, 1996), представив свою модель дилеммы этнической безопасности, которая не обязательно возникает в результате распада «империи». Различая конфликт масс и конфликт элит, С. Кауфман предлагает модель «перцептивной» дилеммы безопасности, возникающей вследствие проблемы интерпретации намерений оппонента. Ключевая движущая сила его модели – опасения полного исчезновения группы. Конфликты на постъюгославском пространстве считаются С. Кауфманом конфликтами элит, и ключевая фигура здесь – С. Милошевич. Автор отмечает, что до 1986 г. уровень этнической ненависти был низким: широко заключались межэтнические браки и противоречия существовали в основном только в среде национальных историков. В 1987 г. С. Милошевич сменил руководство белградского телевидения и издательского дома «Политика», консолидировав контроль над медиа в своих руках. В начавшейся медиакампании ключевыми тезисами С. Милошевича были «хорватский фашизм» и «албанский геноцид» против сербов в Косово. В качестве решения проблемы с хорватскими сербами предлагалось создание государства, где «все сербы могли бы жить вместе». В пользу непопулярности подхода С. Милошевича автор приводит следующий довод: перед выборами 1990 г. политик был вынужден смягчить риторику, чтобы создать более широкую коалицию.

Пропагандистская кампания среди хорватских сербов началась не ранее 1988 г., и формирование дилеммы безопасности оформилось уже в 1990 г.: пропаганда пугала не только сербов, но и хорватов, провоцируя стороны на ответные действия. В результате к власти пришло националистическое Хорватское демократическое содружество Ф. Туджмана, и спираль дилеммы безопасности начала раскручиваться: сербы начали формировать свои отряды ополчения (не без поддержки С. Милошевича) и провоцировать хорватскую сторону на применение силы (так С. Кауфман интерпретирует события марта 1991 г. в Пакраце и мая того же года в Борово Село). После реального насилия перцептивная дилемма этнической безопасности приобрела характер структурной: сербы и хорваты вынуждены были действительно обороняться друг против друга.

Пол Ро (Roe, 2000; Roe, 2004) выводит свою концепцию трех дилемм безопасности, различающихся между собой по степени интенсивности: 1) «тесной» (tight) – возникает между акторами с сопоставимыми требованиями к безопасности (security requirements), которые неправильно воспринимают природу их отношений и которые принимают контрмеры, исходя из иллюзорной несопоставимости их требований; 2) «нормальной» (regular) – акторы действуют, исходя из реальной несопоставимости их требований к безопасности; 3) «ослабленной» (loose) – акторы стремятся к достижению безопасности, но делают это непоследовательно. По мнению П. Ро, конфликт в Хорватии – пример «нормальной» дилеммы, а С. Кауфман, по его мнению, предлагал модель «ослабленной» дилеммы.

П. Ро первым из исследователей дилеммы безопасности пытается проследить корни сербо-хорватского конфликта в Первой Югославии, рассматривая хорватский национализм как противовес сербскому централизму. Далее он оценивает противостояние усташей и четников как борьбу двух национализмов. Относительные мир и спокойствие, наставшие с победой коммунистов во Второй мировой войне, закончились с волной демократизации начала 1990 г. Националистическую политику Ф. Туджмана автор называет «хорватизацией»: в символическом (шаховница, переименования и проч.) и в прагматическом (изменения в конституции, связанные со статусом сербского народа, увольнения сербов с административных постов) смыслах. Реакцией на это стала инициатива лидера Сербской демократической партии Й. Рашковича о принятии на общесербском собрании Декларации о суверенитете и автономии сербского народа и проведение референдума об автономии сербских общин в Хорватии. К моменту «революции бревен», по мнению П. Ро, сложилась ситуация «нормальной» дилеммы безопасности. Основные характеристики дилеммы следующие: хорватские и сербские требования безопасности, хорватские и сербские реакции.

Хорватское демократическое содружество и Ф. Туджман были ключевыми выразителями хорватских требований безопасности (хотя их позицию не разделял весь хорватский народ). П. Ро полагает, что цель Ф. Туджмана – «создать хорватское государство, которое было бы домом для хорватского народа» (с фоновой мыслью о необходимости избавиться от сербской опеки). При таком подходе все меньшинства, естественно, рассматривались «чужеродным элементом», а вопроса о возможной потере территорий совершенно не стояло. Книн имел для правительства Ф. Туджмана большое экономическое и культурное значение: это и важная транспортная артерия, и место коронации хорватских королей X–XI вв. При этом налицо была явная ошибка в оценке обстановки: Ф. Туджман был слабо информирован о хорватских сербах – жители Краины (особенно сельские) восприняли хорватизацию острее (в силу памяти об ужасах Второй мировой войны), чем сербы из Загреба и других крупных промышленных городов.

Й. Рашкович озвучивал два основных требования безопасности хорватских сербов: сохранение Югославии и получение сербами автономии в составе Хорватии, и именно второе было в приоритете. Автономия в представлениях Й. Рашковича была скорее культурной: контроль над системой образования и некоторыми другими механизмами репродукции сербской культуры, ни о каком территориальном выделении сербских земель речи не шло. Тем не менее для хорватов сербская автономия означала бы перспективу территориального пересмотра, а именно присоединения Краины к возможной Великой Сербии (имея в виду серьезность фактора пропаганды С. Милошевича). Впоследствии к интересам безопасности сербов добавилось возвращение им конституционного статуса, что тоже не могло быть удовлетворено новой хорватской властью. Так сложилась реальная несопоставимость требований безопасности – и «нормальная» дилемма безопасности.

Эрик Меландер (Melandar, 2009) предлагает в качестве объяснительной модели этнической конфликтности модель «регионального этнического многообразия» (“*regional ethnic diversity*”). Такое состояние характеризуется тем, что в регионе нет доминирующей этнической группы, и в этой констелляции преимущества первого удара значительно выше. В случае сербо-хорватского конфликта автор утверждает, что главной его причиной стало именно региональное многообразие.

Югославская народная армия (ЮНА), в составе которой доминировали сербы, не начинала широких боевых действий в Словении и развернула полноценную войну в Хорватии и Боснии именно из-за проживания в последних большого числа сербов. Белград смог смириться с выходом из СФРЮ Любляны, но не Загреба и Сараева. Хорватское руководство в ответ начало свою войну – и против ЮНА, и против сербов, чтобы предотвратить их отделение от страны. В землях с сербским большинством было и относительно много хорватов, что создавало дополнительный стимул для начала ведения боевых действий.

Али Бильгич (Bilgic, 2013) предлагает свой вариант теоретической рамки – социетальную дилемму безопасности. К ее принципам автор отнес следующее: дилемма безопасности выражается в насилии, зависящем от понимания самими актерами той политической среды, в которой они взаимодействуют друг с другом; интерпретация действий акторов как «благожелательные» и «неблагожелательные» (*malign or benign*) не играет особой аналитической роли, важно лишь то, как акторы понимают собственную безопасность и какими средствами они пытаются ее добиться; фактор идентичности не является внутренним для политики безопасности. А. Бильгич пишет, что акторы в пространстве бывшей Югославии сами выбрали фаталистскую модальность, а не логику уменьшения или преодоления угрозы. Политики рассматривали худший вариант намерений противоположной стороны, считая, что преступления прошлого могут повториться сейчас (в этом и состоит фатализм), и проводили этноцентричную политику, не оглядываясь на восприятие этого другой стороной. Такая фаталистическая политика размывала центральную власть, и популярность этнонациональных лидеров, внушавших чувство безопасности, росла. Анархия в связи с распадом СФРЮ тоже была рукотворной: политики, исходя из того, что «доверять другим этносам нельзя», стремились к обеспечению безопасности только своих социальных групп; постепенно идея «гомогенизированного этнического сообщества» стала представляться лучшим решением проблемы безопасности.

Эстер Виссер и Изабель Дюйвестейн (Visser, Duyvesteyn, 2014) сомневаются, что хоть какая-либо из вариаций дилеммы безопасности способна выступить объяснительной моделью гражданской войны. Они настаивают на том, что главной причиной конфликтности становится история взаимоотношений этносов со страхом перед повторением насилия (ср. с «фаталистической модальностью» А. Бильгича или и вовсе «абсолютным предсказанием» Г. Баттерфилда (Butterfield, 1951: 19–22)). Возвращаясь к текстам создателей оригинальной дилеммы безопасности (Дж. Херца и Г. Баттерфилда), авторы критикуют Б. Позена и У. Роуза за отход от классической модели дилеммы безопасности с подчеркиванием благожелательных намерений сторон (у Позена и Роуза – неблагоприятных); С. Кауфмана – за разделение на структурную и перцептивную дилеммы (утверждая, что дилемма безопасности может быть только перцептивной); П. Ро – за недостаток методологии в смысле определения намерений сторон конфликта; А. Бильгича – за недооценку фактора намерений.

Для поиска дилеммы безопасности в конфликте в Хорватии Э. Виссер и И. Дюйвестейн предлагают рассматривать четыре основных актора: С. Милошевича, Ф. Туджмана, сербов и хорватов. Первый стремился стать лидером всей Югославии, но потом взял курс на «Великую Сербию», используя провокации и национализм (в том числе платя работникам из малых городов за участие в его митингах, например). Милошевич вооружал сербских повстанцев, а также использовал СМИ для пропаганды. На пути к Великой Сербии он планировал аннексировать части Хорватии и Боснии, населенные сербами. Во время войны в Хорватии в 1991 г. Милошевич, собственно, и использовал части ЮНА, чтобы аннексировать земли, где жили хорватские сербы. Туджман стремился к созданию национального хорватского государства, что было ответом на агрессивную риторику Милошевича. Первым шагом стало обновление конституции, лишившей сербов привилегированного статуса. Туджман был одержим идеей контроля над Краиной. В итоге он смог превратить силы полиции в реальную армию и начать силовой вариант решения конфликта. Его намерения не были полностью благожелательными, он пытался защитить хорватский народ. Впрочем, именно это, по мнению авторов, составляет дилемму безопасности в силу существования мисперцепции намерений сторон.

Хорватские сербы восприняли политику Ф. Туджмана в качестве угрозы (после приглашения хорватских эмигрантов участвовать в съезде ХДС, а также возвращения усташской символики сербы ожидали повторение ужасов Второй мировой войны). Милан Бабич, лидер хорватских сербов, использовал, в свою очередь, фактор страха перед хорватским национализмом для укрепления своего авторитета и принуждения голосовать за отделение Сербской Краины от Хорватии. Сами хорватские сербы, впрочем, ранее голосовали на выборах не за Сербскую демократическую партию, а за Партию демократических реформ, возглавляемую хорватом (здесь авторы, впрочем, допускают некоторую фактологическую ошибку – до 1990 г. эта партия носила название «Союз коммунистов Хорватии»).

Сами хорваты включились в конфликтную ситуацию последними. Подводя итог, отметим, Э. Виссер и И. Дюйвестейн утверждают, что к анализу этого конфликта применима только динамика дилеммы безопасности (возникшая с началом насилия), но не сама дилемма.

Эвристический потенциал дилеммы этнической безопасности: вместо выводов

Деконструкция дилеммы этнической безопасности в редакции Б. Позена вылилась, во-первых, в анализ конфликтного взаимодействия с точки зрения его субъектов (интерпретация интересов и намерений сербской и хорватской сторон), и, во-вторых, в разграничение субъектности этнических групп и этнических политиков (главным образом, С. Милошевича и Ф. Туджмана). Иногда события конфликта интерпретируются разными исследователями полярно (например, инцидент в Борово Село). Главный тренд деконструкции дилеммы – размытие универсального и всеобъемлющего характера модели, отказ от «фатализма» в пользу акцентуации выбора варианта дальнейших действий акторов.

Систематизация произведенных нами теоретических выкладок и обобщение эмпирических данных позволяют выделить несколько ограничений в применении дилеммы этнической безопасности к анализу этнополитических конфликтов (на примере гражданской войны в Хорватии):

1. Отсутствие консенсусного видения данной теоретической модели. При рассмотрении теоретических работ авторов у исследователя складывается своя дилемма: либо признать, что существует лишь одна модель (допустим, в редакции Б. Позена или кого бы то ни было еще), либо признать существование явления (дилеммы) этнической безопасности *a priori* и определять степень близости авторов к определению его объективной сущности. Уязвимые места модели Б. Позена – рациональность этнических групп, понятие анархии, роль идентичности и, собственно, драйверы дилеммы безопасности. Нетронутыми в модели Б. Позена остались именно факторы соотношения оборонительных и наступательных намерений, а также наличие окон возможностей и, собственно, спиральная модель. «Анархию», необходимую для возникновения ситуации дилеммы, стоит понимать как внезапно измененную среду со внезапно измененными правилами взаимоотношений акторов. Сама дилемма состоит в проблеме интерпретации намерений сторон, предъявляющих новые требования безопасности: действия акторов, направленные на укрепление собственной безопасности, воспринимаются оппонентами как ущемление их безопасности – к этому моменту спиральная динамика практически оформилась, где «окна возможностей» по Б. Позену – каналы эскалации конфликтности.

2. Невозможность однозначной интерпретации события при несогласованности интерпретации / неоднозначности элементов модели. Эта проблема показывает себя с двух сторон: во-первых, под одно теоретическое явление может подходить несколько событий; во-вторых, одно событие может быть иллюстрацией нескольких теоретических явлений. При этом исследователю трудно избежать «подгонки» фактов, особенно если теория изобилует абстрактными формулировками или завязана на слишком большом количестве обязательных констант или переменных.

3. Заложена в модели (дилеммы) этнической безопасности недооценка влияния внешних факторов конфликта. Из рассмотренных нами авторов на необходимость учета этих факторов обратил внимание лишь Б. Позен. Он называет факт размещения миротворцев одной из ситуаций, где наступательная тактика выгоднее оборонительной, и рассматривает фактор ожидания внешнего вмешательства одним из «окон возможностей». Мы полагаем, что необходимо расширить теоретизацию влияния внешних факторов на дилемму безопасности. Внешняя помощь одному из акторов меняет соотношение сил, стимулируя рост вероятности превентивного удара как со стороны получателей – в силу получения явного преимущества в силе, так и со стороны оппонентов – ввиду невозможности разграничения наступательных и оборонительных намерений получателей помощи. Информация (и слухи) о поставках оружия Хорватии со стороны Германии и Венгрии могли стимулировать сербов на создание своих отрядов самообороны, а вмешательство ЮНА на стороне краинских сербов изменило соотношение сил на поле боя и позволило создать краинскую государственность.

4. Отсутствие (универсальности) релевантного явления. Обилие противоречий, разночтений и прямых неточностей в моделях авторов ставит под вопрос само существование ситуации дилеммы этнической безопасности как объективного явления межгруппового взаимодействия. Сама дилемма была призвана служить объяснительной моделью возникающих этнополитических конфликтов, а в рассмотренных нами работах модель часто выступает в роли эвфемизма собственно этнополитической конфликтности.

Таким образом, выделенные нами ограничения применения модели (дилеммы) этнической безопасности для анализа этнополитической конфликтности позволяют нам говорить о ее недостаточной проработанности и неуниверсальности в качестве объяснительной модели конфликтности. Модель дилеммы часто вбирает в себя черты конкретного конфликта, индуктивно выводя общие положения из конкретных эмпирических посылок, экстраполируя черты одного конфликта на другой, и это представляется теоретической ошибкой. Для доказательства существования эмпирического явления «дилемма этнической безопасности» необходимо проанализировать большое количество кейсов, что пока сделано не было. В то же время выявленные ограничения существующих моделей помогут последующим авторам «настроить прицел» и в случае выработки более общей теории сфокусироваться на наиболее слабых местах существующих построений.

Список литературы / References

- Гуськова, Е. Ю. (2001) *История югославского кризиса (1990–2000)*. Москва: Русское право/Русский Национальный Фонд. [Gus'kova E.Yu. (2001) *History of the Yugoslav Crisis (1990–2000)* [Istorija jugoslavskogo krizisa] Moscow: Russkoje Pravo/Russkij Nacziionalnyj Fond. (In Russ.)].
- Пивоваренко, А. А. (2014) *Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.)*: Дисс. канд. ист. наук. Москва. [Pivovarenko, A.A. (2014) *Formation of statehood in modern Croatia (1990–2001)* [Stanovljenje gosudarstvennosti v sovremennoj Khorvatii]. Ph. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].
- Bilgic, A. (2013) 'Towards a new societal security dilemma: comprehensive analysis of actor responsibility in intersocietal conflicts', *Review of International Studies*, 39 (1), pp. 185–208, DOI:10.1017/S0260210512000095.
- Butterfield, H. (1951) *History and human relations*. London: Collins.
- Kaufman, S. J. (1996) 'An 'international' theory of inter-ethnic war', *Review of International Studies*, 22 (2), pp. 149–171, DOI: 10.1017/S0260210500118352.
- Marijan, D. (2008) 'Sudionici i osnovne značajke rata u Hrvatskoj 1990.–1991.', *Časopis za suvremenu povijest*, 40 (1), pp. 47–63.
- Melander, E. (2009) 'The geography of fear: Regional ethnic diversity, the security dilemma and ethnic war', *European Journal of International Relations*, 15 (1), pp. 95–124, DOI: 10.1177/1354066108100054.
- Očić, Č. (1996) *Hronika Republike Srpske Krajinje 1989–1991*. Belgrade: Sava Mrkalj & Zora.
- Posen, B. R. (1993) 'The security dilemma and ethnic conflict', *Survival*, 35 (1), pp. 27–47, DOI: 10.1080/00396339308442672.
- Roe, P. (2000) 'Former Yugoslavia: the security dilemma that never was?', *European Journal of International Relations*, 6 (3), pp. 373–393, DOI: 10.1177/135406610006003003.
- Roe, P. (2004) 'Which security dilemma? Mitigating ethnic conflict: The case of Croatia', *Security Studies*, 13 (4), pp. 280–313, DOI: 10.1080/09636410490945901.
- Rose, W. (2000) 'The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses', *Security Studies*, 9 (4), pp. 1–51, DOI: 10.1080/09636410008429412.
- Saideman, S.M. (1996) 'The dual dynamics of disintegration: Ethnic politics and security dilemmas in Eastern Europe', *Nationalism and Ethnic Politics*, 2 (1), pp. 18–43, DOI: 10.1080/13537119608428457.
- Tanner, M. (1997) *Croatia. A Nation Forged in War*. New Haven and London: Yale University Press.
- Visser, E., & Duyvesteyn, I. (2014) 'The irrelevance of the security dilemma for civil wars', *Civil Wars*, 16 (1), pp. 65–85, DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023
Статья принята к печати: 15.01.2024

**THE ETHNIC SECURITY DILEMMA AS AN ANALYTICAL MODEL OF CONFLICT:
THE CASE OF THE CIVIL WAR IN CROATIA (1990–1995)**

D. Rastegaev

Daniil Rastegaev, Junior Researcher, Department of Political Sciences,
INION RAS, Moscow, Russia.
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1158-9987).

Abstract

The article attempts to evaluate the heuristic potential of the ethnic security dilemma model on the basis of a comparison of different ways of examining the conflict in Croatia (1990 – 1995). The first section presents a dynamic model of the Croatian civil war, dividing it into phases, highlighting the incident of the conflict and its main turning points. The following section reviews the key points of works that study the conflict based on the ethnic security dilemma. These works are divided into two main groups: those who follow and those who criticize the ethnic security dilemma, as proposed by its creator B. Posen. Criticism of the provisions is mainly limited to challenging the key pillars of the model: anarchy as a phenomenon, the role of leadership in intergroup relations, and the role of identity in the process of conflict formation. The author identifies limitations of the ethnic security dilemma as an analytical model for ethnopolitical conflicts. These limitations include the absence of a unified model, insufficient grounds for unambiguous interpretation of conflict events, underestimation of external factors, and the possible absence of a relevant phenomenon. Identifying these limitations will help refine the ethnic security dilemma for a more objective analysis of ethnopolitical conflict.

Keywords: ethnic security; security dilemma; ethnopolitical conflict; civil war in Croatia; Serbia; Yugoslavia; Krajina Serbs.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-61-72

СТРУКТУРЫ НАРРАТИВОВ О ДЕПОРТАЦИИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА И КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ

И. А. Ушпаров

Ушпаров Игорь Андреевич, соискатель ученой степени кандидата политических наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.
E-mail: igor.usparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Аннотация

Изучение политики памяти в российских регионах является актуальным направлением исследований в области *memory studies*. Анализируется опыт использования региональными акторами конкурирующих нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне. При помощи программы MAXQDA были подробно изучены этнические версии регионального прошлого в публичном дискурсе Карачаево-Черкесии. Проведенный анализ показал, что в обоих нарративах основное внимание уделяется описанию исторических событий через язык травмы. Память о депортации и Кавказской войне используется региональными властями с целью примирения и объединения конкурирующих межэтнических групп. Помимо этого, власть конструирует образ «Мы» не только через процесс виктимизации, но и героизации прошлого. Основное отличие между нарративами касается вопроса институционализации в коллективной памяти виновных за совершенные трагические события. В случае депортации акторы содержательно игнорируют поиск ответственных лиц, в то время как в нарративе о Кавказской войне власть ежегодно напоминает о роли некоторых «центральных» держав, интересы которых спровоцировали конфликт на Северном Кавказе. Более того, из-за существующих споров вокруг длительности самой Кавказской войны региональные акторы вынуждены избегать упоминания конкретных ее дат в публичных выступлениях. Использование агонистической модели взаимодействия с разной памятью о прошлом и встраивание конкурирующих групп в единое символическое пространство является одним из инструментов нивелирования конфликтного потенциала в регионе.

Ключевые слова: политика памяти; Карачаево-Черкесия; региональная власть; публичный дискурс; исторический нарратив; депортация карачаевского народа; Кавказская война.

Политическое использование прошлого является составной частью процесса конструирования групповой идентичности. В исследованиях коллективной памяти (*memory studies*) существует набор схожих понятий, описывающих различные способы взаимодействия с ней акторов. В отечественной науке среди них особое место занимает концепт политики памяти (Ачкасов, 2012; Миллер, 2014; Малинова, 2018). О. Ю. Малинова определяет ее как «совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, которые заинтересованы в особом понимании прошлого» (Малинова, 2018: 34). Политические и общественные деятели конкурируют друг с другом за закрепление того или иного нарратива в качестве доминирующего. Таким образом, прошлое становится инструментом, с помощью которого власть легитимизирует принятые управленческие решения (Малинова, 2021: 14).

Изучение локальной истории является ключевым направлением в исследовании политики памяти (Jansen, 2001; Brüggemann & Kasekamp, 2008; Kostyashov & Sergeev, 2018; Рязанова, Юрганов, 2019). В российских регионах проживает множество конкурирующих друг с другом этнических групп, которые обладают противоречивым взглядом на прошлое. Подобные интерпретации исторических событий приводят к эскалации межэтнического конфликта. Особенно это прослеживается в республиках Северного Кавказа, где каждая группа отстаивает собственную версию прошлого в публичном пространстве (Иванеско, Урушадзе, 2018: 192).

Конфликт возникает не только внутри региона, но и с федеральным центром. В сентябре 2023 г. вышел единый учебник по истории России за 10–11 классы. В одной из глав были даны неоднозначные формулировки причин депортации северокавказских народов, в которых народы обвинялись в сотруд-

ничестве с немецко-фашистскими силами в период Великой Отечественной войны. В этнических республиках Северного Кавказа подобную трактовку восприняли негативно, так как она не соответствует существующему региональному нарративу и некоторым историческим фактам. Позже Р. Кадыров изъясил учебники и попросил переписать главу, которая вызвала серьезный общественный резонанс¹. Подобные случаи несоответствия общегосударственного и локального нарративов актуализируют споры вокруг прошлого. Анализ взаимодействия акторов на региональном уровне важен для исследования политики памяти, поскольку позволяет глубже изучить конфликтный потенциал, новые конфигурации мнемонических сил и локальные инструменты использования прошлого (Ефременко, 2022: 86–87).

Несмотря на то, что современные исследователи активно занимаются региональным измерением политики памяти в России, существует пробел в изучении структуризации разных нарративов в едином публичном пространстве (Михалев, 2020; Рвачева, 2020; Козлов, 2021; Прасолов, 2021; Малинова и др., 2022). Как правило, этнические группы, обладающие противоречивым взглядом на историческое прошлое, конкурируют друг с другом. В таких случаях региональная власть должна учитывать разный набор мнемонических сил и их стратегии по управлению локальным прошлым.

В данной статье автор рассматривает случай Карачаево-Черкесии. В республике проживают две конкурирующие этнические группы: карачаевцы (тюркская группа) и черкесы (адыгская группа). Они обладают разным историческим нарративом и представлением о региональном прошлом, что усложняет процесс выработки единого подхода к исторической политике. Депортация, осуществленная в 1943 г., стала ключевым событием для коллективной памяти карачаевцев. Во время пребывания в ссылке в Средней Азии они понесли серьезные потери в демографическом, экономическом и культурном отношении. Последующая реабилитация народа в 1957 г. не разрешила множество противоречий, связанных с территориально-административным делением, а также правовой оценкой трагических событий. До конца 1980-х гг. карачаевцы были лишены институциональной возможности оспаривать государственный нарратив, а также устанавливать собственные памятники и публиковать материалы на эту тему. Лишь ко второй половине 1980-х гг. советская власть признает ошибки, а репрессии предаются значительной критике, в том числе и в общественном пространстве (Рахаев, 2014: 368). На данный момент память о депортации занимает важное место в истории карачаевского народа. Ее конструирование происходит не только за счет проведения ежегодной коммеморации 2 ноября (День памяти о жертвах депортации) и 3 мая (День возрождения карачаевского народа), но и в публичном дискурсе, строительстве новых и обновлении старых памятников, поддержке гражданских инициативных групп, законодательном закреплении и школьном образовании. На Северном Кавказе, помимо карачаевцев, пострадали представители балкарской, ингушской и чеченской групп, которые также проводят ежегодные коммеморативные мероприятия.

В республике также проживают черкесы, для которых ключевым эпизодом их региональной истории стала Кавказская война. Особая этническая версия войны распространяется и за пределами одного субъекта. Помимо Карачаево-Черкесии она охватывает те республики, в которых адыгская группа представлена широко (Кабардино-Балкария и Адыгея). Память о Кавказской войне выступает в качестве солидарности всех адыгов и объединения их в общее культурное и политическое пространство. 21 мая закреплена в качестве Дня памяти жертв Кавказской войны. Таким образом, память об обоих трагических событиях носит трансрегиональный характер.

Местные элиты активно участвуют в политике памяти и используют различные ее инструменты для достижения поставленных задач. Акторы формируют, закрепляют и распространяют представления о прошлом в мемориальном и дискурсивном пространстве (Шнирельман, 2023: 126). Официальные публичные выступления акторов и организация коммеморативных мероприятий позволяют им утвердить доминирующее положение нарратива. Ситуация в Карачаево-Черкесии усложняется из-за наличия конкурирующих представлений о региональном прошлом. Власть старается включать разные исторические сюжеты в единое пространство. Однако не совсем понятно, каким образом региональные акторы структурируют эти представления о прошлом. В связи с этим основной исследовательской задачей является изучение и сравнение структур нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне в публичном дискурсе Карачаево-Черкесии. От структуры нарративов, транслируемых через дискурс, частоты их использования во время коммеморации событий, а также формата публичных выступлений зависит восприятие их местными жителями, которые также являются главными участниками политики памяти (Малинова, 2013: 115).

¹ Благодаря Рамзану Кадырову в учебниках истории России для 10–11-х классов заменены лживые факты о народах Кавказа [Электронный ресурс], *Вести Чеченской Республики* (2023). URL: <https://vesti095.ru/2023/09/blagodarya-ramzanu-kadyrovu-v-uchebnikah-istorii-rossii-dlya-10-11-klassov-zameneny-lzhivye-fakty-o-narodah-kavkaza/> (дата обращения 24.09.2023).

Методология исследования

Для анализа структур нарративов был выбран дискурс-анализ. На базе официального сайта Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики были собраны необходимые материалы. В частности, были изучены тексты и стенограммы публичных выступлений и обращений к гражданам со стороны лидера республики Р. Темрезова и других представителей органов государственной власти в период годовщин исторических событий. Для изучения современного состояния конструирования нарративов о депортации карачаевцев и Кавказской войне был взят весь период правления Р. Темрезова (с 2011 г. по настоящее время). Материалы, размещенные на сайте, являются открытыми, общедоступными и опубликованы на русском языке. Более того, регулярность публикаций отслеживается в течение всего периода присутствия Р. Темрезова в должности, в отличие от его предшественников. Количество собранных и проанализированных материалов относительно памяти о депортации карачаевского народа составило 21. Выступления и публикации относительно памяти о Кавказской войне составили 22 материала. Далее собранные данные были проанализированы, закодированы и систематизированы через программу MAXQDA.

MAXQDA позволяет детально изучить и проанализировать текстуальные, аудио- и видеоматериалы. Одним из преимуществ ее использования является поиск необходимых для последующей кодификации слов (словосочетаний) для составления кодовых узлов. Во время сбора и анализа данных были обнаружены и присвоены коды (категории), в рамках которых формируются основные смысловые концепты. Они, в свою очередь, демонстрируют логику, последовательность и структуру исторического повествования (Kuckartz and Rädiker, 2019: 4). Выделенные категории связываются и пересекаются друг с другом, создавая определенную конфигурацию между различными сегментами текста (Kuckartz and Rädiker, 2019: 5). В программе доступны также функции систематизации, открытого редактирования и автокодирования материалов, что значительно улучшает процесс анализа текста и повышает его объективность. Последующая визуализация позволяет содержательно продемонстрировать основные результаты. Отражение отдельных конфигураций основных кодов (категорий) и субкодов транслирует содержательное и смысловое наполнение дискурса, а значит, позволяет проследить, каким образом формируется региональный нарратив о разных исторических событиях.

На предварительном этапе анализа было выяснено, что оба нарратива транслируются не только лидером, но и председателем Правительства КЧР, а также спикером регионального парламента. Более того, количество участников процесса конструирования нарративов одинаково во всех коммеморативных мероприятиях, проводимых в республике. Представители национальных общественных движений и религиозные деятели также принимают активное участие в процессе конструирования нарратива о депортации и Кавказской войне. Таким образом, симметричная расстановка основных мнемонических сил, участвующих в формировании и закреплении нарративов, подтверждает значимость событий не только для отдельных этнических групп, но и для региональной политики в целом.

Дискурс-анализ структуры нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне

Проведенный анализ показал, что нарративы о депортации карачаевского народа и жертвах Кавказской войны имеют относительно схожую структуру. Этнические версии прошлого конструируются в рамках таких категорий (кодов), как «Кто мы», «Описание исторического события», «Кто виноват» и «Роль памяти в настоящем». Нарративы о депортации и Кавказской войне выстраиваются вокруг сформированных смысловых блоков во время публичных выступлений представителей региональной власти. В. А. Шнирельман отмечает, что структура нарратива зависит не только от описания самого исторического факта. В нем важно отразить роль «жертв» и «палачей», победителей и проигравших, а также отдельно отметить государственные и региональные особенности памяти в рамках локального культурного кода (Шнирельман, 2021: 19).

На рис. 1 и 2 отображены значения частоты использования кодов в структуре нарративов о депортации и Кавказской войне соответственно. Описание самих себя в качестве пострадавшей группы занимает большую часть смыслового содержания нарратива о депортации (примерно 52 % от закодированного текста). Чуть меньше акторы уделяют внимание интерпретации исторического события (40 %). Роль памяти в настоящем, которую автор определяет как процесс извлечения уроков из прошлого, занимает лишь 27 % от закодированной части публичных выступлений. Наименьший вес занимает процесс определения ответственных лиц за вынесенное решение о массовой ссылке народов (не более 3 %).

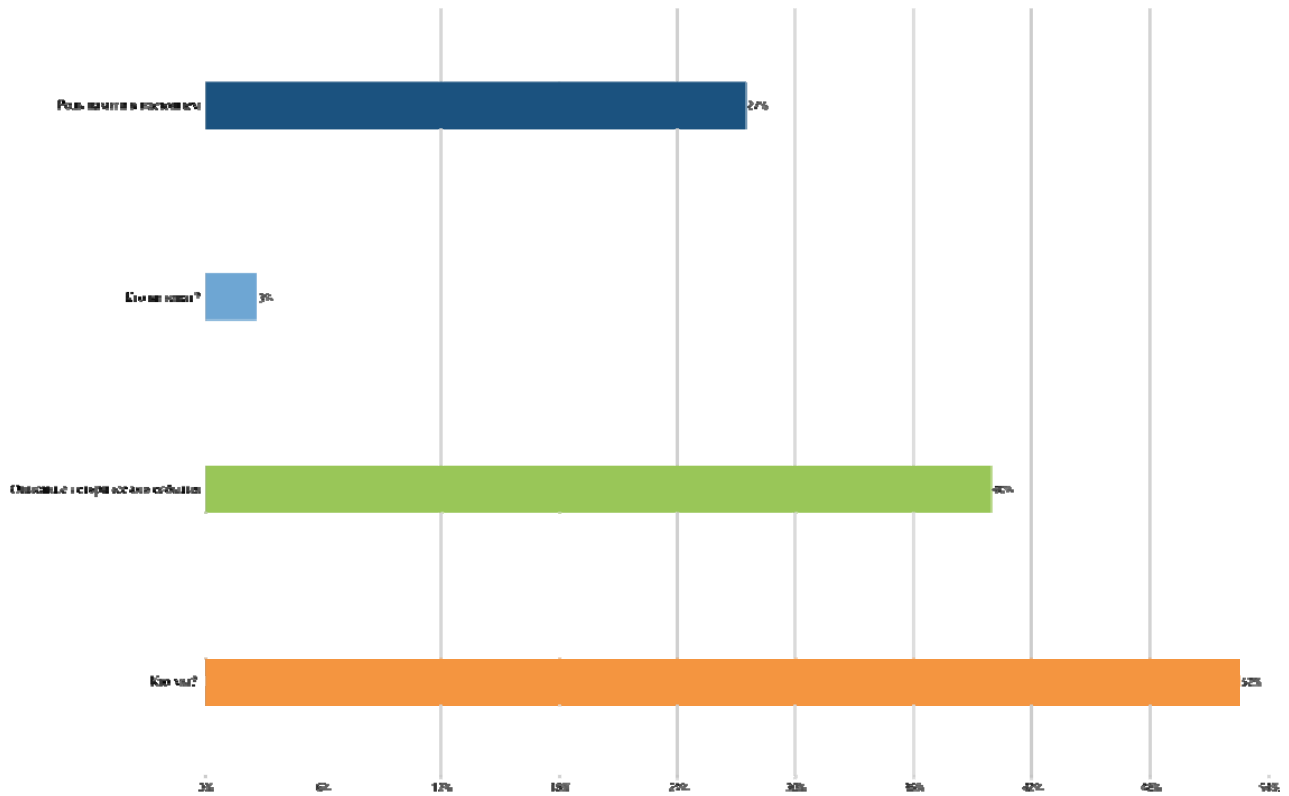

Рис. 1. Частота использования кодов в нарративе о депортации карачаевского народа

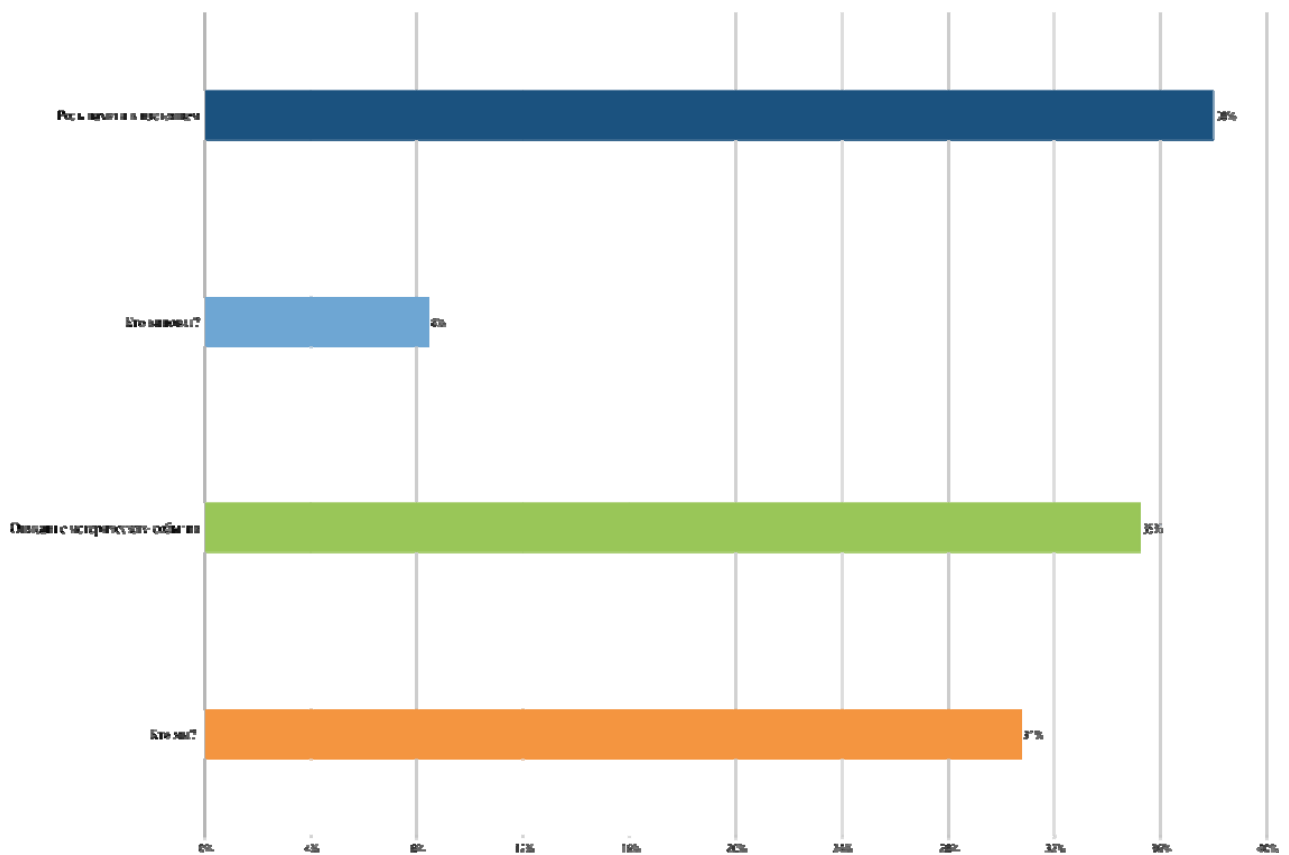

Рис. 2. Частота использования кодов в нарративе о Кавказской войне

В нарративе о Кавказской войне региональная власть сравнительно больше времени уделяет извлечению уроков из прошлого, это занимает примерно 38 % от закодированной части текста. Другие коды также широко представлены в нарративе. Интерпретация Кавказской войны занимает 35 % текста, в то время как конструирование образа «Мы» – 31 %. Определение «виновников» за совершенные действия в прошлом имеет больший вес, в отличие от нарратива о депортации, и составляет 8 % от всех доступных материалов.

На рис. 3 представлены результаты конфигурации основных кодов. Чем больше пересечений категорий, тем выше процент взаимозависимости кодов. Анализ показал, что описание исторического события неразрывно связано с процессом конструирования образа «Мы» в качестве пострадавшей группы, что составляет 19 % всех возможных вариаций. Определение виновников частично связано с интерпретацией исторических событий за счет нарратива о жертвах Кавказской войны (5 %). Лишь 2 % всех взаимодействий отводится связи между ролью памяти в настоящем и описанием трагических событий. Таким образом, упор региональной власти на виктимизацию дискурса означает желание связать память об исторических событиях с потерями и страданиями, которые перенесли народы во время депортации и Кавказской войны. Актеры используют этнические нарративы в качестве процесса усвоения основных уроков прошлого через дискурс травмы.

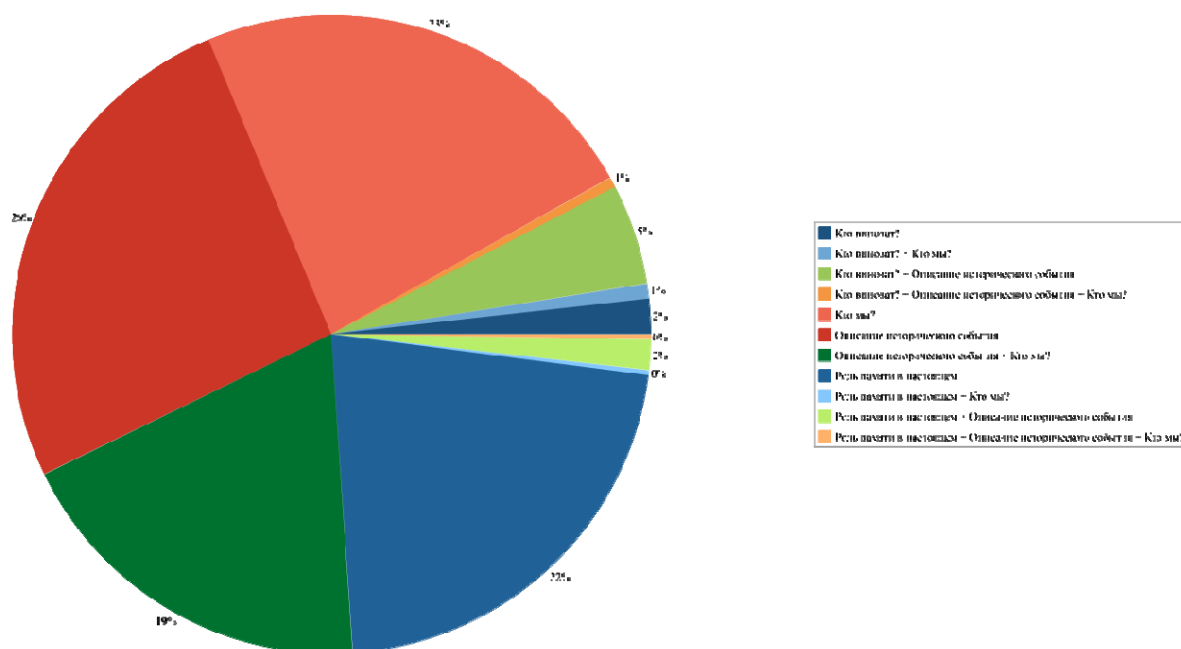
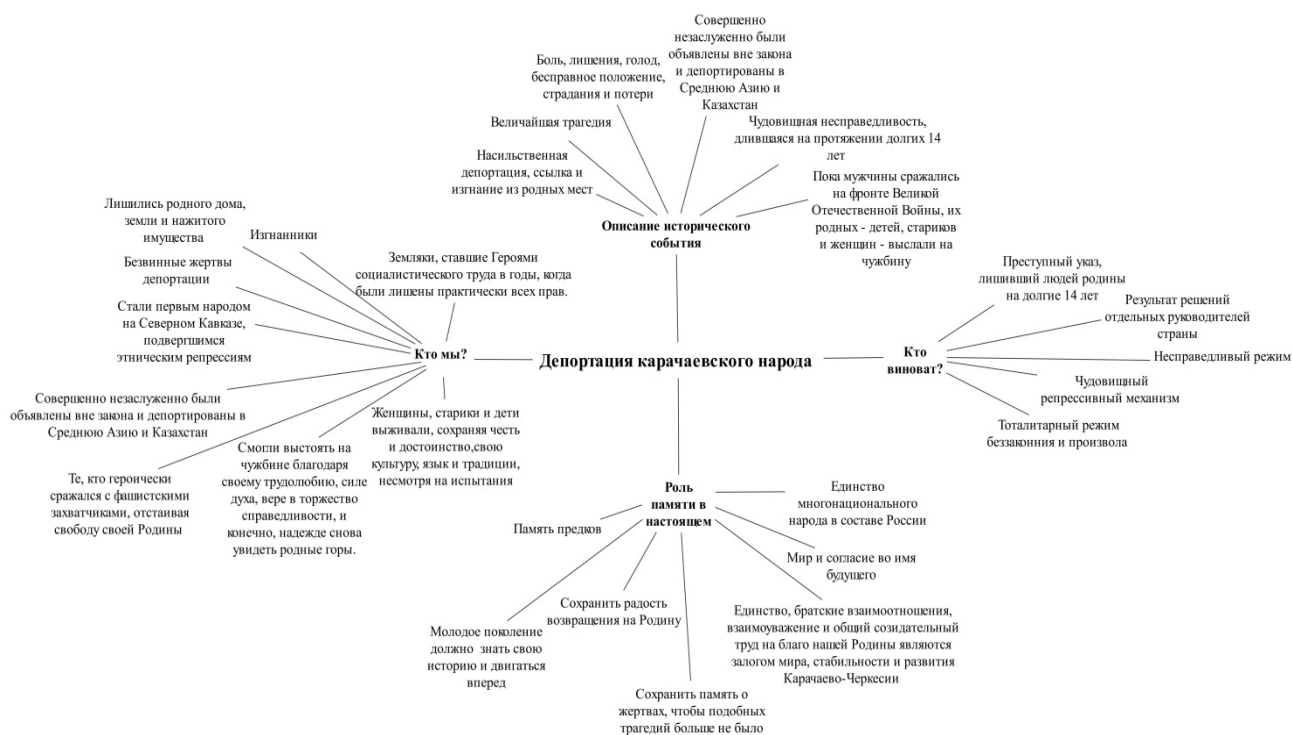

Рис. 3. Конфигурация связей кодов друг с другом внутри закодированного текста

Структура нарратива о депортации карачаевского народа. Смысловое содержание нарратива о депортации карачаевского народа в 1943 г. представлено на рис. 4. Внутри четырех основных категорий, выделенных ранее, отражено несколько важных субкодов. Они воспроизводят дискурсивные элементы официальной интерпретации исторического события. В течение всего изучаемого периода было обнаружено, что структура нарратива повторяется из года в год. Во время публичных выступлений и обращений к жителям республики представители региональной власти транслируют схожие концепты. Таким образом, со временем память о депортации приобретает шаблонный вид. Внутри текстовых обращений обнаружить явные различия в интерпретации исторического события трудно. Выбранная стратегия позволяет актерам закрепить в общественном сознании определенные схематичные представления о локальном прошлом.

Рис. 4. Конфигурация кодов (субкодов) в региональном нарративе о депортации карачаевского народа

В рамках описания исторического события Р. Темрезов и другие представители органов государственной власти подчеркивают «насильственный» характер массовой ссылки. Для карачаевцев депортация представляет собой «величайшую трагедию», которая породила «боль, лишения, голод и страдания». По словам лидера республики, депортация является «чудовищной несправедливостью», которая длилась на протяжении 14 лет. Акторы подчеркивают это через упоминание вынужденной разлуки семей в условиях Великой Отечественной войны. В то время как «родных – детей, стариков и женщин – выслали на чужбину», мужская часть населения воевала на фронте. Соответственно, нарратив о депортации приобретает трагические черты. В начале 2010-х гг. при описании исторического события Р. Темрезов использовал такие эмоционально окрашенные слова, как «геноцид», «угроза физического уничтожения» и «черный ноябрь». После 2014 г. эта практика прекратилась.

В нарративе о депортации конструирование образа «Мы» содержит два ключевых аспекта. С одной стороны, карачаевский народ представляется «первым народом на Северном Кавказе, пострадавшим от этнических репрессий». К этому добавляются сюжеты, описывающие процесс «изгнания» и упоминания о массовом характере количества «безвинных жертв». С другой стороны, в публичных выступлениях наблюдаются тенденции к героизации народа. В частности, нередко встречаются упоминания тех, кто: «героически сражался на фронтах войны», «смог преодолеть трудности», «выстоял на чужбине» и «сохранил честь, культуру, язык и традиции народа, несмотря на испытания». Региональные акторы представляют карачаевцев не только в качестве жертв, которым был нанесен колоссальный физический и культурный ущерб. Их также позиционируют как героев, которые смогли выдержать тяжелые условия существования во время ссылки и доказать свою невиновность в глазах советских граждан.

Институционализация «виновных» не занимает доминирующее положение в структуре нарратива о депортации карачаевского народа. За весь период Р. Темрезов несколько раз говорил о «преступном указе», «несправедливом тоталитарном режиме» и «решении отдельных руководителей страны». После 2014 г. в публичных выступлениях редко встречаются упоминания, связанные с характером политического режима СССР. Постепенно из дискурса вытесняются слова о репрессированном аппарате, который насильственно переместил карачаевцев с территории их исторического проживания. Таким образом, при конструировании нарратива о депортации региональная власть игнорирует процесс определения виновных. Это связано с тем, что мнемонические акторы в российских регионах ориентируются здесь на федеральную власть (Ефременко, 2022: 87). До сих пор не существует консенсуса относительно интерпретации сталинской эпохи и принятых управленческих

решений в тот период. Таким образом, власть в республике избегает неоднозначных и спорных формулировок.

В рамках нарратива акторы транслируют особые уроки, извлеченные из событий прошлого. Власть многократно напоминает жителям о необходимости в сохранении «мира», «согласия» и «межэтнической гармонии» для формирования безопасной среды в регионе. Поддержка памяти о депортации служит поводом для того, чтобы «не повторять подобные трагедии в настоящем и будущем». По мнению акторов, республика должна поддерживать тесные связи с другими народами. Часто встречаются упоминания о необходимости «единства» и совместного «созидательного труда», который обеспечит процветание не только региона, но и всей страны в целом. Таким образом, ключевым уроком для памяти о депортации карачаевского народа выступает поддержка добрососедских отношений с другими группами, в особенности с черкесами.

Структура нарратива о Кавказской войне. На рис. 5 представлена структура нарратива о Кавказской войне. Как и в случае с памятью о депортации карачаевского народа, региональные акторы представляют события в «шаблонизированном» формате. Это позволяет им закрепить нужные смыслы, интерпретации и категории, с помощью которых коллективная память фиксируется через дискурс. Описание Кавказской войны транслируется через термины травмы. Акторы используют такие устойчивые выражения, как «значительные человеческие потери», «разобщение целых народов», «скитание», «потеря близких», «вынужденное переселение» и др. Также Кавказскую войну часто представляют «военной кампанией, в которой пострадали представители многих кавказских народов, в том числе русские и казачество». Акторы говорят о разрушительных последствиях войны, которая является «одной из самых продолжительных войн в мировой истории, длившаяся почти полвека».

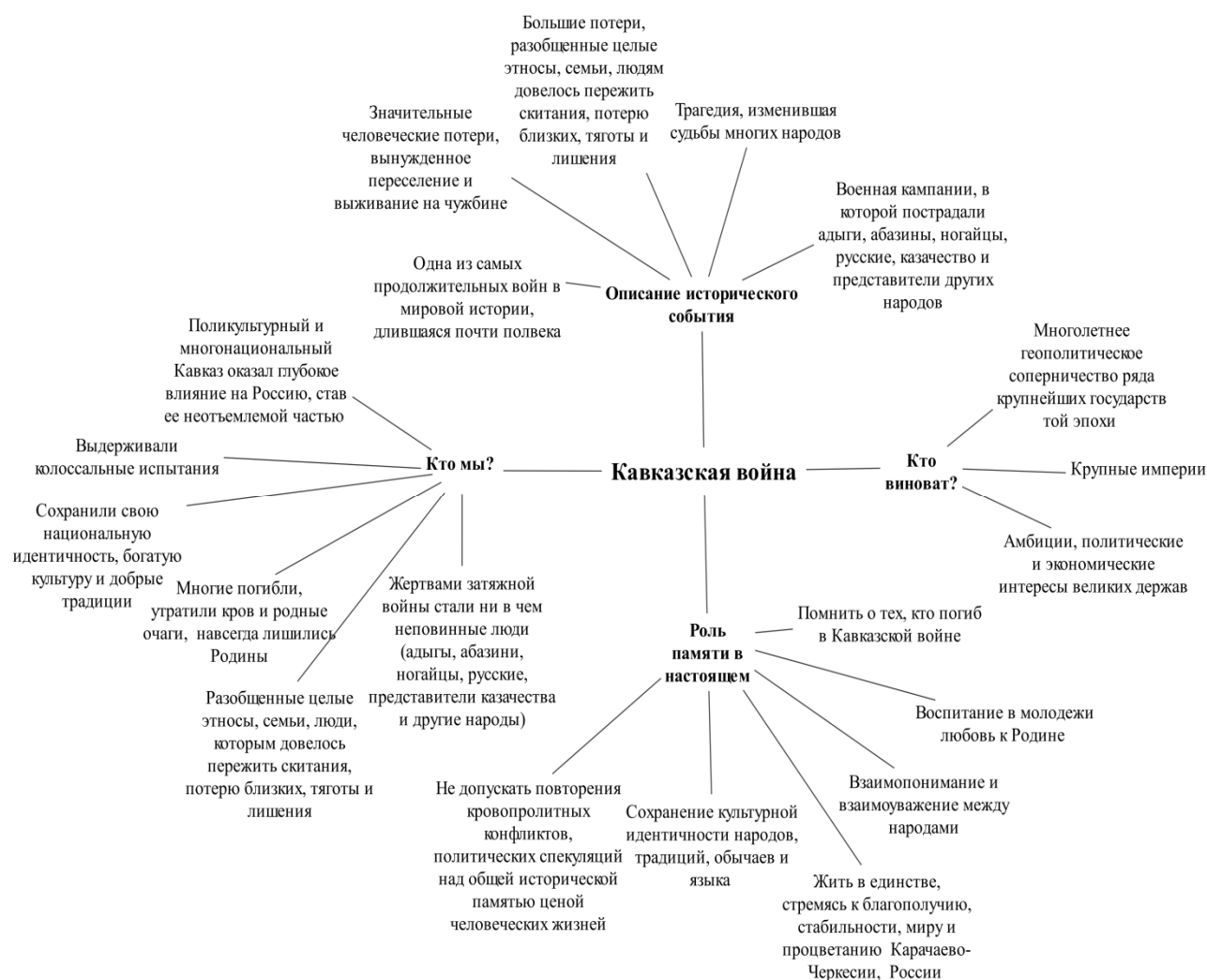

Рис 5. Конфигурация кодов (субкодов) в региональном нарративе о Кавказской войне

В республиках Северного Кавказа ведутся споры о длительности Кавказской войны (Урушадзе, 2018: 108). Для адыгской группы память о ней священна, а само историческое событие определяет не только их этническую, но и политическую идентичность. Ввиду этого сохранение и распространение именно адыгской версии датировки войны (1763–1864) является для них важным элементом восприятия регионального прошлого. Этническая версия даты закреплена даже на главном памятнике «Древо жизни», расположенном в соседней Кабардино-Балкарии. В то же время общероссийская позиция определяет длительность войны как 1817–1864 гг. Подобное несоответствие дат порождает серьезные дискуссии на региональном уровне. За проанализированный период власть в Карачаево-Черкесии редко придерживалась конкретной позиции по этому вопросу. Лишь в 2013 г. во время коммеморации жертв Кавказской войны Р. Темрезов упомянул о длившейся *«столетней войне»* на Северном Кавказе. Однако в настоящий момент акторы стараются избегать подобной конфронтации между федеральным центром и региональными группами.

Одной из особенностей формирования образа «Мы» в дискурсе о Кавказской войне является объединение разных ее участников в единую пострадавшую группу. Среди них акторы выделяют не только адыгскую группу (адыги, абазины, черкесы), но русских и казачество. В своем обращении к жителям республики Р. Темрезов отметил, что: *«Кавказская война стала величайшей трагедией не только для горцев, но для русских, казаков, которые, вопреки своей воле, были брошены на борьбу с теми, с кем их столетиями связывали узы дружбы и добрососедства»*.¹ Подобная практика включения разных сторон войны связана с попыткой переосмыслить противоречивое региональное прошлое. На современном этапе в Карачаево-Черкесии происходит попытка примирить разные стороны друг с другом и встроить их в единое дискурсивное и мемориальное пространство. Агонистический механизм взаимодействия с коллективной памятью о прошлом приводит к тому, что стираются границы между жертвами и виновными. Таким образом, уровень эскалации конфликта между конкурирующими группами снижается. Тем не менее акторы конструируют образ «Мы» не только через понятие жертвы, но и через понятие героев. Оно связано с ролью тех, кто так же *«сохранил свою культуру, национальную идентичность, традиции, выдержав колоссальные испытания»*. Таким образом, «Мы» – это не только жертвы войны, но и те, кто сохранил союз с Россией и благодаря вхождению в ее состав смог укрепить и свой народ.

В нарративе о Кавказской войне поиск виновных играет большую роль, чем в коллективной памяти о депортации. Однако представления об ответственных лицах за последствия войны носят абстрактный характер. Акторы отмечают, что среди основных причин войны выделяются *«геополитические интересы некоторых центральных держав»*. Реже упоминаются *«крупные империи»*, амбиции которых развязали войну в регионе. Подобная интерпретация причин войны ежегодно прослеживается на протяжении всего обозначенного периода. Анализ показал, что для региональной власти упоминание тех, кто виноват в трагических событиях важно, однако они продолжают избегать открытых обвинений.

Коммеморация жертв Кавказской войны для региональной власти служит тем же общим целям, что и коммеморация жертв депортации. Память о жертвах нужна, чтобы *«не повторить подобные трагические события»*, а также *«не допустить спекуляций над исторической памятью»*. Более того, память о войне используется для объединения исторически конкурирующих друг с другом групп. В частности, акторы неоднократно используют такие смысловые выражения, как *«жизнь в мире»*, *«межэтническая гармония»* и *«взаимоуважение народов»*. По мнению акторов, подобная тактика должна привести к *«стабильности и процветанию Карачаево-Черкесии и России»*. Таким образом, главный урок из прошлого – это созидание и поддержка мира между различными группами.

* * *

Изучение структур нарративов о депортации и Кавказской войне демонстрирует, что региональные акторы используют идентичные схемы интерпретации исторических событий. Анализ показал, что акторы особое внимание уделяют определению пострадавшей группы в качестве жертв и героев, преодолевших различные испытания и сохранивших собственную культуру. Более того, интерпретация обоих событий занимает важное место в дискурсе, однако используется для последовательного извлечения уроков из прошлого. Поддержка межэтнической гармонии и братских отношений с

¹ Обращение Главы Карачаево-Черкесии ко Дню памяти жертв Кавказской войны, *Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики* (2020). URL: https://www.kchr.ru/mainmenu/head/news/detailed/61605/?sphrase_id=961180 (дата обращения: 10.09.2023).

другими конкурирующими народами является важным фактором процветания, стабильности и безопасности региона.

Игнорирование поиска виновных массовой ссылки карачаевского народа является одной из особенностей нарратива о депортации. Акторы предпочитают избегать конкретизации ответственных лиц в совершенном преступлении. В нарративе о Кавказской войне, напротив, практически в каждом обращении и публичном выступлении акторы упоминают о крупных державах, чьи геополитические интересы послужили поводом для начала войны в регионе. Более того, в нарративе разные участники войны объединяются в общую группу «жертв» для нивелирования конфликтного потенциала. Власть также избегает уточнения датировки и длительности Кавказской войны из-за существующих дискуссий между федеральным центром и региональными группами. Таким образом, акторы стараются, с одной стороны, включить этническую локальную историю в региональное прошлое, с другой стороны, учитывают интересы федерального центра. Таким образом, дальнейшее изучение процесса формирования нарративов, принадлежащих конкурирующим этническим группам, позволяет проследить сходства и различия не только в конфигурации мнемонических сил, но и в дискурсивных практиках, от которых зависит смысловое наполнение коллективной памяти о региональном прошлом.

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2012) 'Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти», *Символическая политика*, 1, сс. 126–148. [Achkasov, V. A. (2012) 'The role of political and intellectual elites of post-communist states in the production of "politics of memory" [Rol' politicheskikh i intellektual'nykh elit postkommunisticheskikh gosudarstv v proizvodstve "politiki pamyati"]', *Symbolic politics*, 1, pp. 126–148 (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2022) 'Политика памяти в степях Забайкалья: мнемонический ландшафт Республики Бурятия', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 16 (3), сс. 86–98. [Efremenko, D. V. (2022), 'The politics of memory in the steppes of Transbaikalia: mnemonic landscape of the Republic of Buryatia' [Politika pamyati v stepyakh Zabaykal'ya: mnemonicheskiy landshaft Respubliki Buryatiya], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 16 (3), pp. 86–98, DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-86-98 (In Russ.)].
- Иванеско, А. Е., Урушадзе, А. Т. (2018) 'Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе', *Новое прошлое*, 3, сс. 186–190. [Ivanenko, A. E., Urushadze, A. T. (2018) 'Past Indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus' [Past Indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze], *The New Past*, 3, pp. 186–190, DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-186-190 (In Russ.)].
- Козлов, Д. В. (2021) 'Иркутские режимы памяти об адмирале: практики работы с «колчаковским историческим наследием»' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 120–132. [Kozlov, D. V. (2021) 'Irkutsk memory regimes of the admiral: practices of interaction with the "Kolchak historical heritage"' [Irkutskiy rezhim pam'yati ob admirale: praktiki raboty s «kolchakovskim istoricheskim naslediyem»] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 120–132. (In Russ.)].
- Малинова О. Ю., Миллер, А. И. (2021) 'Введение. Символическая политика и политика памяти' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) 'Introduction. Symbolic politics and the politics of memory' [Vvedeniye. Simvolicheskaya politika i politika pamyati] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i

- Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 7–37. (In Russ.).
- Малинова, О. Ю. (2013) 'Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России', *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*, 1, сс. 114–130. [Malinova, O. Yu. (2013) 'The Problem of a Politically "Fit" Past and the Evolution of Official Symbolic Politics in postSoviet Russia' [Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetskoj Rossii], *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 1, pp. 114–130. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Политика памяти как область символической политики' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д.В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М., СПб: Издательство Нестор-История, сс. 27–53. [Malinova, O. Yu. (2018) 'The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics' [Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki] in Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *Methodological issues in studying the politics of memory* [Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati]. Moscow, SPB: Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, pp. 27–53. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. и Пахалюк, К. А. (2022) 'Региональный аспект политики памяти в России', *Новое прошлое*, 2, сс. 112–136. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. and Pakhalyuk, K. A. (2022) 'Regional aspect of politics of memory in Russia' [Regional'nyy aspekt politiki pamyati v Rossii], *The New Past*, 2, pp. 112–136, DOI: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136 (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2014) 'Политика памяти в России: Год разрушенных надежд', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4 (75), сс. 49–57 [Miller, A. I. (2014) 'The Politics of Memory in Russia: The Year of Shattered Hopes' [Politika pamyati v Rossii: God razrushennykh nadezhd], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4 (75), pp. 49–57, DOI:10.30570/2078-5089-2014-75-4-49-57 (In Russ.)].
- Михалев, А. В. (2020) 'Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья' России' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д.В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 322–335. [Mikhalev, A. V. (2020) 'Sentinels of the frontier: monuments to atamans and the policy of commemoration in the conditions of the Far Eastern borderland' [Chasovyue frontira: pamyatniki atamanam i politika kommemoratsii v usloviyakh dal'nevostochnogo pogranch'ya] in: Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and Eastern European states. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 322–335. (In Russ.)].
- Прасолов, Д. Н. (2021) 'Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 65–80. [Prasolov, D. N. (2021) 'Monuments and rituals in commemorative practices in Kabardino-Balkaria' [Monumenty i ritually v kommemorativnykh praktikakh v Kabardino-Balkarii] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskkiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 65–80. (In Russ.)].
- Рахаев, Дж. Я. (2014) 'Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти'. *Люди и тексты. Исторический альманах*, 5, сс. 350–380. [Rakhaev, J. Y. (2014) 'Analyzing trauma: historiography of the deportation of Karachais and Balkars as a form of cultural memory' [Analiziruya

- travmu: istoriografiya deportatsii karachayevtsev i balkartsev kak forma kul'turnoy pamyati], *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh*, 5, pp. 350–380. (In Russ.).
- Рвачева, О. В. (2020) 'Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д. В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 304–321. [Rvacheva, O. V. (2020) 'Reviving the memory of the Cossacks: the politics of memory and commemorative practices of the Cossack revival in the South of Russia' [Vozrodit' pamyat' o kazakakh: politika pamyati i kommemorativnyye praktiki kazach'yego vozrozhdeniya na Yuge Rossii] in: Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and Eastern European states. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 304–321. (In Russ.).]
- Рязанова, С. В., Юрганов, Ф. А. (2019) 'Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти', *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2 (45), сс. 132–139. [Ryazanova, S. V., Iurganov, F. A. (2019) 'Komi-permyan mythology in the context of regional politics of memory' [Mif o komi-permyakakh v kontekste regional'noy politiki pamyati'], *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2 (45), pp. 132–139, DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139 (In Russ.).]
- Урушадзе, А. Т. (2018) 'Помнить-нельзя забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации', *Политическая наука*, 3, сс. 106–128. [Urushadze, A. T. (2018) 'Remember-can't-be forgotten: Caucasian war in the historical memory of Adygs and in the Russian space of commemoration' [Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voyna v istoricheskoy pamyati adygov i rossiyskom prostranstve kommemoratsii], *Political science*, 3, pp. 106–128, DOI: 10.31249/poln/2018.03.06 (In Russ.).]
- Шнирельман, В. А. (2021) 'Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 6–29. [Shirelman, V. A. (2021) 'A traumatic memory: how to study and interpret it' [Travmaticheskaya pamyat': podkhody k izucheniyu i interpretatsii], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 6–29, DOI: 10.17223/2312461X/32/1 (In Russ.).]
- Шнирельман, В. А. (2023) 'Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю', *Versus*, 2 (5), сс. 124–151. [Shirelman, V. A. (2023) 'Great Dates, or How State Policies of Remembrance Construct History' [Velikiye daty, ili Kak gosudarstvennaya politika pamyati konstruiruyet istoriyu], *Versus*, 2 (5), pp. 124–151, DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-124-151 (In Russ.).]
- Brüggemann, K., Kasekamp, A. (2008) 'The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia', *Nationalities Papers*, 36 (3), pp. 425–448, DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00905990802080646>.
- Jansen, St. (2002) 'The violence of memories: Local narratives of the past after ethnic cleansing in Croatia', *Rethinking history*, 6 (1), pp. 77–93, DOI: 10.1080/13642520110112128.
- Kostyashov, Y. V., Sergeev, V. V. (2018) 'Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria', *Baltic region*, 10 (4), pp. 118–131, DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.
- Kuckartz, U., Rädiker, St. (2019) *Analyzing qualitative data with MAXQDA*. Cham: Springer International Publishing.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**NARRATIVES ON THE DEPORTATION OF THE KARACHAY PEOPLE AND
THE CAUCASIAN WAR IN THE PUBLIC DISCOURSE
OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC**

I. Ushparov

Igor Ushparov, applicant for a Candidate of Sc. (Polit. Sc.),
European University at Saint-Petersburg. Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Abstract

The study of the politics of memory in Russian regions is a pressing area of research in memory studies. With the help of MAXQDA, the article analyzes the experiences of regional actors using competing narratives about the deportation of the Karachay people and the Caucasian War in the public discourse. The results show that both narratives focus on describing historical events through the language of trauma. The regional authorities utilize the memory of the deportation and the Caucasian War to promote reconciliation and unite competing interethnic groups. They simultaneously construct an image of 'us' through victimization and glorification of the past. The main difference between narratives is the question of institutionalization of those responsible for the tragic events in the collective memory. The narrative of the Caucasian War highlights the role of certain 'central' powers whose interests led to the conflict in the North Caucasus. Additionally, regional actors avoid mentioning specific dates in public speeches due to the existing disputes over the duration of the Caucasian War. The use of an agonistic model of interaction with the different memories of the past and the integration of various struggle groups into a single symbolic space is one of the tools for leveling the conflict potential in the region

Keywords: politics of memory; Karachay-Cherkessia; regional government; public discourse; historical narrative; deportation of the Karachay people; the Caucasian War.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-73-81

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЖЕНЩИН В РОССИИ

М. В. Пилкина

Пилкина Марина Васильевна, преподаватель Департамента политики и управления, аспирантка Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: mpilkina@hse.ru (ORCID: 0000-0001-8437-6395).

Аннотация

Проблема гендерного неравенства в различных профессиональных сферах жизни давно известна и выявлена в большинстве стран. Россия не является исключением. Описываются неравные профессиональные возможности женщин в сравнительной перспективе. Авторы стремятся ответить на вопрос, почему женщины-лидеры редко встречаются в государственном и частном секторах, будучи широко представленными в институтах гражданского общества. Сравнение государственного, частного и гражданского секторов используется для понимания, какие факторы могут ограничивать или, наоборот, благоприятствовать карьерным траекториям женщин. Исследование опирается на феминистский институционализм для изучения того, как формальные и неформальные институты влияют на карьерные траектории женщин в России. Эмпирический анализ основан на качественном контент-анализе глубинных интервью с 23 женщинами-лидерами. Результаты показывают, как гендерные стереотипы, социальные нормы, экономические факторы и система найма персонала влияют на профессиональное развитие женщин во всех секторах. Частный сектор стремится стать более гендерно сбалансированным, в то время как в государственном секторе женщины сталкиваются с трудностями при карьерном развитии и получении доступа к руководящим должностям. В секторе гражданского общества ситуация прямо противоположная. Укоренившиеся дискриминационные стереотипы и социальные нормы привели к гендерному дисбалансу в сторону широкой представленности женщин.

Ключевые слова: гендер; карьерные траектории; неформальные институты; феминистский институционализм; гражданское общество; частный сектор.

Равное участие мужчин и женщин в процессе принятия решений играет важную роль в институциональном развитии (Bjarnegård & Zetterberg, 2022). Однако зачастую повестка гендерного равенства игнорируется или декларируется формально. Россия не является исключением. В России все еще существуют значительные гендерные пробелы во многих сферах общественной жизни, включая проблемы в обеспечении должного уровня представленности женщин и степени их профессиональной вовлеченности (Порецкова и др., 2023). Российский политический ландшафт характеризуется гендерной асимметрией, так как женщины далеко не всегда участвуют в принятии важных политических решений. Несмотря на высокую долю женщин в государственной сфере (88 %), их представительство на высоких и высших уровнях власти остается низким. Российская Федерация занимает 139-е место среди стран по представленности женщин в национальных парламентах (18,9 %) (Inter-Parliamentary Union, 2023). Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве (2021), Россия занимает 133-е место среди стран по равным политическим правам и возможностям (Gender Gap Report, 2021).

В российском частном секторе ситуация аналогичная, хотя показатели участия женщин относительно высоки. В настоящее время 31,9 % владельцев бизнеса в России – женщины, и Россия занимает 5-е место в рейтинге по владению бизнесом женщинами (Mastercard, 2021). Россия также имеет высокие показатели (25-е место) по вовлеченности женщин в экономическую деятельность (Gender Gap Report, 2021). Однако практика показывает, что женщины-руководители преимущественно распространены в компаниях с численностью сотрудников менее 100–200 человек. Доля женщин-руководителей в крупных компаниях составляет всего 6,4 %. Совершенно противоположная ситуация

наблюдается в секторе гражданского общества в России, где доля женщин среди активистов и лидеров некоммерческих организаций (далее – НКО) высока. По оценкам экспертов, доля женщин-лидеров достигает 70–80 % и, возможно, даже больше: «У организаций гражданского общества женское лицо» (Бунин, 2013: 35). Доля женщин на руководящих должностях в секторе гражданского общества также высока в международном сравнении: во всем мире только около 30 % руководителей организаций гражданского общества – женщины (Bond, 2020).

В современной научной литературе не угасает интерес к поиску универсальных ответов, почему в профессиональной среде все еще имеют место неравные возможности мужчин и женщин. В данной статье вопрос неравных профессиональных возможностей поднимается в сравнительной перспективе: почему женщины-лидеры редко встречаются в государственном и частном секторах, будучи широко представленными в институтах гражданского общества. Сравнение государственного, частного и гражданского секторов используется для понимания, какие факторы могут препятствовать или, наоборот, облегчить карьерное развитие женщин.

Теоретическая основа исследования – феминистский институционализм. Этот подход изучает, как институты воспроизводят неравное распределение власти. Эмпирический анализ основан на качественном контент-анализе глубинных интервью с 23 женщинами-лидерами. Результаты анализа показывают, что неформальные институты, такие как стереотипы и устоявшиеся гендерные нормы, существенно влияют на женское лидерство во всех трех секторах. В то время как карьерные барьеры не позволяют женщинам получить доступ к руководящим позициям в политике и бизнесе, большое количество женщин в секторе гражданского общества объясняется более низкой заработной платой и набором гендерных установок для руководителей. Данное исследование вносит вклад в литературу о гендерных отношениях различными способами. Во-первых, оно представляет эмпирический анализ гендерных аспектов траекторий женщин-управленцев в России. Во-вторых, в работе сравнивается гендерная ситуация в разных секторах и выделяются специфичные черты каждого из них. В-третьих, в работе применяется феминистский институционализм для объяснения распределения власти в институтах с гендерной точки зрения, который получил широкую популярность в гендерных исследованиях последнего десятилетия (Bogaards, 2022).

Гендерные особенности карьерных траекторий: обзор литературы

Несмотря на значительные улучшения в достижении гендерного равенства на высоких и высших руководящих позициях, женщины по-прежнему «находятся в отстающих позициях, сталкиваются с трудностями в получении доступа к руководящим должностям, а также с предрассудками и сопротивлением, когда они занимают эти позиции» (Eagly, 2007: 1). На сегодняшний день одним из наиболее распространенных подходов в гендерных исследованиях карьерных траекторий является конструкция стереотипа (Larsson & Alvinus, 2020). Согласно этому подходу, акторы определенной профессиональной группы обладают общими характеристиками и демонстрируют типичное для институциональной среды поведение (Hoyt & Murphy, 2016). Действительно, люди часто представляют мужчин как решительных, властных, доминирующих руководителей, а женщин – как эмпатичных, добрых и отзывчивых (Klenke, 2004; Carli & Eagly, 2011). Каждой женщине все еще приходится принимать решение о том, «каков будет баланс между карьерными амбициями, возможностями заработка и обязанностями заботы, социально предписанной ей в приватной сфере» (Тартаковская, 2015: 85). Как следствие, гендерные различия в карьере обусловлены отсутствием доверия к женщинам и подчеркивают, что «мужчины-управленцы боятся идти на ненужный риск и нанимать женщин», поскольку их личные качества не подходят для руководящей должности (Eagly, 2007: 1). Один из подходов к пониманию гендерных аспектов в карьере заключается в том, чтобы выяснить, как именно отличаются стили руководства у мужчин и женщин (Silva & Mendis, 2017). В его рамках положительно рассматриваются «преимущественно женские профессиональные качества, такие как чуткость, достижение консенсуса и другие формы мягкой силы» (Brown, 2014; Jaquette, 2017: 40). Ученые и практики отмечают позитивные последствия привлечения большего числа женщин на высокие и высшие карьерные позиции (см., Калабихина, 2011; Glass & Cook, 2018).

Рассмотрим особенности карьерного пути женщин в сравнительной перспективе. В частном секторе принято оценивать эффективность работы мужчин и женщин-руководителей с точки зрения экономических показателей. Некоторые исследования показывают, что участие женщин в совете директоров положительно коррелирует с эффективностью работы компании (Deszo & Ross, 2008; Ionascu и др., 2018). В частных институтах «присущее женщинам поведение, особенно сотруди-чест-

во и эмпатия, больше подходит для руководителей компаний, чем стереотипное мужское пристрастие к власти и контролю» (Robinson & Lipman-Blumen, 2003: 28). Исследования показывают, что для бизнес-организации с гендерным разнообразием характерны значительно более высокие доходы (Krishnan & Parsons, 2007; Калабихина, 2011). Это означает, что организации с равной представленностью женщин и мужчин в управленческом звене являются более прибыльными. Вместе с этим встречается подход, согласно которому «достижение гендерной диверсификации состава директоров не влияет на то, как фирма оценивается рынком» (Разумова и Иванова, 2020). Однако такой вывод обусловлен изучением бизнес-компаний тех направлений, где женская представленность априори незначительная: например, тяжелая промышленность, производство.

В организациях гражданского общества широкая представленность женщин позитивно влияет на их институциональное развитие. Так, Grantham и Varuah (2017) выяснили, что женщины играют решающую роль в развитии и становлении различных НКО, часто «мобилизуя, организуя и создавая проекты, которые в противном случае никогда бы не были запущены». В политике гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин тесно связаны с типом политического режима. Равное участие женщин в принятии решений является важным компонентом демократии и демократического развития страны, но снижается в автократиях (Беляева, 2008; Bjarnegård & Zetterberg, 2022). Расширение политических прав и возможностей женщин имеет решающее значение для обеспечения легитимности процесса принятия решений. В целом сочетание различных стилей руководства важно во всех трех секторах. Однако формальные и неформальные институты могут воспроизводить неравное распределение власти, не принимая во внимание преимущества различных стилей руководства.

Дизайн исследования

Теоретической основой исследования выступает феминистский институционализм, рассматривающий гендерные вопросы через «формальную архитектуру и неформальные сети, связи, конвенции, правила и нормы институтов» (Maskau и др., 2010; Childs, 2013: 140). Феминистский институционализм, как и другие неоинституциональные подходы, утверждает, что существует два типа институтов: формальные и неформальные. В феминистском институционализме термин «институт» применим как к формальным институциональным нормам, практикам и структурам, так и к неформальным механизмам. Такой подход впоследствии делает институты более восприимчивыми к гендерным аспектам институционального развития. Таким образом, применяется новый институционализм через гендерную призму, согласно которому как формальные, так и неформальные институты являются гендерированными (Minto & Mergaert, 2018). Опираясь на феминистский институционализм, исследование предполагает, что социально конструируемые феминные и маскулинные характеристики могут объяснить лидерские роли в российской профессиональной среде. Институты «пропитаны» маскулинизированным гендером, что свидетельствует об их создании мужчинами и для мужчин (Buckley и др., 2014). Ввиду этого женщины могут быть маргинализированы и более ограничены институциональными нормами, установленными в основном мужчинами и для мужчин (Barnes & Beaulieu, 2019), но могут быть лучше представлены в секторах, где исходно больше женщин и феминных установок.

Эмпирически данное исследование опирается на 23 глубинных полуструктурированных интервью с женщинами-руководителями и представительницами трех секторов. В исследовании применялась целенаправленная выборка: все респондентки имели профессиональный опыт в организациях анализируемых секторов и были отобраны таким образом, чтобы охватить большое разнообразие различных сфер. Из государственного сектора можно выделить Администрацию Президента РФ, Государственную думу РФ, а также региональные органы исполнительной и законодательной власти. Среди частных организаций: российская компания «Трансмашхолдинг», Mediascope, а также региональные компании в области юриспруденции и логистики. Респонденты из сектора гражданского общества представлены в основном социально ориентированными НКО: Фонд Константина Хабенского, «Выход», «Безопасный дом», «Верю в чудо», сообщество GirlPower. Для сохранения анонимности респонденток в работе используются исключительно анонимизированные идентификаторы интервью.

Интервью были основаны на полуструктурированной анкете для получения как конкретных ответов на вопросы, так и более личных комментариев интервьюируемых. Все интервью проводились на русском языке и транскрибировались для анализа. В среднем каждое интервью длилось 30–40 минут. Анализ интервью был проведен с помощью качественного контент-анализа. Этот метод использует систему кодирования для анализа, интерпретации и обобщения эмпирических данных, что позволяет

обобщить результаты при сохранении целостности отдельных случаев. В данном исследовании при разработке категории кодирования использовались факторы, влияющие на женское лидерство и гендерную структуру в целом. В качестве ключевых категорий были выделены различные формальные и неформальные институты, которые напрямую или абстрагированно влияют на карьерные траектории женщин. Кроме того, категории кодирования были разработаны путем непосредственного использования эмпирического материала. Для этого на первом этапе анализа интервью был составлен общий список выявленных тем, которые неоднократно упоминались респондентками. Далее эти темы были сопоставлены с иными факторами, которые влияют на карьеру женщин для определения финальных категорий кодирования и анализа. Кодирование проводилось с помощью программы для качественного контент-анализа MAXQDA. После кодирования отрывки интервью были структурированы по кодированным категориям, а отрывки текста с одинаковыми кодами были интерпретированы и обобщены.

Результаты исследования

В результатах представлены факторы, влияющие на карьеру женщин и гендерную структуру в государственных и частных организациях, а также институтах гражданского общества. Чаще всего в интервью упоминались гендерные стереотипы в качестве основных причин, препятствующих привлечению женщин на руководящие должности. Интервьюируемые также указали, что социальные нормы, экономические факторы и система найма персонала являются факторами, обуславливающими женские карьерные траектории.

Гендерные стереотипы и социальные нормы. Гендерные стереотипы наиболее распространены в государственном секторе по сравнению с двумя другими секторами. Прежде всего, гендерные предубеждения в российских политических институтах порождают определенные установки, и эти «представления людей о себе и о других определяют, кто способен и должен занимать руководящие должности» (Интервью 6). Широко распространено мнение, что «только мужчины могут полностью посвятить себя политической деятельности» (Интервью 4). Схожая точка зрения, ограничивающая карьерное развитие женщин, заключается в том, что «мужчины более продуктивны», а от женщин ожидается «чисто женское поведение: эмпатия, эмоциональность» (Интервью 4, 6). Также «мужчинам в госорганах больше доверяют», особенно на высших политических должностях (Интервью 5). Таким образом, некоторые специфические феминные и маскулинные черты стали гендерированными и ассоциируются с женщинами и мужчинами-лидерами, тем самым обуславливая их профессиональное развитие.

Восприятие карьеры через призму гендерных стереотипов также характерно для институтов гражданского общества. По мнению всех респонденток из организаций гражданского общества, гендерное неравенство в основном обусловлено социальными нормами российского общества. В-первых, предполагается, что женщины в России в первую очередь должны быть «матерями и домохозяйками», то есть профессиональная занятость женщин не должна мешать «традиционной женской роли, такой как ведение домашнего хозяйства и воспитание детей» (Интервью 8). Ввиду этого у женщин «есть возможность работать в некоммерческих организациях, даже если там нет зарплаты, так как при такой занятости проще совмещать работу и дом» (Интервью 7), и «им легче принять низкую зарплату, которую сегодня может обеспечить сектор НКО» (Интервью 8). В-вторых, работа в институтах гражданского общества менее востребована среди мужчин. Считается, что «мужчина не считает работу в НКО серьезным занятием... Мужчина не хочет профессионально заниматься некоммерческой деятельностью. НКО скорее часто воспринимаются как хобби, поэтому это не подходит мужчинам, но, наоборот, подходит для женщин, так как они одержимы идеей помогать всем» (Интервью 11). Действительно, работа в институтах гражданского общества может рассматриваться как неподходящее место для российских мужчин (Интервью 10, 11, 12). Это подразумевает, что «в сложившихся в России стереотипах мужчина, как правило, не должен проявлять сострадание и отзывчивость, поэтому ему не интересна деятельность сектора НКО» (Интервью 10).

Несмотря на то, что женщины, работающие в институтах гражданского общества, осознают проблему укоренившихся гендерных стереотипов, они часто сами создают такие же дискриминационные установки (Интервью 7, 12). Некоторые респондентки отмечают, что «единственный способ для женщин не быть маргинализированными в профессиональном плане – это заниматься социально значимой деятельностью – работать в НКО» (Интервью 7, 8). В таких организациях женщины могут быть не ограничены институциональными правилами, которые благоприятствуют мужчинам, а пользоваться ими и применять в своей карьере (Интервью 9).

Социальные нормы и гендерные стереотипы в частном секторе распространены в меньшей степени, но все же сохраняются. В течение многих лет представители бизнеса ценили только «мужские» качества: стремление к достижению результатов, конкуренцию, хладнокровие (Интервью 23). Считается также, что мужчины стремятся больше заработать, что поощряется в бизнесе (Интервью 19, 20). Однако именно в бизнесе наблюдается положительная тенденция к изменению в сторону более гендерно сбалансированных коллективов и благоприятной среды для карьеры женщин. Работодатели начинают ценить феминные качества, например эмпатию, интуицию, заботу о сотрудниках (Интервью 20, 23). В последнее время рассматриваются альтернативные индикаторы успешной карьеры в бизнесе и новые инновационные критерии институционального развития. Например, подход бизнесмена Джека Ма о том, что «коэффициент любви (LQ^1) может быть важнее эмоционального интеллекта в бизнесе» (Интервью 23). Подразумевается, что женщины могут по-матерински относиться к компании и сотрудникам. Однако, несмотря на положительную тенденцию к вовлечению женщин в процесс принятия решений в бизнесе, она также может быть основана на гендерных стереотипах – например, что женщины априори более эмпатичны (Интервью 20).

Таким образом, результаты показывают, что гендерные стереотипы и социальные нормы остаются основополагающими факторами, объясняющими недостаточную представленность женщин на руководящих должностях в государственном и частном секторах. Однако в институтах гражданского общества сложилась иная ситуация, где существующая среда скорее поддерживает женщин-лидеров, чем препятствует им. Подводя итог, можно сказать, что и мужчины, и женщины окружены формальным и неформальным набором стереотипных норм, которые влияют на их карьеру.

Экономические факторы. Карьера женщин в российском частном и государственном секторах зависит от вида экономической деятельности, что свидетельствует о десегрегации в сфере занятости и расширении возможностей для женщин (Кармаева и др., 2020). Респондентка – руководитель в сфере машиностроения отмечает, что «женщины исторически никогда не были вовлечены в эти сферы, например, тяжелой промышленности ... да и не у многих женщин есть желание идти туда, потому что женский бизнес все еще более красивый и чистый» (Интервью 18). Эта тенденция характерна не только для тяжелой промышленности. Например, женщины плохо представлены в сфере финансов и ИКТ: «С развитием ИСТ и big data растет и гендерный дисбаланс... там работают в основном специалисты-мужчины» (Интервью 19). Среди «мужских» отраслей есть и строительный бизнес. Однако «если женщина развивается в этой сфере, она может стать генеральным директором, что подтверждают некоторые успешные российские компании» (Интервью 18).

Тем не менее существует и обратная ситуация, когда для некоторых сфер характерно доминирующее женское представительство. Несколько респонденток отметили, что бухгалтерская отрасль в России была и остается женской сферой (Интервью 18, 19, 20), будучи специфичным кейсом для России. Так, респондентка с опытом работы в международных компаниях отмечает, что «только российский бизнес предвзято относится к бухгалтерии, считая ее подходящей только для женщин... в других странах работать в бухгалтерии престижно как для мужчин, так и для женщин» (Интервью 18).

Деятельность организации также имеет значение для институтов гражданского общества. Респондентка из НКО, деятельность которой связана со спортом, отмечает, что специфика организаций влияет на гендерную структуру и, следовательно, на женские карьерные траектории. Так, в некоторых правозащитных организациях (например, защита бывших военнослужащих) «существует другая гендерная среда, там больше мужчин» (Интервью 7, 13). Однако, по мнению опрошенных, эта тенденция, скорее всего, обусловлена интересами и желаниями женщин, а не институциональными барьерами (Интервью 16, 17).

Экономическая деятельность как фактор, влияющий на карьерные траектории, тесно связана с социальными нормами, поскольку речь идет также об укоренившемся представлении о профессиональной роли женщины. Это приводит к ограничениям в виде «стеклянных стен», относящимся ко всем анализируемым секторам. В бизнесе на начальном этапе женщинам сложнее, чем мужчинам, получить новую работу из-за предвзятых стереотипов и социальных норм. Стеклообразные стены приводят к концентрации женщин в отраслях, которые являются менее прибыльными и, следовательно, обеспечивают меньший доступ к финансовым ресурсам.

Такие ограничения релеванты и для государственного сектора. Некоторые политические институты, например с военной и информационной спецификой, остаются гендерно дисбалансированными в сторону мужского доминирования. Это означает, что женщины, скорее всего, будут исключены даже

¹ Способность человека быть эмпатичным по отношению к себе и другим людям.

при приеме на работу в такие институты. Следовательно, стеклянные стены могут определять выбор профессиональной сферы деятельности без учета реальных интересов и возможностей женщин.

В секторе гражданского общества ситуация иная. Здесь практически нет стеклянных стен для женщин: они могут работать в НКО разной направленности. Однако стереотипы о работе в секторе порождают ограничения для мужчин. Некоторые женщины – лидеры российских НКО отмечают, что они могут быть предвзяты в пользу потенциальных сотрудников-мужчин. «Время от времени заявки кандидатов-мужчин приходилось отклонять, потому что они казались непригодными для такой работы, а наши условия, зарплата и рабочая среда – неподходящими для мужчин» (Интервью 10).

Таким образом, экономическая деятельность конкретной организации может влиять на гендерный порядок и карьерные траектории женщин, однако изначально она в любом случае зиждется на гендерных стереотипах. Это приводит к тому, что женщины тесно связаны с одними секторами и видами профессиональной деятельности, в то время как из других они могут быть полностью или частично исключены.

Система найма персонала. Еще одним фактором, влияющим на развитие карьеры женщины в России, выступает система найма персонала. В институтах гражданского общества существующая система найма способствует профессиональному продвижению. Некоторые респондентки признают, что система подбора персонала в НКО гендерно дисбалансированная (Интервью 8, 9). «Система найма в большинстве НКО развивается органично. Мы – руководители нанимаем сотрудников через нашу “сеть”, поэтому так получилось, что женщин больше, чем мужчин» (Респондент 8). Кроме того, мужчины редко заинтересованы в том, чтобы устроиться на работу в НКО (Интервью 10, 14). Это приводит к тому, что кандидаты-мужчины с самого начала исключают себя из процесса найма. Такой гендерный порядок также обусловлен институциональной средой НКО. Одной из ключевых целевых групп для поиска новых потенциальных сотрудников выступают волонтеры – «преимущественно женщины» (Интервью 9). Также существующая гендерная структура организаций, в которых преобладают женщины, также может «отталкивать» мужчин, намеревающихся там работать (Интервью 7, 11, 12, 13).

В государственном секторе, особенно в институтах образования, отсутствие женщин-руководителей можно объяснить соответствующей сменой поколений в системе подбора кадров. «Российскому обществу не хватает представителей поколения 40-летних, отсутствует в целом смена поколений. Поколение 40-летних и старше не считает гендерные вопросы серьезной проблемой. У поколения 20- и 30-летних другое отношение к гендерной теме, касающееся их отношения к карьере, к себе и более эффективная женская тема» (Интервью 3).

В частном секторе трудности с набором женщин в некоторых отраслях экономики проявляются уже в системе образования. По словам нескольких респонденток, женщины редко получают образование в областях, где не хватает женщин-лидеров и сотрудников: информационные технологии, математика, промышленность (Интервью 18, 19).

Таким образом, различные факторы релевантны для всех трех секторов: гендерные стереотипы и социальные нормы, система найма и экономическая активность. К значимым факторам также относятся образование и структура поколений. Такое сочетание подразумевает, что существующие дискриминационные социальные нормы и стереотипы усиливают гендерированный подход к карьере, который и приводит к неравенству.

* * *

Сравнение положения женщин в государственном и частном секторах, а также в организациях гражданского общества, показывает, что неформальные институты по-прежнему преобладают с точки зрения их влияния на карьерные траектории женщин в российской профессиональной среде. Для всех секторов существенным фактором, оказывающим значительное влияние на карьеру женщин, являются укоренившиеся социальные нормы и стереотипы российского общества в отношении женщин и их профессионального позиционирования.

Различные гендерные стереотипы влияют на карьерные траектории в трех секторах. Некоторые специфические феминные и маскулинные черты становятся гендерированными институциональными особенностями и влияют как на профессиональную среду, так и на всех вовлеченных акторов. Социальные нормы, установленные мужчинами и для них, могут ставить женщин в невыгодное положение, поскольку в стереотипной роли мужчинам больше доверяют на руководящих должностях. Таким образом, гендерные установки оказывают существенное влияние на ожидания

общества относительно профессиональных женских качеств, норм и правил, которых они должны придерживаться.

Сравнение трех секторов показывает, что женщины на руководящих должностях лучше представлены в российском бизнесе, чем в государственных институтах. Частный сектор стремится стать более гендерно сбалансированным, в то время как в государственном секторе женщины сталкиваются с трудностями при карьерном развитии и получении доступа к руководящим должностям. В секторе гражданского общества ситуация прямо противоположная. Укоренившиеся дискриминационные стереотипы и социальные нормы привели к гендерному дисбалансу в сторону доминирования женщин. Хотя женщины, работающие там, осознают гендерную ситуацию, они также имеют склонность к созданию дискриминационных стереотипов. Это показывает амбивалентную картину российского гражданского общества. Существующая дифференциация между мужским и женским участием подразумевает, что женские характеристики делают институты гражданского общества и сектор в целом гендерированным.

С точки зрения феминистского институционализма гражданское общество является наиболее гендерированным сектором, поскольку до сих пор существует четко дифференцированный феминный и маскулинный подход к институциональной деятельности НКО. С другой стороны, с точки зрения расширения прав и возможностей женщин эта сфера может рассматриваться как наиболее развитая, обладающая минимальным количеством барьеров для карьерного развития женщин.

Список литературы / References

- Беляева, Г. Ф. (2008) 'Политическая активность женщин в России', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, сс. 143–164. [Belyaeva, G. F. (2008) 'Women's political activity in Russia' [Politicheskaya aktivnost' zhenshchin v Rossii'], *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 1, pp. 143–164. (In Russ.)]
- Бунин, И. М. (2013) Гражданское общество-ресурс развития России: Аналитический доклад. М.: Центр политических технологий. [Bunin, I.M. (2013) Civil society as a source of development in Russia [Grazhdanskoe obshchestvo-resurs razvitiya Rossii], Analytical Report. Center of Political Technologies. (In Russ.)]
- Калабихина, И. Е. (2011) 'Почему важно развивать институты гендерного равенства в России', *Научные исследования экономического факультета*, 3 (1), сс. 146–163. [Kalabihina, I. (2011) 'Why it is important to develop gender equality institutions in Russia' [Pochemu vazhno razvivat' instituty gendernogo ravenstva v Rossii], *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*, 3 (1), pp. 146–163. (In Russ.)]
- Кармаева, Н. Н., Хавенсон, Т. Е., Илиева-Тричкова, П. (2020) 'Образование и социально-профессиональный статус: сглаживание неравенства среди мужчин и женщин в России', *Социологические исследования*, 3, сс. 108–120. [Karmaeva, N. N., Havenson, T. E., Ilieva-Trichkova, P. (2020) 'Education and socio-professional status: smoothing inequality among men and women in Russia' [Obrazovanie i sotsial'no-professional'nyi status: sglazhivanie neravenstva sredi muzhchin i zhenshchin v Rossii'], *Sociological Studies*, 3, 108–120. (In Russ.)]
- Порецкова, А. А., Давиденко, М. А., Уткина, В. В. (2023) 'Методологические особенности изучения гендерных норм, практик и процессов в публичном управлении', *Женщина в российском обществе*, 1, сс. 111–125. [Poreckova, A., Davidenko, M., Utkina, V. (2023) 'Methodological peculiarities of studying gender norms, practices and processes in public administration' [Metodologicheskie osobennosti izucheniya gendernykh norm, praktik i protsessov v publichnom upravlenii], *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*, 1, pp. 111–125. (In Russ.)]
- Разумова, Т. О., Иванова, Е. С. (2020) 'Гендерный баланс в руководстве компаний: эффект на финансовые показатели', *Управленческие науки*, 4, сс. 67–83. [Razumova, T. O., Ivanova, E. S. (2020) 'Gender balance in company management: the effect on financial performance' [Gendernyj balans v rukovodstve kompanij: effekt na finansovye pokazateli], *Upravlencheskie nauki*, 4, pp. 67–83. (In Russ.)]
- Тартаковская, И. Н. (2015) 'Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа', *Социологические исследования*, 5, сс. 84–93. [Tartakovskaya, I. N. (2015) 'Reproduction of gender order through career strategies: an attempt at intersectional analysis', *Sociological Studies*, 5, pp. 84–93. (In Russ.)]

- I.N. (2015) 'The production of gender order through career strategies: an attempt of intersectional analysis' [Vosproizvodstvo gendernogo poryadka cherez kar'ernye strategii: popytka interseksional'nogo analiza'], *Sociological Studies*, 5, pp. 84–93. (In Russ.)]
- Barnes, T. D., Beaulieu, E. (2019) 'Women politicians, institutions, and perceptions of corruption', *Comparative Political Studies*, 52 (1), pp. 134–167.
- Bjarnegård, E., Zetterberg, P. (2022) 'How autocrats weaponize women's rights', *Journal of Democracy*, 33 (2), pp. 60–75.
- Bogaards, M. (2022) 'Feminist institutionalism (s)', *Italian Political Science Review/Rivista Italiana di Scienza Politica*, 52 (3), pp. 418–427.
- Brown, A. (2014) *The myth of the strong leader: Political leadership in the modern age*. Basic Books.
- Buckley, F., Mariani, M., & White, T. J. (2014) 'Will legislative gender quotas increase female representation in Ireland? A feminist institutionalism analysis', *Representation*, 50 (4), pp. 471–484.
- Carli, L. L., & Eagly, A. H. (2011) *Gender and leadership*. The Sage handbook of leadership: pp. 103–117.
- Childs, S. (2013) 'Negotiating gendered institutions: Women's parliamentary friendships', *Politics & Gender*, 9 (2), pp. 27–151.
- Cook, A., & Glass, C. (2014) 'Women and top leadership positions: Towards an institutional analysis', *Gender, Work & Organization*, 21 (1), pp. 91–103.
- Deszo, C., & Ross, D. (2008) *When women rank high, firms profit*. Columbia Business School Ideas at Work.
- Eagly, A. H. (2007) 'Female leadership advantage and disadvantage: Resolving the contradictions', *Psychology of women quarterly*, 31 (1), pp. 1–12.
- Glass, C., & Cook, A. (2018) 'Do women leaders promote positive change? Analyzing the effect of gender on business practices and diversity initiatives', *Human Resource Management*, 57 (4), pp. 823–837.
- Hoyt, C., & Murphy, S. (2016) An examination of consequences and moderators of stereotype threat for female leaders. In Academy of Management: Annual Conference.
- Ionascu, M., Ionascu, I., Sacarin, M., & Minu, M. (2018) 'Women on boards and financial performance: Evidence from a European emerging market', *Sustainability*, 10 (5), pp. 1644–1661.
- Jaquette, J. S. (2017) *Women at the top: Leadership, institutions and the quality of democracy*. Women presidents and prime ministers in post-transition democracies. Palgrave Macmillan UK.
- Klenke, K. (2004) *Women and leadership: A contextual perspective*. Springer publishing company.
- Krishnan, G. V., & Parsons, L. M. (2008) 'Getting to the bottom line: An exploration of gender and earnings quality', *Journal of business ethics*, 78, pp. 65–76.
- Larsson, G., & Alvinus, A. (2020) 'Comparison within gender and between female and male leaders in female-dominated, male-dominated and mixed-gender work environments', *Journal of Gender Studies*, 29 (7), pp. 739–750.
- Mackay, F., Kenny, M., & Chappell, L. (2010) 'New institutionalism through a gender lens: Towards a feminist institutionalism?', *International Political Science Review*, 31 (5), pp. 573–588.
- Mastercard Index of Women Entrepreneurs (MIWE) 2020 (2020), Mastercard.
- Minto, R., Mergaert, L. (2018) 'Gender mainstreaming and evaluation in the EU: comparative perspectives from feminist institutionalism', *International Feminist Journal of Politics*, 20 (2), pp. 204–220.
- Monthly ranking of women in national parliaments (2023), Inter-Parliamentary Union, URL: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=3&year=2023> (accessed: 20.03.2023).
- Robinson, J. L., & Lipman-Blumen, J. (2003) 'Leadership behavior of male and female managers, 1984–2002', *Journal of Education for Business*, 79 (1), pp. 28–33.
- Silva, D. A. C. S., & Mendis, B. A. K. M. (2017) 'Male vs female leaders: Analysis of transformational, transactional & laissez-faire women leadership styles', *European Journal of Business and Management*, 9 (9), pp. 19–26.
- The Global Gender Gap Report 2021 (2022), World Economic Forum, URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (accessed: 20.03.2023).

Статья поступила в редакцию: 30.10.2023
Статья принята к печати: 15.01.2024

GENDER ASPECTS OF WOMEN'S CAREER TRAJECTORIES IN RUSSIA

M. V. Pilkina

Marina Pilkina, Lecturer of the Department of Politics and Public Administration, Ph.D. student at the Institute for Education,
HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: mpilkina@hse.ru (ORCID: 0000-0001-8437-6395).

Abstract

Gender inequality is a prevalent issue across many professions and countries, including Russia. This article explores the unequal professional opportunities for women in a comparative view, specifically why women are underrepresented in leadership positions within the public and private sectors, while being widely represented in civil society institutions. The study is based on a comparison of the public, private, and civil society sectors to examine factors that may impede or facilitate women's career paths. Drawing upon feminist institutionalism, it explores how formal and informal institutions impact women's career trajectories in Russia. Qualitative content analysis of in-depth interviews with 23 women in leadership positions informs the empirical analysis. The study highlights the impact of gender stereotypes, social norms, economic factors, and the recruitment system on women's professional growth across all industries. Notably, while the private sector endeavors to attain gender parity, women grapple with career advancement challenges and limited access to leadership roles in the public sector. Conversely, the civil society sector evinces contrasting realities. Gender imbalance has been perpetuated by entrenched discriminatory stereotypes and societal norms that favor the high representation of women.

Keywords: gender; career trajectories; informal institutions; feminist institutionalism; civil society; private sector.

УДК-323:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-82-93

ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОСТИ КОНКУРСОВ НА ДОЛЖНОСТЬ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛИТЕТА

А. А. Субботина

Субботина Анна Александровна, студентка кафедры политических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.
E-mail: annasubbotina1000@gmail.com (ORCID: 0009-0009-8164-1574).

Аннотация

Одной из целей введения конкурсной модели избрания мэров в российских муниципалитетах было повышение управляемости и подконтрольности локального уровня региону. Однако на практике на конкурсах время от времени возникают конфликты. Гипотезы относительно факторов конфликтности сформулированы с точки зрения концепции «принципал – агент». Тестирование гипотез сделано на эмпирическом материале всех конкурсов, которые прошли в Пермском крае и Свердловской области в 2015–2022 гг. (221 единица). Для выявления конфликтности конкурса разработано 17 индикаторов. В результате регрессионного анализа выявлено, что конфликты чаще встречаются на территориях, где присутствует несколько экономических игроков. Также на конфликтность конкурса влияет ряд персональных характеристик кандидата-победителя. На фоне этих факторов партийный состав местного совета оказывается незначимым. Проведенный анализ демонстрирует, что конкурсная модель кардинально не изменяет сложившиеся практики взаимодействия между элитами. Акторы адаптируют уже отработанные схемы поведения под новые правила.

Ключевые слова: глава муниципалитета; конкурс; конфликт; локальная элита; региональная власть; местный совет.

Важной целью введения конкурсной модели рекрутирования глав муниципалитетов (мэров) было не только повышение управляемости и подконтрольности локальной элиты региону, но и предотвращение конфликтов в локальном пространстве. Однако эмпирическая реальность демонстрирует, что на конкурсах периодически возникают конфликты. К примеру, в Пермском крае в Александровском МО в 2019–2021 гг. депутаты четыре раза срывали конкурс¹. В Свердловской области в ГО Богданович в 2017 г. около года не могли избрать мэра, так как часть локальной элиты и региональная власть не признали нового главу². Почему в некоторых случаях все-таки возникают конфликты? Какие факторы обуславливают конфликтность конкурсов по избранию местных глав? Эти вопросы – в центре внимания данной статьи. Исследователи предлагают разные варианты объяснения возникновения конфликтов на конкурсах: ресурсная обеспеченность территории, фрагментированность локальной элиты, стратегии участия бизнеса в конкурсных процедурах, степень автономии муниципалитетов (Зуйкина, 2018; Мухаметов и Позднякова, 2019; Гилёв и Шевцова, 2021; Панов и Петрова, 2017 и др.). Все эти варианты объяснения имеют под собой резонные основания, но сделаны преимущественно на основе отдельных case-studies либо в результате анализа небольшого количества случаев. В данной работе предпринята попытка провести large-N сравнительный анализ всех конкурсов, которые были проведены в 2015–2022 гг. в двух регионах РФ – Пермском крае и Свердловской области.

© Субботина А. А., 2024

¹ Конкурс по выборам главы Александровска пройдет в пятый раз (2021) [Электронный ресурс], *Новый Компаньон*, 16 февр. URL: <https://www.newsko.ru/news/newsko/newsko/16/02/2021/konkurs-po-vyboram-glavy-aleksandrovskaya-proydet-v-pyatyy.html> (дата обращения: 13. 06. 2022).

² Позднякова Ю. Глава Богдановича не получил признания (2017) [Электронный ресурс], *Коммерсантъ*, 7 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3378298> (дата обращения: 14.12. 2022).

Конкурс как арена согласования предпочтений акторов: факторы конфликтного взаимодействия

Введенная в 2015 г. конкурсная модель избрания местных глав предполагает, что мэр избирается депутатами местного совета из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией¹. Половина состава этой комиссии формируется региональными органами власти («губернаторская часть»), а другая половина назначается местным советом («муниципальная часть») (Зуйкина и Кочнева, 2017). Конкурсную модель можно рассматривать с точки зрения институционализма рационального выбора как институт, регламентирующий правила избрания местного главы, создающий стимулы и ограничения для акторов, вовлеченных в процесс конкурса. Можно заметить, что эта модель предоставляет широкие институциональные возможности губернатору через контроль над формированием и работой конкурсной комиссии. Однако, как показывает практика, региональной власти не всегда удается провести конкурс полностью по своему сценарию. Это связано с тем, что в процессе участвуют разные акторы, каждый из которых располагает институциональными возможностями влиять на избрание мэра.

Процедура конкурсного избрания подразумевает формальное обязательное участие следующих акторов: 1) кандидаты; 2) региональная власть в лице губернатора и 3) депутаты местного совета. Помимо обязательных участников неформальное влияние на процесс конкурса могут оказывать заинтересованные экономические акторы – представители бизнеса, локализованного в муниципалитете. Они могут поддерживать тесные межличностные взаимоотношения с местным главой (Ledyayev and Chirikova, 2019); сам глава может быть аффилирован с предприятием; представители бизнеса могут являться депутатами местного совета (Филиппова и Рябова, 2018; Витковская, 2019); предприятие может выдвигать на конкурс аффилированных кандидатов (Мухаметов и Позднякова, 2019). Посредством этих механизмов бизнес-игроки вмешиваются в процесс конкурса и влияют на итоговый результат. С точки зрения теории рационального выбора все участники конкурсного процесса используют институциональные возможности конкурсной процедуры, чтобы максимизировать свою выгоду, но также учитывают налагаемые ею институциональные ограничения. Акторы могут иметь как общие интересы, так и конкурирующие предпочтения, которые они реализуют через взаимодействие в процессе конкурса. В соответствии со своими интересами они могут объединяться в коалиции, действовать индивидуально или полностью дистанцироваться от процесса конкурса, если от его результатов не зависят их личные выгоды / издержки.

Почему в процессе конкурсного взаимодействия возникает конфликт? Теории элитной структуры Бертон и Хигли (Burton and Higley, 1987), а также эмпирические исследования конфликтности на конкурсах (Мухаметов и Позднякова, 2019; Панов и Петрова, 2017) демонстрируют, что конфликт возникает в условиях фрагментированности локальной элиты, то есть наличия в пространстве муниципалитета разнообразных заинтересованных акторов с противоположными предпочтениями. Таким образом, в качестве факторов конфликтности конкурса будут рассмотрены характеристики трех групп акторов: местный совет, бизнес, кандидаты. Кроме того, мы оцениваем социально-экономический профиль территории как возможное структурное основание конфликтов. Важно подчеркнуть, что четкое выделение факторов в соответствии с акторами носит аналитический характер. В реальности участники вступают во взаимодействие, и факторы пересекаются (например, бизнес имеет представительство в Думе, бизнес неформально поддерживает кандидатов)².

Депутаты. В качестве прокси-индикатора фрагментированности местной элиты можно рассматривать партийную композицию местного совета. Правда, значимость партийной принадлежности на местном уровне вызывает споры в научной среде. Ряд исследователей отмечают, что партии не являются влиятельными акторами локальной политики, выполняют второстепенную роль, становятся подконтрольным институтом администрации, срачиваются со структурами градообразующего предприятия (Чирикова и Ледаев, 2017; Подвинцев, 2010; Подвинцев и Рябова, 2018). Другие исследова-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 17.05. 2022).

² Необходимо подчеркнуть, что вероятность конфликта возрастает не только в контексте фрагментированной местной элиты, но и тогда, когда местная элита достаточно консолидирована, но в процесс рекрутирования главы активно вмешивается региональная власть, преследующая свои интересы. Исследования демонстрируют, что включенность губернаторов в локальные процессы зависит от степени его заинтересованности в конкретной территории (Чирикова и Ледаев, 2017). Однако на данном этапе пока не удалось найти релевантные для количественного исследования индикаторы, которые бы отражали степень заинтересованности региона в конкурсе, поэтому региональная власть не включена в данный анализ.

тели утверждают, что на местном уровне партийность все-таки имеет значение, и доминирование партии «Единая Россия» рассматривается как фактор снижения конфликтности локальной политики, поскольку «Единая Россия» выступает площадкой по консолидации элитных групп (Мухаметов, 2015). В контексте этой дискуссии мы проверяем влияние партийной фрагментированности местного совета на конфликтность.

H1: Партийная фрагментированность местного совета, которая выражается в меньшей доле депутатов от «Единой России», повышает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Следует заметить, что более точным индикатором фрагментированности местной элиты был бы состав совета не по партийному критерию, а с точки зрения аффилированности депутатов с основными элитными группами, например с важными для муниципалитета предприятиями. Однако зафиксировать это на основании места работы депутата было бы некорректно, поскольку на практике депутаты зачастую связаны с элитными группами неформально (Витковская и Рябова, 2016).

Социально-экономический профиль муниципалитета. Уровень социально-экономического развития муниципалитета может по-разному влиять на структуру местной элиты. В более «экономически развитых» территориях, как правило, больше политически активных акторов, однако экономическая развитость может обеспечиваться успешным развитием одного градообразующего предприятия, которое, при условии активности в местной политике, гомогенизирует местный политический ландшафт. Ввиду этого, кроме «общих» показателей уровня социально-экономического развития муниципалитета, необходимо учитывать также структуру экономики территории. Муниципалитеты были разделены на три группы: непромышленные территории, моногорода, города с диверсифицированной экономикой (два и более крупных предприятия). Мы предполагаем, что для моногородов характерно снижение межэлитной конфликтности (Витковская, 2019; Чирикова и др., 2020; Мухаметов и Позднякова, 2019)¹. Конфликты менее вероятны и в непромышленных муниципалитетах, где крупный и средний бизнес отсутствует. В отличие от моногородов и непромышленных территорий промышленные муниципалитеты с диверсифицированной экономикой обладают большим конкурентным и конфликтным потенциалом в силу присутствия нескольких экономических игроков, стремящихся реализовать свои интересы. Можно предположить, что это способствует конкуренции между несколькими предприятиями за доминирование в политике, противостоянию между бизнес-игроками и муниципальной властью (Витковская, 2020; Ledyayev and Chirikova, 2019).

Таким образом, мы выдвигаем следующие гипотезы:

H2: Чем выше уровень социально-экономического развития муниципалитета, тем выше вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

H3: В муниципалитетах с диверсифицированной экономикой вероятность возникновения конфликта на конкурсе выше, чем в моногородах и в непромышленных муниципалитетах.

Кандидаты. В исследовании рассматриваются следующие персональные характеристики кандидата-победителя (далее обозначаем его как «фаворита») как факторы конфликтности конкурса: его происхождение, политический опыт, предыдущее место работы.

Исследователи отмечают, что приход «варяга» в локальное пространство может провоцировать конфликты между мэром и местной элитой. Они указывают, что продвижение мэров-варягов выгодно губернатору в силу их большей управляемости по сравнению с местными (Кросстон и Сельцер, 2015). Иными словами, здесь наблюдается возможное столкновение интересов региональной власти и местной элиты: губернатору власти в некоторой степени «удобен» мэр-варяг, но продвижение регионом неместного в качестве основного кандидата на конкурсе может столкнуться с противодействием в среде локальной элиты и вызвать конфликт.

Предыдущий опыт участия кандидата в избирательных кампаниях может быть значим во время конкурса. Для успешного взаимодействия с населением в рамках электоральных кампаний требуется достаточно высокий уровень коммуникативных навыков. Следовательно, можно предположить, что имеющие электоральный опыт кандидаты по сравнению с ранее не участвовавшими в избирательных кампаниях способны более эффективно взаимодействовать с представителями локальной элиты, разрешать возникающие противоречия в процессе формальных / неформальных переговоров и тем самым избегать конфликты.

В условиях конкурсного избрания финальное решение по поводу избрания главы принимают депутаты. Кроме того, представители местного депутатского корпуса могут входить в состав кон-

¹ Очевидно, при определенных обстоятельствах и в моногородах возможен конфликт между акторами, если градообразующему предприятию не удастся монополизировать политическое пространство (Чирикова и Ледяев, 2016; Рябова, 2009).

курсной комиссии, поэтому дружеские связи кандидата с депутатами могут иметь значение в процессе конкурса. Можно предположить, что ранее работавший в местной легислатуре кандидат имеет неформальные связи с местными депутатами и знает особенности коммуникации внутри депутатского корпуса, что позволяет ему эффективно договариваться, а значит, избегать конфликтного взаимодействия и добиваться консолидированной поддержки своей кандидатуры.

Н4: Варяжское происхождение кандидата-фаворита повышает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Н5: Наличие электорального опыта у кандидата-фаворита снижает вероятность возникновения конфликта в процессе конкурса.

Н6: Предшествующий опыт работы кандидата-фаворита депутатом в местной легислатуре снижает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Что касается опыта работы кандидата-фаворита на региональном уровне, здесь возможны противоположные логики размышления. С одной стороны, опыт работы мэра в регионе может вызвать противодействие со стороны местной элиты, не желающей усиления контроля за муниципалитетом со стороны регионального центра, прихода новых членов команды главы также из региона, что приведет к конфликту между региональной и муниципальной элитными группами (Туровский, 2015). С другой стороны, муниципальная элита может рассматривать кандидата с региональным опытом как драйвера развития территории, который благодаря своим связям на региональном уровне способен добиваться дополнительного финансирования для муниципалитета (Шкель, 2020). Исходя из этого, сформулированы две конкурирующие гипотезы:

Н7а: Наличие у кандидата-фаворита опыта работы в региональных органах власти повышает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Н7б: Наличие у кандидата-фаворита опыта работы в региональных органах власти снижает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Наконец, может иметь значение предыдущее место работы кандидата-фаворита как таковое, особенно значимым представляются два варианта происхождения: из бизнеса и из бюджетной сферы. Как уже отмечалось, при наличии иных заинтересованных групп, политизированного бизнеса связь кандидата с бизнес-компанией может провоцировать конфликт между разными политическими и экономическими игроками, особенно в условиях напряженных отношений между предприятием кандидата и иными предприятиями, локализованными на территории. В отличие от кандидата, аффилированного с бизнесом, кандидат-бюджетник обычно не является конфликтогенным фактором. Наоборот, такой кандидат может выступать компромиссной кандидатурой для разных влиятельных групп в муниципалитете.

Н8: Происхождение кандидата-фаворита из бизнес-структур повышает вероятность конфликта на конкурсе.

Н9: Происхождение кандидата-фаворита из бюджетной сферы снижает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Еще одной характеристикой конкурсного процесса является участие кандидата-инкубента. Предполагается, что выдвижению кандидатов предшествует их неформальное согласование в администрации губернатора и выбор кандидата-фаворита региональной властью. В таком случае предполагается, что действующий глава как рациональный актор идет на второй / последующий срок, только заручившись поддержкой губернатора. В противном случае участие в конкурсе для него является заведомо проигрышным предприятием. В свою очередь, это является сигналом для других участников конкурсного процесса, что победитель уже определен и вкладывать ресурсы в политическую борьбу уже не имеет смысла, так как региональная власть выступает самым ресурсным игроком. Как следствие, конкурс приобретает неконфликтный характер.

Н10: Участие в конкурсе инкубента снижает вероятность возникновения конфликта на конкурсе.

Выборка, индикаторы и данные

Выборка. Эмпирическую базу исследования составили муниципалитеты Пермского края и Свердловской области, здесь во всех муниципальных образованиях второго уровня (далее – МО) в 2015–2016 гг. введена конкурсная модель избрания местных глав. В работе рассматриваются все МО обозначенных регионов, за исключением региональных столиц (два МО) и муниципалитетов со ста-

тусом ЗАТО (пять МО). Единицей наблюдения является конкурс на должность мэра. Всего с 2015 по 2022 г. был проведен 221 конкурс: 125 в Свердловской области и 96 в Пермском крае.

Зависимая переменная – конфликтность. Межэлитный конфликт можно зафиксировать в материалах СМИ на основании явных и неявных сигналов – индикаторов. В работе наличие конфликта на конкурсе определяется посредством 17 индикаторов конфликтности, выявленных на основании логики функционирования конкурсной модели. Все индикаторы разделены на две категории: процедурные и непроцедурные. К процедурным относятся действия акторов, осуществляемые ими путем использования формальных институциональных возможностей конкурсной процедуры как ресурса для отстаивания собственных интересов и свидетельствующие о напряженности и/или разногласиях между участниками конкурса. Непроцедурные индикаторы – такие действия, которые тоже прямо или косвенно свидетельствуют о разногласиях между участниками конкурсного процесса, но при этом не подразумевают использование акторами правил конкурса как ресурса в конфликтном взаимодействии. Полный перечень индикаторов приведен в табл. 1.

Таблица 1

Индикаторы конфликтности конкурсов

Этап конкурсного процесса	Процедурные индикаторы	Непроцедурные индикаторы
1. Формирование и работа конкурсной комиссии	1. Проблемы с формированием комиссии: комиссия не собралась / распущена по чьей-либо инициативе. 2. Перенос заседания комиссии. 3. Перенос сроков приема документов на конкурс. 4. Срыв конкурса комиссией: комиссия не допустила никого из кандидатов / допустила только одного кандидата. 5. Назначение нового конкурса по независимым от комиссии обстоятельствам	1. Депутаты отказываются принять устав с новой процедурой избрания главы. 2. Депутаты отказываются принять положение о новой процедуре избрания главы. 3. Внеплановая отставка кого-либо в процессе конкурса. 4. Искусственное затягивание процесса конкурса. 5. Демонстративные действия депутатов (бойкот / отказ голосовать / уход с заседаний). 6. Оспаривание правил конкурса / изменение правил в процессе конкурса.
2. Голосование депутатов местного совета	1. Срыв конкурса депутатами: депутаты проголосовали так, что никто из кандидатов не набрал нужного числа голосов. 2. Срыв конкурса депутатами: больше половины депутатов не пришли на заседание Думы, и конкурс признается несостоявшимся. 3. Переголосование депутатов через небольшой перерыв в заседании	7. Нарушение правил конкурса, прописанных / заявление акторов конкурсного процесса о нарушении правил конкурса. 8. Оспаривание результатов конкурса в суде / обращение в суд / в прокуратуру в ходе конкурса. 9. Протест населения

Конкурс квалифицируется как конфликтный при наличии хотя бы одного из представленных индикаторов, следовательно, переменная «конфликтность» принимает бинарный вид: есть конфликт / нет конфликта. Распределение конфликтных и неконфликтных конкурсов по годам представлено в табл. 2.

Большинство конкурсов характеризуется отсутствием конфликта: какое-либо конфликтное взаимодействие было отмечено лишь в 42 случаях из 221 (19 % всех конкурсов). Это говорит о том, что в большинстве случаев местной и региональной элите еще до старта конкурсного избрания удается прийти к компромиссу по поводу кандидатуры будущего главы. В Пермском крае конфликтные конкурсы встречались чаще, чем в Свердловской области (21,9 и 16,8 % всех случаев в регионе соответственно). Также следует отметить тенденцию к уменьшению доли конфликтных конкурсов в общем числе случаев к концу рассматриваемого периода (2020–2022 гг.).

Распределение конфликтных и неконфликтных конкурсов по годам

Вид переменной / Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Нет конфликта	12	29	32	16	15	27	20	27	178
Конфликт	2	7	12	4	6	3	4	5	43
Всего	14	36	44	20	21	30	24	32	221
Свердловская область									
Нет конфликта	4	15	27	9	4	6	17	21	103
Конфликт	0	3	7	4	1	1	1	5	22
Всего	4	18	34	13	5	7	18	26	125
Пермский край									
Нет конфликта	8	14	5	7	11	21	3	6	75
Конфликт	2	4	5	0	5	2	3	0	21
Всего	10	18	10	7	16	23	6	6	96

Независимые переменные. Степень партийной фрагментированности местного совета измеряется в доле депутатов от партии «Единая Россия» в общем составе легислатуры: чем меньше представителей «Единой России», тем более фрагментированным считается депутатский корпус¹. Партийный состав местного совета определяется на основании результатов последних выборов в легислатуру, состоявшихся перед рассматриваемым конкурсом.

В качестве индикаторов социально-экономического состояния муниципалитета используются следующие показатели: 1) численность населения МО; 2) доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объеме собственных доходов бюджета МО; 3) объем инвестиций в основной капитал, который демонстрирует потенциал будущего экономического развития. С точки зрения структуры экономики, на основании базы данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» (Панов, 2018) в работе все муниципалитеты в соответствии со структурой экономики поделены на три категории: 1) МО с муниципальным центром-моногородом; 2) МО с муниципальным центром-полипрофильным городом; 3) все остальные муниципалитеты отнесены к категории «непромышленные МО». По каждой категории создана бинарная переменная (всего три переменных).

Происхождение кандидата-победителя фиксируется на основании типологии «варягов» А. Кынева: «Полностью местные» – кандидаты, родившиеся и всю жизнь проработавшие в данном муниципалитете; «натурализовавшиеся варяги» – кандидаты, не местные по происхождению, но проработавшие в этом муниципалитете не менее пяти лет до назначения; «возвращенцы» – кандидаты, имевшие некоторое отношение к данному МО в прошлом, но затем покинувшие его; «чистые варяги» – кандидаты, никогда не работавшие в данном МО (Кынев, 2019). Поскольку в некоторых категориях происхождения главы очень мало случаев, эта переменная была дихотомизирована: в одну группу были объединены местные и «натурализовавшиеся», а в другую – «возвращенцы» и «чистые варяги».

Опыт участия в избирательных кампаниях, работы депутатом в местной легислатуре, работы в регионе, предыдущее место работы в бизнесе и бюджетной сфере, а также участие в конкурсе инкумбента кодируются бинарно. Кроме того, чтобы учесть региональный фактор, создана бинарная контрольная переменная «регион», которая указывает на принадлежность муниципалитета к тому или иному субъекту. Операционализация всех переменных и источники данных представлены в табл. 3.

¹ Достаточно часто в процессе работы Думы депутаты-самовыдвиженцы примыкают к фракции партии власти (Панов, 2019), поэтому в исследовании дополнительно была протестирована переменная «процент депутатов от «Единой России» и самовыдвиженцев от общего состава легислатуры». Было установлено, что она оказывает почти такое же влияние на зависимую переменную, как и «чистый» индикатор партийной фрагментированности.

Описание переменных

Переменная	Операционализация	Источник данных
Конфликтность	0 – неконфликтный конкурс; 1 – конфликтный конкурс	Региональные и местные СМИ
1. Партийный состав совета	Процент депутатов от «Единой России» в местном совете от общего числа депутатов в легислатуре	ЦИК РФ ¹
2.1. Социально-экономическая характеристика муниципалитета	Численность населения (тыс. человек). Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на одного жителя, тыс. руб. Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета МО (без учета субвенций)	База данных муниципальных образований, Росстат ²
2.2. Структура экономики	Непромышленная территория: 0 – нет, 1 – да. Муниципальный центр – монопрофильный город: 0 – нет, 1 – да. Муниципальный центр – полипрофильный город: 0 – нет, 1 – да	База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» (Панов, 2018)
3. Участие инкумбента	0 – инкумбент не участвовал в конкурсе; 1 – инкумбент участвовал в конкурсе	Региональные и местные СМИ
4. Характеристики кандидата-победителя	Происхождение («варяжскость»): 0 – местный (включая «натурализовавшихся»), 1 – варяг (включая «возвращенцев»). Электоральный опыт: 0 – не участвовал как кандидат, 1 – участвовал как кандидат. Опыт работы депутатом в местной легислатуре: 0 – нет, 1 – да. Опыт работы в региональных органах власти: 0 – нет, 1 – да. Предыдущее место работы в бизнесе: 0 – нет, 1 – да. Предыдущее место работы в бюджетной сфере: 0 – нет, 1 – да	Сайты МО Пермского края ³ и Свердловской области ⁴ . Региональные и местные СМИ. Единый портал избирательных комиссий Пермского края ⁵
Регион	1 – Свердловская область, 2 – Пермский край	–

Результаты анализа

Методом исследования является логистическая регрессия, так как зависимая переменная измеряется бинарно. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4⁶. Модели 1 и 2 различаются по переменной предыдущего места работы кандидата-победителя: модель 1 – бизнес, модель 2 – бюджетная сфера. Эти переменные некорректно включать в одну модель, так как они вместе не исчерпывают все вариации предыдущего места работы. Модель 3 содержит предикторы, автоматически отобранные системой как значимые и наиболее полно описывающие изменение зависимой переменной.

Результаты регрессионного анализа

¹ ЦИК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/?source=subscribe> (дата обращения: март 2023).

² База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: март 2023).

³ Официальный сайт Министерства территориального развития Пермского края. URL: <https://minter.permkrai.ru/ovedomstve/munitsipalnye-obrazovaniya/munitsipalnye-obrazovaniya> (дата обращения: январь 2023).

⁴ Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: https://midural.ru/100034/100089/mu_leaders/ (дата обращения: декабрь 2022).

⁵ Единый портал территориальных избирательных комиссий Пермского края. URL: <https://59tik.permkrai.ru/> (дата обращения: январь 2023).

⁶ Построенная логит-модель была протестирована на наличие выбросов среди студентизированных остатков. В результате был выявлен один случай-выброс – конкурс в Пермском районе в 2021 г. В силу своего географического положения Пермский МО является уникальным муниципалитетом в Пермском крае: он локализован вокруг краевой столицы, что дает основания исключить этот случай из регрессионной модели. В Свердловской области такого муниципалитета нет.

Переменные	Зависимая переменная: конфликтность		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	–0,40 (0,75) 0,67	–0,51 (0,74) 0,60	0,20 (0,64) 1,22
Процент депутатов от «ЕР»	–0,03*** (0,01) 0,97	–0,03*** (0,01) 0,97	–0,03*** (0,01) 0,97
Полипрофильный город	1,22** (0,62) 3,39	1,14* (0,58) 3,13	1,22** (0,60) 3,38
Численность населения	–0,02 (0,01) 0,98	–0,01 (0,01) 0,99	–0,01 (0,01) 0,99
Инвестиции	–0,003 (0,004) 1,00	–0,001 (0,003) 1,00	–
Собственные доходы бюджета	0,02 (0,02) 1,02	0,02 (0,02) 1,02	–
Варяжскость кандидата-фаворита	2,32*** (0,67) 10,17	2,37*** (0,66) 10,72	1,98*** (0,59) 7,23
Электоральный опыт	–1,42 ** (0,60) 0,24	–1,51*** (0,58) 0,22	–0,92** (0,43) 0,40
Депутатский опыт	0,56 (0,60) 1,75	0,93 (0,58) 2,53	–
Опыт работы на уровне региона	–3,30*** (1,25) 0,04	–3,54*** (1,24) 0,03	–3,25*** (1,22) 0,04
Предыдущая работа: бизнес	1,19** (0,49) 3,27	–	1,23*** (0,46) 3,41
Предыдущая работа: бюджетник	–	–0,47 1,12 0,62	–
Участие инкумбента	0,64 (0,47) 1,90	0,70 (0,46) 2,01	–
Регион: Пермский край	0,87* (0,46) 2,38	0,77* (0,45) 2,17	0,75* (0,43) 2,11
<i>N</i>	218	218	218
Pseudo-R ² McFadden	0,23	0,21	0,22

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строчке представлены регрессионные коэффициенты, во второй в скобках указаны стандартные ошибки, в третьей – соотношение шансов.

Партийная фрагментированность местного совета почти не влияет на конфликтность конкурсов: соотношение шансов у переменного процента депутатов от «Единой России» близко к единице, и эти показатели статистически значимы во всех моделях. Следовательно, конфликты могут возникать и в условиях доминирования «Единой России». Полученные результаты демонстрируют, что партийная принадлежность акторов не является релевантным индикатором для отражения элитных расколов в муниципалитетах, что подтверждает мнение о незначимости партийности на локальном уровне в России.

Структура экономики оказывает значимое влияние на возникновение конфликтов на конкурсах. Как и ожидалось, для городов с диверсифицированной экономикой более характерно конфликтное взаимодействие на конкурсе: в таких муниципалитетах шансы возникновения конфликта повышаются в 3,38 раза (модель 3) по сравнению с шансами возникновения конфликта на остальных рассматриваемых территориях. Напротив, переменные, характеризующие уровень социально-экономического развития, не оказывают статистически значимого влияния на зависимую переменную. Следовательно, конфликты на конкурсах могут возникать на любых территориях: как в богатых, так и в относительно «бедных» МО; как в больших, так и в маленьких сообществах.

Среди характеристик кандидата-победителя статистическую значимость во всех моделях демонстрируют варяжское происхождение, наличие у кандидата-победителя электорального опыта и опыта работы на уровне региона, а также предшествующий опыт работы в сфере бизнеса. Если фаворитом является варяг, шансы возникновения конфликта на конкурсе увеличиваются в 7,23 раза по сравнению с шансами возникновения конфликта, если кандидатом-фаворитом является местный по происхождению (модель 3). Это подтверждает тезис о конфликтном потенциале неместных политиков в локальных сообществах (Кросстон и Сельцер, 2015). В отношении опыта работы на региональном уровне нашла подтверждение конкурирующая гипотеза о снижении вероятности возникновения конфликта на конкурсе, если ранее кандидат-фаворит работал в региональных структурах. Такой участник, скорее всего, рассматривается локальной элитой как компромиссная кандидатура, что упрощает процесс согласования кандидатуры на должность главы и снижает конфликтный потенциал конкурса.

Примечательно, что, хотя ранее работавшие на уровне региона кандидаты одновременно могут быть варягами, эти характеристики кандидата-победителя оказывают разнонаправленное влияние на конфликтность конкурса: варяжскость повышает вероятность конфликта, а опыт работы на уровне региона, наоборот, снижает. С одной стороны, это связано с тем, что не все, кто работал в региональных органах власти, являются варягами (при использованном дихотомическом измерении варяжскости «натурализовавшиеся» варяги относятся к категории местных). С другой стороны, наблюдаемая разнонаправленная связь говорит о том, что группа неместных кандидатов по своей природе гетерогенна: не все варяги вызывают конфликты и расколы в локальной элите.

При наличии электорального опыта у кандидата вероятность конфликта ожидаемо уменьшается, что подчеркивает важность коммуникационных навыков для выстраивания конструктивного неконфликтного взаимодействия в процессе конкурса. Опыт работы кандидата-фаворита в сфере бизнеса, как и предполагалось, увеличивает вероятность конфликта. Скорей всего, в ряде случаев такой кандидат рассматривается как связанный с предприятием, даже если он там непосредственно не работал в последние годы, что может вызывать противодействие со стороны иных политических и бизнес-групп, которые тоже стремятся к контролю над локальной политикой.

Следует подчеркнуть, что представленные результаты демонстрируют статистически значимое различие на уровне 0,1 между Пермским краем и Свердловской областью. Это можно объяснить, во-первых, активными объединительными процессами в муниципалитетах Пермского края, которые сопровождались межэлитными конфликтами и нередко стимулировали конфликты в процессе конкурса. В Свердловской области объединение муниципалитетов не производилось. Во-вторых, за рассматриваемый период в Пермском крае, в отличие от Свердловской области, сменилось три губернатора, а смена региональных лидеров также способствует повышению уровня конфликтности в межэлитных взаимодействиях.

* * *

Конфликтный характер конкурса определяет констелляция акторов в муниципалитете: противоборство более свойственно территориям со сложной, разветвленной структурой акторов, каждый из которых стремится реализовать свой интерес. Конфликты на конкурсах чаще наблюдаются на территориях с диверсифицированной экономикой, акторная структура которых более разнообразна за счет включения в локальную политику конкурирующих бизнес-игроков, что соответствует результатам других исследований бизнеса в локальном сообществе. Можно предположить, что в конкурсы в таких муниципалитетах более активно вмешивается губернатор, заинтересованный в контроле над данными территориями, как экономически перспективными и стратегически значимыми для региона, что дополняет горизонтальное измерение конфликта вертикальным (регион – муниципалитет). Однако в ходе исследования не удалось эмпирически зафиксировать роль губернатора в конфликтных конкурсах в силу отсутствия релевантных индикаторов, что является ограничением данной работы.

Конфликтный характер конкурса также связан с рядом персональных характеристик кандидата-фаворита. Это подтверждает тезис о значимости персонального фактора, личных связей и опыта на ло-

кальном уровне российской политики. В силу персональной узости местного сообщества, ограниченного набора влиятельных акторов и тесной коммуникации между ними в муниципалитетах особенно важны связи и неформальные отношения, которые часто определяют характер политических процессов.

В целом проведенное исследование демонстрирует, что вариативность практик на локальном уровне сохраняется даже в условиях выстроенной вертикали власти. Конкурс как арена согласования предпочтений отражает эту вариативность (сотрудничество, конфликт, вариации конфликтного взаимодействия). Иначе говоря, введение конкурсной модели принципиально не изменяет общие паттерны локальной политики в России. Можно говорить, что акторы адаптируют старые модели взаимодействия под новые правила.

Список литературы / References

- Витковская, Т. Б., Рябова, О. А. (2016) 'Лоббистский потенциал и социальный профиль локальных legislatures (на примере Пермского края)', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 180–189. [Vitkovskaya, T. B., Ryabova, O.A. (2016) 'Lobbying potential and social profile of local legislatures (a case study of the Perm region)' [Lobbistskii potentsial i sotsial'nyi profil' lokal'nykh legislatur (na primere Permskogo kraja)], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, pp. 180–189. (In Russ.)].
- Витковская, Т. Б. (2019) 'Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении', *Власть и элиты*, 6 (1), сс. 197–215. DOI:10.31119/pe.2019.6.1.9. [Vitkovskaya, T. B. (2019) 'Political space of the industrial cities of the Ural region: large enterprises in policy and management' [Politicheskoe prostranstvo promyshlennykh gorodov Urala: krupnye predpriyatiya v politike i upravlenii], *Power and Elites*, 6 (1), pp. 197–215. (In Russ.)].
- Витковская, Т. Б. (2020) 'Местная власть и бизнес во власти: сценарии взаимного влияния глав и предпринимателей в российских муниципалитетах', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14 (3), сс. 64–72. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-64-72. [Vitkovskaya, T. B. (2020) 'Local authorities and empowered business: scenarios of mutual influence of municipal heads and entrepreneurs in Russian municipalities' [Mestnaya vlast' i biznes vo vlasti: stsennarii vzaimnogo vliyaniya glav i predprinimatelei v rossiiskikh munitsipalitetakh], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (3), pp. 64–72. (In Russ.)].
- Гилёв, А. В., Шевцова, И. К. (2021) 'Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России', *Политическая наука*, 2, сс. 260–281, DOI:10.31249/poln/2021.02.10. [Gilev, A.V., Shevtsova, I.K. (2021) 'The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities' [Beskonfliktnaya arena? Effekty vvedeniya procedury konkursnogo otbora glav mestnoj vlasti v krupnykh gorodakh Rossii], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 260–281. (In Russ.)].
- Зуйкина, А. С. (2018) 'Влияние ресурсных возможностей муниципалитетов Пермского края на межэлитные взаимоотношения в процессе избрания глав по конкурсу', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4, сс. 5–20. DOI:10.17072/2218-1067-2018-4-5-20. [Zuykina, A. S. (2018) 'Resource potential of municipalities and its influence on inter-elite relationship in course of competitions for the municipal head positions (a case study of Perm krai)' [Vliyanie resursnykh vozmozhnostei munitsipalitetov Permskogo kraja na mezhe-litnye vzaimootnosheniya v protsesse izbraniya glav po konkurs], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 4, pp. 5–20. (In Russ.)].
- Зуйкина, А. С., Кочнева, Ю. К. (2017) 'Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 169–183. [Zuykina, A. S., Kochneva, Yu.K. (2017) 'The competitions for the municipal head positions in the Perm region: effects of procedural rules' [Konkursy na dolzhnost' glav munitsipalitetov v Permskom krae: efekty protsedurnykh pravil], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, pp. 169–183. (In Russ.)].
- Кросстон, М., Сельцер, Д. Г. (2015) '«Свои» vs.«Чужие»,«Местные» vs.«Варяги»: политические конфликты в России на локальном уровне', *Вестник Тамбов-*

- ского университета. Серия: Политические науки и право, 3 (3), сс. 5–15. [Crosston, M., Seltser, D. (2015) '«Friendly» vs. «Strangers», «Local» vs. «Varangian»: political conflicts in Russia at local level' [«Svoi» vs.«СHузһие», «Mestnyе» vs.«Varyagi»: politicheskie konflikty v Rossii na lokal'nom urovne], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo*, 3 (3), pp. 5–15. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-"варягов" как индикатор рецентрализации (опыт 1991-2018 гг)', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 2 (93), сс. 125–150, DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-15 [Kunev, A.V. (2019) 'Phenomenon of governors-"outsiders" as indicator of recentralization experience of 1991—2018 years' [Fenomen gubernatorov-"varyagov" kak indikator recentralizacii (opyt 1991-2018 gg)], *ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 2 (93), pp.125–150. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С. (2015) 'Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне', *Ars Administrandi*, 1, сс. 85–94. [Mukhametov, R. S. (2015) 'The role of the party "United Russia" in the consolidation of elites at the municipal level' [Rol' partii «Edinaya Rossiya» v konsolidatsii elit na munitsipal'nom urovne], *Ars Administrandi*, 1, pp. 85–94. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С., Позднякова, Ю. А. (2019) 'Модели перехода на конкурсную систему избрания мэров: опыт муниципалитетов Свердловской области', *Муниципалитет: экономика и управление*, 3 (28), сс. 41–48. [Mukhametov, R. S., Pozdnyakova, Yu. A. (2019) 'Models of transition to the competitive system of mayor election: experience of municipalities of the Sverdlovsk region' [Modeli perekhoda na konkursnyuyu sistemu izbraniya merov: opyt munitsipalitetov Sverdlovskoi oblasti], *Municipality: Economics and Management*, 3 (28), pp. 41–48. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2018) 'База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала»', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 3, сс. 77–82. DOI:10.7242/1998-2097/2018.3.8. [Panov, P.V. (2018) 'Database "Political space of the industrial cities of the Urals" [Baza dannykh "Politicheskoe prostranstvo promyshlennykh gorodov Urala"]', *Bulletin of Perm Federal Research Center*, 3, pp. 77–82. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2019) 'Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 3, сс. 95–107. DOI:10.7242/2658-705X/2019.3.10. [Panov, P.V. (2019) 'City councils of small and medium cities in Sverdlovskaya oblast: potential of autonomy in relations with the city head' [Gorodskie dumy malykh i srednikh gorodov Sverdlovskoi oblasti: potentsial avtonomii v otnosheniyakh s glavoi goroda], *Bulletin of Perm Federal Research Center*, 3, pp. 95–107. (In Russ.)].
- Панов, П. В., Петрова, Р. И. (2017) 'Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, сс. 111–122. [Panov, P.V., Petrova, R. I. (2017) 'Local legislatures as a channel of lobbying interests of the region: a new system of mayors' recruitment' [Predstavitel'nye organy MSU kak kanal lobbirovaniya interesov regiona: novaya sistema rekrutirovaniya glav MSU], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 111–122. (In Russ.)].
- Подвинцев, О. Б. (2010) '«Глиняные ноги» партии власти', *Pro et Contra*, 14 (3), сс. 97–105. [Podvintsev, O. B. (2010) '“Clay feet” of the party in power. What caused the loss of “United Russia” in local elections 2008–2010: Crisis in society or its nature?' [“Glinyanye nogi” partii vlasti], *Pro et Contra*, 14 (3), pp. 97–105. (In Russ.)].
- Рябова, О. А. (2009) '«Муниципальные группировки» и развитие конкурентного политического поля малых промышленных городов Урала', *Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология*, 1, сс. 24–34 [Ryabova, O. A. (2009) "Municipal groupings" and the development of the competitive political field of small industrial cities of the Urals' [Munitsipal'nye gruppirovki] i razvitie konkurentnogo politicheskogo polya malykh promyshlennykh gorodov Urala], *Bulletin of Perm University. History and Political Science*, 1, pp. 24–34. (In Russ.)].

- Туровский, Р. Ф. (2015) 'Местное самоуправление в России и эволюция политического режима', *Pro nunc. Современные политические процессы*, 1 (14), сс. 82–98. [Turovskiy, R. F. (2015) 'Local government in Russia and evolution of political regime' [Mestnoe samoupravlenie v Rossii i evolyutsiya politicheskogo rezhima], *PRO NUNC: current political processes*, 1 (14), pp. 82–98. (In Russ.)].
- Филиппова, Е. Ю., Рябова, О. А. (2018) 'Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 4, сс. 81–86. DOI: 10.7242/1998-2097/2018.4.11. [Filippova, E.Yu., Ryabova, O. A. (2018) 'Core enterprises in the political space of the Ural industrial cities: the variability of inclusion' [Gradoobrazuyushchie predpriyatiya v politicheskom prostranstve promyshlennykh gorodov Urala: variativnost' vklyuchennosti], *Bulletin of Perm Federal Research Center*, 4, pp. 81–86. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2016) 'Власть в моногороде', *Власть и элиты*, 3, сс. 206–234. DOI:10.31119/pe.2016.3.7. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2016) 'Power in the mono-industrial company town' [Vlast' v monogorode], *Power and Elites*, 3, pp. 206–234. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2017) *Власть в малом российском городе*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2017) *Power in a small Russian town* [Vlast' v malom rossiiskom gorode], Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г., Рябова, О. А. (2020) 'Моногорода Среднего Урала: власть, лидерство, эффективность', *Власть и элиты*, 7 (1), сс. 123–162. DOI:10.31119/pe.2020.7.1.5. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G., Ryabova, O. A. (2020) 'Monotowns of the middle Urals: power, leadership, efficiency' [Monogoroda Srednego Urala: vlast', liderstvo, effektivnost'], *Power and Elites*, 7 (1), pp. 123–162. (In Russ.)].
- Burton, M., & Higley, J. (1987) 'Elite Settlements', *American Sociological Review*, 52 (3), pp. 295–307.
- Ledyayev, V., & Chirikova, A. (2019) 'Business in the power structure of small Russian towns', *Europe-Asia Studies*, 72 (4), pp. 686–711. DOI:10.1080/09668136.2019.1626349.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

CONFLICT FACTORS IN PUBLIC CONTESTS FOR THE POSITION OF THE HEAD OF THE MUNICIPALITY

A. Subbotina

Anna Subbotina, graduate student of the Political Science Department, Perm State University, Russia.
E-mail: annasubbotina1000@gmail.com (ORCID: 0009-0009-8164-1574).

Abstract

A 'contest model' for mayoral selection was introduced to enhance manageability and control at the local level by the region. However, conflicts often arise during these contests. Based on the 'principal-agent' approach, the author formulated hypotheses regarding the factors of conflict. To identify the nature of conflicts in these contests, 17 indicators were developed. The regression analysis showed that conflicts were more likely to occur in territories where multiple business actors were present. The conflict in contests was also influenced by the personal characteristics of the winning candidate. However, the party composition of the local legislature was not significant in the contests. The analysis demonstrated that the 'contest model' did not drastically change the established practices of interaction among elites. Actors adjusted their existing behavior models to conform to the new rules.

Keywords: head of municipality; contest; conflict; local elite; regional government; local legislature.

УДК-32.019.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-94-102

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АТАТЮРКА В СОВРЕМЕННОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ

Я. С. Андросова, М. В. Кирчанов

Андросова Яна Сергеевна, студентка кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, Воронежский государственный университет, Россия.
E-mail: yana_androsova@outlook.com (SPIN code: 2136-1336).

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, Воронежский государственный университет, Россия.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3819-3103. ResearcherID: B-8694-2017).

Аннотация

Анализируются особенности развития и основные векторы трансформации образа Ататюрка в современной мемориальной политике Турции. Показано, что активность различных агентов исторической политики содействует формированию и дальнейшей актуализации в публичных политических и общественных пространствах разного восприятия политического наследия Мустафы Кемаля Ататюрка как создателя современной турецкой государственности. Предполагается, что этот дискурс коллективной памяти об Ататюрке в современном турецком обществе развивается как гетерогенный, визуализируя и актуализируя различные точки зрения, которые включают националистическое республиканское восприятие и его умеренно исламистскую альтернативу. Авторы анализируют вклад интеллектуалов в развитие и трансформацию образа Ататюрка в современной исторической политике и формируемой мемориальной культуре. Предполагается, что светские авторы отстаивают концепты Ататюрка, предложенные ранее в идеологии светского турецкого республиканского национализма. Показано, что их оппоненты, представленные умеренными исламистами, стремятся инициировать ревизию образов Ататюрка. Показана роль идеологических противоречий в плюралистическом турецком социуме, которые существенно влияют на стратегии интеллектуалов как участников исторической политики.

Ключевые слова: Турция; Ататюрк; историческая память; политика памяти; мемориальная культура; национализм; ислам; исторический ревизионизм.

Историческая политика, или политика памяти стала универсальной формой манипуляции прошлым, используемой политическими элитами для формирования тех или иных образов истории, которые, по мнению правящих кругов, в наибольшей степени соответствуют актуальным политическим задачам. Не является исключением из этой универсальной логики политизации исторического знания современная Турецкая Республика. Турция имеет свои собственные уникальные традиции применения и использования истории в политических целях. История в Турции на протяжении XX в. стала важным инструментом политической легитимации пребывания у власти правящих элит. Факты прошлого, точнее, их политически и идеологически мотивированные интерпретации активно используются для формирования соответствующей идентичности и лояльности.

В этом контексте историческая политика, которая опирается на ресурсы как среднего, так и высшего образования, активно применяется в современной Турции. Центральным элементом турецкой мемориальной культуры является культ Ататюрка – основателя современного турецкого государства. Фигура Ататюрка занимает особое место в современной турецкой мемориальной культуре. Образ Ататюрка активно используется в визуальном искусстве, в скульптуре и живописи. Ататюрк стал героем многочисленных художественных фильмов и произведений литературы. Образ Ататюрка в современной турецкой идентичности и политики памяти в определенной степени подвергнут марке-

тизации, так как изображение создателя современного государства размещено на большинстве банкнот Турецкой Республики. В этой ситуации фигура Ататюрка стала не только центральной, но и одной из самых противоречивых в современной турецкой исторической памяти.

Ведущие аналитические агентства практически на ежедневной основе отражают растущие амбиции Турции. 29 октября на выступлении, приуроченном к 100-летию Турецкой Республики, Р. Эрдоган провозгласил «лозунг» следующего века: «Наша Республика... вступила во второй век, который мы называем “веком Турции”, страны и нашего народа»¹. Подобные высказывания можно было бы окрестить очередным проявлением популизма, однако важно помнить растущие в Турции тенденции панарабизма и пантюркизма. В этом контексте Ататюрк, отстаивавший независимость государства, но отошедший от исламских догматов, уже не является привлекательным элементом памяти для действующего правительства. Ввиду этого следует принимать во внимание особенности исторической политики современных правящих элит, которые пытаются пересмотреть наследие Ататюрка, в первую очередь его роль в создании современного светского государства, что связано с тенденциями постепенной реисламизации турецкого общества. Иначе говоря, фигура Ататюрка в современной мемориальной культуре оказывается зависимой от идеологической и политической конъюнктуры, которой руководствуются современные правящие элиты. Основными участниками исторической политики в Турции, вовлеченными в (вос)производство образов Ататюрка, являются политические элиты, общественные активисты и средства массовой информации.

Цель авторов данной статьи – обозначить важнейшие трансформации и тенденции изменения образа Ататюрка в мемориальной культуре, которая функционирует за счет проведения исторической политики. В число задач статьи входит: 1) анализ основных траекторий и изменений образа Ататюрка в современной мемориальной культуре, 2) изучение попыток ревизии роли создателя современной турецкой государственности в актуальной исторической политике и 3) выявление перспектив функционирования образов Ататюрка в турецкой мемориальной культуре через призму попыток пересмотра секулярного характера государства в условиях постепенной клерикализации и реисламизации турецкого общества.

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в современной междисциплинарной историографии исторической политики. В научной литературе сложилось несколько подходов к анализу и описанию политики памяти. Традиционно большинство работ относится к нарративной и дискурсивной парадигме, когда для анализа исторической политики используются нарративные конструкции, формирующие дискурс коллективной памяти. Особую актуальность в современной междисциплинарной историографии обретают достижения визуального поворота, открывающие новые возможности для изучения коллективной памяти, так как последняя в обществе потребления визуализируется. Авторы представленной статьи полагают, что анализ современной турецкой политики памяти в отношении образа Ататюрка возможен как с использованием нарративно-дискурсивного, так и визуального подхода. Исследование проводилось преимущественно с опорой на публикации в различных СМИ, так как именно они являются основными сборщиками информации, фиксирующими трансформации исторической памяти или место памяти современного турецкого общества. В материалах СМИ хорошо отражается политическая конъюнктура, условия инструментализации истории, попытки ее применения в качестве легитимационного ресурса.

Отметим, что анализу трансформации образа Ататюрка в исторической политике современной Турции посвящено не так много работ, имеющиеся исследования можно разделить на несколько групп. Первая сконцентрирована исключительно на «политике памяти» в Турции в целом (Özyürek, 2007). Вторая имеет биографический характер и представляет собой набор фактов из жизни Ататюрка в качестве лидера государства (Gawrych, 2023; Kinross, 2001). Работы, посвященные непосредственно репрезентации образа Ататюрка, фокусируются прежде всего на культурном аспекте проблемы (Akter, 2017), то есть вопрос инструментализации образа Ататюрка практически не рассматривается. Что касается трансформации образа Ататюрка, это остается малоизученным вопросом.

¹ Bozdoğan K. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Cumhuriyetimizin 100'üncü yaşını millet olarak köklü birikime sahip olmanın gururuyla kutluyoruz. Anadolu Agency, 30 Ekim. 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-cumhuriyetimizin-100uncu-yasini-millet-olarak-koklu-birikime-sahip-olmanin-gururuyla-kutluyoruz/3037159> (accessed: 15 November 2023).

Формирование образа Ататюрка и его трансформация в современном обществе

Турецкое общество и политические элиты в XX в. приобрели значительный опыт идеологически мотивированного использования истории (Актар, 2021). Это сформировало соответствующую мемориальную культуру общества (Nerger, 1998), которая стала чрезвычайно идеологически выверенной, так как соотносилась не только с принципами светского турецкого национализма (Озюрек, 2001), но и ценностями этничности (Yildiz, 2001) – не менее важного ресурса в манипулировании прошлым в рамках политики памяти. Как уже было отмечено во введении, фигура Ататюрка занимает особое (если не центральное) место в современной турецкой мемориальной культуре, что подтверждает сложившийся в стране культ личности, проявляющийся в различных сферах от литературы и изобразительного искусства до маркетинговых кампаний брендов. Так, портреты бывшего лидера государства можно легко встретить во многих заведениях Турции от небольших кофеен и магазинчиков до государственных учреждений вроде школ и больниц, что создает эффект «вездесущего присутствия»¹.

Нарратив о Мустафе Кемале Ататюрке как основателе современной Турции «составляет важнейший аспект коллективной памяти. Ататюрка часто изображают как дальновидного лидера, возглавившего преобразование Турции в современное и светское национальное государство. Этот основополагающий миф сыграл важную роль в формировании национальной идентичности Турции и легитимизации политических и социальных реформ» (Uzun, 2023). Первоочередную официальную закрепленность в истории и идеологии Ататюрк получил благодаря сфере законодательства, а именно конституционному праву. Идеология отца турок – кемализм (*тур.* *Kemalizm*) – зафиксирована в каждой конституции республики начиная с 1924 г. Так, в 1924 г. принципы кемализма были отражены в ст. 2, п. 1 Конституции: «Турция является республиканским, националистическим, принадлежащим народу, светским и революционным государством»². Несмотря на дальнейшие изменения, каждая последующая конституция в той или иной мере отражала принципы Ататюрка. Однако правовая поддержка и дальнейшая приверженность политическим принципам не гарантируют каждому политику культ личности и особенное место в истории государства.

Стоит отметить что Мустафа Кемаль Ататюрк стал одним из первых политических лидеров Турции, поддерживающих идею государственного строительства. Именно им был введен термин «турецкая нация», под которым подразумевалась группа людей, разделяющая единое богатое историческое наследие, консолидированная желанием жить вместе и сохранить общее наследие (Ayanoğlu). Особое внимание необходимо обратить на тезис о богатом историческом наследии, так как именно его формированием занимались исследователи времен управления Ататюрка. Как отмечает К. Куява, в 1923 г. новые власти старались маргинализировать османские традиции, а также представить новому народу новую историю, которая стала бы предметом общей гордости (Kujawa, 2023). Вместе с тем историческая политика Мустафы Кемала Ататюрка ограничивалась поиском подтверждений для законных претензий на территории Анатолии. Ситуация изменилась, когда центральным местом общей памяти стал сам отец турок.

По мнению П. Хала Сакан, «культ Ататюрка зародился еще при жизни лидера и глубоко укоренился в коллективном сознании, способствуя развитию гражданской религии среди турецких граждан. Его фигура способствовала легитимации республиканского строя как новой социальной реальности и стала символом, к которому обращались в разное время, когда республике бросали вызов или угрожали» (Sacan, 2021). На территории Турции можно найти множество скульптур, посвященных лидеру. Некоторые информационные агентства приводят утверждения, что в Турции на каждые 800 человек приходится одно изваяние Ататюрка³. Памятники, посвященные Мустафе Кемалю, начали появляться еще при его жизни. Первый был воздвигнут в 1926 г. в Стамбуле. Позже были приняты специальные законы, которые обязывали государственных служащих озаботиться установкой изображения лидера во всех учреждениях, таких как здания суда, классы школ, тюрьмы и полицейские участки (Özyürek, 2006). Сегодня в каждом даже небольшом населенном пункте Турции можно встретить минимум одну такую скульптуру. Самым крупным проектом, посвященным отцу нации, стало строительство мавзолея Ататюрку в Анкаре, что являлось не только проявлением уважения, но

¹ Shafak E. Someone to watch over me: how Atatürk lives on in modern Turkey – in pictures. The Guardian, 8 November 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/gallery/2018/oct/09/ataturk-turkey-photograph-ersoy-emin> (accessed: 12 July 2023).

² 1924 Anayasası. Türkiye cumhuriyeti anayasa mahkemesi. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/anasayfa/> (accessed: 12 July 2023).

³ Bahadıroğlu Y. Kişi başına kaç Atatürk heykeli düşüyor? // Yeni Akit. 24 February 2015. URL: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/yavuz-bahadiroglu/kisi-basina-kac-ataturk-heykeli-dusuyor-9655.html> (accessed: 12 July 2023).

и способствовало созданию символа светской религии. Поскольку политические элиты пытались продвигать идею бессмертия Ататюрка, эквивалентную дальнейшему выживанию турецкой нации (Sacan, 2021).

Однако вместе с развитием рынка и социальной трансформацией изменились запросы потребителей, что привело к изменению пространств мемориальной культуры, в рамках которой традиционные акторы постепенно утрачивали свое значение (Yılmaz, 2007). Модификации подверглась и репрезентация образа Ататюрка. Он стал утрачивать свое значение в условиях переориентации интересов элит с внутренней политики на внешнюю, инструментом которой стало использование прошлого для решения политических задач (Bilgin, 2011). Начиная с 1990-х гг. на прилавках магазинов появляются небольшие фигурки и изображения отца нации (Özyürek, 2006). От каменных монументов их отличает спокойное выражение лица и непринужденные позы. Впрочем, было бы преувеличением сводить изменения в репрезентации образа Ататюрка исключительно к сфере монументального искусства, так как ключевые трансформации, безусловно, связаны с модификацией образа отца нации под воздействием политики, проводимой партией нынешнего президента Турецкой Республики – Реджепа Эрдогана.

Государственно санкционированный ревизионизм

Прежде чем говорить о конкретном процессе развеивания культа личности, важно обозначить фактор, существенно препятствующий данному процессу. Речь идет о законе № 5816, который был принят 25 июля 1951 г. и направлен на противодействие преступлениям, совершенным против Ататюрка. Закон неоднократно применялся, с его помощью государственный аппарат может устанавливать контроль над повествованием истории страны, что проявляется через попытки блокировки таких видеохостингов, как YouTube, и поисковиков вроде Google (правда, после подачи исков в ЕСПЧ доступ к сайтам был возвращен, однако случилось это только после полного удаления «провокационных» видео с видеохостинга) (Bachmann, 2020). Таким образом, закон № 5816 является существенным препятствием для попыток ревизии образа Ататюрка, однако за последнее десятилетие подобные эксперименты участились, и это связано с приходом к власти партии «Справедливости и развития».

Как отмечают некоторые исследователи, ислам постоянно бросает вызовы памяти Ататюрка в Турции, так как ислам и кемализм предлагают совершенно разные основания для национальной идентичности, социальной сплоченности и политического единства (Sacan, 2021). Более того, создание светского государства и вытеснение ислама на периферию стало поводом для конфликта между идеями нации и уммы, светскости и религиозности, модернизацией и ортодоксальностью. Противоречия усилились с началом президентства Р. Эрдогана в 2002 г., который, как известно, является ярким сторонником политического ислама. Попытки ревизии образа Ататюрка в современной коллективной памяти указывают на то, что «прошлое не может быть подавлено, когда люди оглядываются на свою многогранную историю, чтобы найти для себя альтернативные идентичности, чем те, которые предписаны якобы однородным турецким национальным государством, прошлые травмы остаются ощутимой силой, которая устанавливает условия дебатов и пределы допустимого [в интерпретации как национальной истории в целом, так и образа создателя современной турецкой государственности в частности]» (Özyürek, 2007).

Одним из способов развенчивания культа является представление новых старых героев, то есть актуализация фигур прошлого и попытка найти деятеля, заслуги которого сравнились бы с личностью Ататюрка в глазах большинства (Bozoğlu, 2020). С подачи Р. Эрдогана такой фигурой становится Султан Мехмед Завоеватель. По мнению некоторых исследователей, именно он является для правящей партии символом возвращения Турции к исламским традициям¹. Также важными личностями для действующего президента являются Селим I, Сулейман I, Абдулхамид II. Последний правитель является особенно актуальным для Р. Эрдогана, который достаточно часто упоминает его в своих речах. Например: «мы видим султана Абдулхамида II как одну из самых важных, самых дальновидных и стратегически мыслящих личностей, наложивших свой отпечаток на последние 150 лет существования нашего государства»². Определенно эти герои гораздо больше соответствуют движению панарабизма и пантюркизма, которые активно продвигает партия Р. Эрдогана.

¹ Kujawa K. Turkey and the Politics of Memory // Europe's Islamic Legacy: 1900 to the Present. Europe's Islamic Legacy: 1900 to the Present. Leiden: Brill, 2023. URL: <https://brill.com/display/book/9789004510722/BP000009.xml> (accessed: 12 July 2023).

² History is not Only the Past of a Nation, But Also the Compass of Its Future // Presidency of the Republic of Türkiye. 10 February 2018. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/89379/history-is-not-only-the-past-of-a-nation-but-also-the-compass-of-its-future> (accessed: 12 July 2023).

Непосредственно личность Ататюрка также сталкивается с полярными суждениями от действующей партии и ее сторонников. Например, глава высшей религиозной организации (Диянет) А. Эрбас выступил с высказываниями, направленными против Ататюрка, на церемонии, посвященной возвращению статуса мечети Собору Святой Софии в 2020 г.¹. На данном мероприятии присутствовал президент, что может служить негласным согласием со словами главы Диянета. В такой ситуации становится заметным стремление части политического класса подвергнуть пересмотру тот мемориальный канон восприятия Ататюрка (Tambar, 2014), его политики и наследия, который возник в результате активности предыдущих поколений турецких политиков.

Однако руки правящей партии в некотором смысле связаны, так как резкая критика личности и наследия Ататюрка неминуемо приведет к столкновению полярных позиций. Именно поэтому Р. Эрдоган и его кабинет способствуют развитию такого феномена, как «культурная война», позволяя историкам менять идеологическую окраску некоторых событий. Так, битва при Чанаккале, традиционно воспринимаемая как нерелигиозная, все чаще подается в ярком исламистском контексте. На 102-й годовщине со дня битвы Р. Эрдоган, склонный открыто апеллировать не к республиканским националистическим принципам Ататюрка, но опираться на то, что историки определяют как «османская ностальгия» (Yavuz, 2020), спровоцировал дипломатический скандал, подчеркивая религиозный характер сражения². Не имея возможности отказаться от образа Ататюрка, правящая партия предпочитает использовать его, воображая и дополняя недостающие части истории, особенно ее религиозно-идеологическую составляющую.

Постепенно некоторые СМИ начинают публиковать статьи, негативно оценивающие первые годы существования республики. Правда напрямую они не упоминают Ататюрка, что связано с увеличением частоты применения закона № 5816. Так, на портале *Ilkha* появилась статья под названием «Зверства республиканской эпохи вскрылись в пещерах», где рассказывается о трудностях, пережитых сторонниками ислама: «В однопартийный период изучение и чтение Корана было запрещено в Турции на 24 года... По закону, принятому в 1936 г., были проданы сотни мечетей и закрыты тысячи медресе»³.

Пока рано говорить о массовых движениях, направленных на борьбу с культом личности Ататюрка. Однако Р. Эрдоган, как полагает американский аналитик Д. Фараго, относительно успешно смог «переориентировать турецкую культуру, чтобы сохранить свою власть. Президент Турции устроил спектакль из османского прошлого, используя памятники и телешоу, чтобы сплотить своих избирателей. Его культурные противники столкнулись с цензурой или преследованием»⁴, что указывает на решимость правящих элит пересмотреть сложившуюся ранее мемориальную культуру, не позволяющую полноценно реализовать политический курс, выбранный главой государства.

Попытки ревизии коллективной памяти об Ататюрке в современной Турции имеют и социальные основания. Несмотря на то, что Мустафа Кемаль Ататюрк как основатель и первый президент республики инициировал фактически «радикальную политику отделения религии от политики, создал институты и законы по образцу европейских аналогов, разорвал связи с недавним исламским прошлым страны, сделав Турцию образцовой страной для успешной вестернизации в глазах многих наблюдателей»⁵, распространение результатов такой модернизационной политики «за пределы городских центров страны было ограниченным, так как для более чем 80 процентов населения, проживавшего в сельской местности, эти реформы мало что значили, для них мусульманская религия продолжала оставаться самым непосредственным способом самоидентификации»⁶. Именно на такие ценности указывают те участники политики памяти, которые считают, что ее светская, националистическая и республиканская модель нуждается в пересмотре.

¹ Turkish opposition rejects Diyanet chief's attack on Ataturk over Hagia Sophia // *The Arab Weekly*. 28 July 2020. URL: <https://theArabweekly.com/turkish-opposition-rejects-diyamet-chiefs-attack-aturk-over-hagia-sophia> (accessed: 12 July 2023).

² Fraser S. Turkey's Erdogan sparks diplomatic row with NZ, Australia // *APnews*. 20 March. 2019. URL: <https://apnews.com/article/90ed31de81304280b4123227c04d2113> (accessed: 12 July 2023).

³ Cumhuriyet dönemindeki zulümler mağaralarda gün yüzüne çıktı // *Ilkha*. 06 October 2017. URL: <https://ilkha.com/news/cumhuriyet-donemindeki-zulumler-magaralarda-gun-yuzune-cikti-62449> (accessed 12 July 2023).

⁴ Farago J. How Erdogan Reoriented Turkish Culture to Maintain His Power // *New York Times*. 25 May 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/25/arts/turkey-election-erdogan-culture.html> (accessed: 12 July 2023).

⁵ Kasaba R. Nationalism and piety dominate Turkey's election // *The Conversation*. 22 July 2018. URL: <https://theconversation.com/nationalism-and-piety-dominate-turkeys-election-98609> (accessed: 12 July 2023).

⁶ Kasaba R. Nationalism and piety dominate Turkey's election // *The Conversation*. 22 July 2018. URL: <https://theconversation.com/nationalism-and-piety-dominate-turkeys-election-98609> (accessed: 12 July 2023).

Интеллектуальное сообщество и попытки ревизии наследия Ататюрка

Несмотря на то, что на данный момент турецкие СМИ прямо не пытаются пересмотреть центральное место Мустафы Кемала, местные исследователи постепенно публикуют работы о ревизионизме как явлении в целом. Так, историк Р. Суну отмечает, что «правда имеет дурную привычку возвращаться, чтобы отомстить за нее»¹. Работы исследователя преимущественно сфокусированы на проблеме (не)признания геноцида армян, тем не менее освещение получают и действия первого президента Турецкой Республики: «в постгеноцидные годы Правительство Кемала Ататюрка начало обращаться к курдам, расселяя их из горных поселений в города, насильственно ассимилируя или жестоко уничтожая их попытки требовать автономии. Курдов называли “горными турками”, а лидеров повстанцев обвиняли в том, что они тайные армяне»².

Появляются и более «смелые» работы, которые сравнивают президентство Ататюрка и Эрдогана, осуждая характер их политики. Так, Т. Акчам пишет: «мое главное утверждение состоит в том, что сходство между Первой и Второй республиками не случайно. Оба лидера претендовали на установление единоличного авторитарного режима, основанного на социальной однородности, путем частичного свержения существующего плюрализма как на общественном, так и на институциональном уровне»³. Автор также обращает внимание на существующий миф о светскости Ататюрка, цитируя при этом президента Франции Э. Макрона: «сегодняшняя Турция больше не является Турцией Мустафы Кемала Ататюрка... Турция каждый день подтверждает свою панисламскую повестку дня, что кажется противоречащим Европе»⁴. Однако, как отмечает Т. Акчам, Мустафа Кемаль заявил, что «он начал шариатскую войну, чтобы спасти исламского халифа» в начале 1920-х гг.⁵. Подобные высказывания совершенно не соответствуют образу исключительно светского правителя, которым президент Франции наделяет Ататюрка, хотя секулярное видение основателя современного турецкого государства остается популярным в Турции, где в 2023 г. – «в год столетия» – турецкие избиратели делали выбор между консервативным путем Эрдогана и модернистским видением основателя государства»⁶. В такой ситуации Т. Акчам отмечает, что сегодня многие граждане Турции подходят к оценке событий периода Ататюрка с позиции менеджеров: «те, кто предпочитает М. Кемала, не оценивают тот период глазами жертв этого периода... Условия того периода... по сравнению с проблемами, с которыми они сталкиваются... тогда это был революционный шаг... Они как бы говорят жертвам: “Вы страдали, но была причина”, аргументируя это тем, что “некоторые вещи нужно было терпеть”»⁷.

Пока рано говорить о полноценном ревизионистском подходе к вопросу о формировании и репрезентации образа Ататюрка в современном турецком дискурсе. Фигура первого президента остается защищенной от критики существующим в стране культом личности, а действующее законодательство и политика правящей партии не стимулирует, а препятствует формированию иных подходов к восприятию деятельности Мустафы Кемала. Тем не менее в последние годы такая критика становится все более заметной. Используя ресурсы ревизии истории, современные политические элиты стремятся «поддержать лояльность своей базы благодаря историческому нарративу о религии и национализме, который уходит своими корнями как в национальную концепцию Турции, так и в националистически-консервативный альянс» (Yabancı, 2022), заинтересованный в пересмотре наследия

¹ Suny R. Gerçeğin, intikamını almak için dönmek gibi kötü bir alışkanlığı vardır // Agos. 22 April. 2016. URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/15103/gercegin-intikamini-almak-icin-donmek-gibi-kotu-bir-aliskanligi-vardir> (accessed: 12 July 2023).

² Suny R. Gerçeğin, intikamını almak için dönmek gibi kötü bir alışkanlığı vardır // Agos. 22 April 2016. URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/15103/gercegin-intikamini-almak-icin-donmek-gibi-kotu-bir-aliskanligi-vardir> (accessed: 12 July 2023).

³ Akçam T. Erdoğan'ın İkinci Cumhuriyet'i ve Atatürk'ün Birinci Cumhuriyet'i: Kuvvetler Birliği, Suriye Politik // Birikim. 09 November 2018. URL: <https://birikimdergisi.com/guncel/9202/erdoganin-ikinci-cumhuriyet-i-ve-ataturkun-birinci-cumhuriyet-i-kuvvetler-birligi-suriye-politik> (accessed: 12 July 2023).

⁴ Akyol T. Macron is doing wrong // Hurriyet Daily News. 30 August 2018. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/taha-akyol/macron-is-doing-wrong-136286> (accessed 12 July 2023).

⁵ Akçam T. Erdoğan'ın İkinci Cumhuriyet'i ve Atatürk'ün Birinci Cumhuriyet'i: Kuvvetler Birliği, Suriye Politik // Birikim. 09 November 2018. URL: <https://birikimdergisi.com/guncel/9202/erdoganin-ikinci-cumhuriyet-i-ve-ataturkun-birinci-cumhuriyet-i-kuvvetler-birligi-suriye-politik> (accessed: 12 July 2023).

⁶ Kuru A. T. In centennial year, Turkish voters will choose between Erdoğan's conservative path and the founder's modernist vision // The Conversation. 25 April 2023. URL: <https://theconversation.com/in-centennial-year-turkish-voters-will-choose-between-erdogans-conservative-path-and-the-founders-modernist-vision-202554> (accessed: 12 July 2023).

⁷ Akçam T. Erdoğan'ın İkinci Cumhuriyet'i ve Atatürk'ün Birinci Cumhuriyet'i: Kuvvetler Birliği, Suriye Politik // Birikim. 09 November 2018. URL: <https://birikimdergisi.com/guncel/9202/erdoganin-ikinci-cumhuriyet-i-ve-ataturkun-birinci-cumhuriyet-i-kuvvetler-birligi-suriye-politik> (accessed: 12 July 2023).

Ататюрка и в большей актуализации роли ислама. Последнее содействует «подрыву ключевых демократических институтов и основных конституционных прав» (Yabancı, 2022), что упрощает пересмотр истории в направлении ее десекуляризации, которая фактически невозможна без ревизии деятельности Ататюрка. Победа Р. Эрдогана на выборах в 2023 г. актуализировала его «намерение продолжить путь Турции к тому, чтобы стать консервативным, религиозным государством, что далеко от видения современной светской нации основателя Мустафы Кемаля Ататюрка»¹.

* * *

Подводя итоги, выделим факторы, которые определяют основные векторы и траектории функционирования образов Ататюрка в современной турецкой исторической политике и мемориальной культуре. Образ Ататюрка принадлежит к числу центральных в современной мемориальной культуре, где ему отводится особое место, так как в стране фактически функционирует культ личности первого президента. На современном этапе в условиях определенной реисламизации турецкого общества наметились тенденции к умеренному и крайне ограниченному пересмотру роли и наследия Ататюрка и его восприятию в гетерогенной мемориальной культуре Турецкой Республики. Турецкие исламисты пытаются подвергнуть сомнению принципы светской государственности, предложенные Ататюрком, что неизбежно ведет к пересмотру образа создателя современной турецкой государственности. Подобная политика памяти носит крайне противоречивый характер. С одной стороны, исламисты как сторонники пересмотра мемориальной культуры вынуждены признавать роль Ататюрка в сохранении турецкой государственности в начале 1920-х гг., когда Турция подвергалась реальной угрозе со стороны ее соседей. С другой – исламистам, которые во время пребывания у власти президента Р. Эрдогана значительно усилили свои позиции, явно не импонирует политика Ататюрка, направленная на секуляризацию турецкого общества, и это вынуждает их выступать в качестве ревизионистов. Ввиду этого современные акторы исторической политики, вовлеченные в функционирование образов Ататюрка, включая как поддержание сложившегося мемориального канона, так и попытки его ревизии в современной культуре коллективной памяти, оказываются заложниками сложившейся идеологической ситуации. В целом на формальном уровне коллективная память современной Турции предписывает обществу принимать культ Ататюрка, что не исключает попыток умеренной ревизии исторической памяти.

Турецкое общество является в значительной степени светским. Степень секуляризации социума является одной из самых высоких в регионе, что позволяет предположить сохранение особой роли образа Ататюрка в турецкой мемориальной культуре. Вместе с тем нельзя исключать активизацию участников исторической политики, которые предлагают альтернативное восприятие и прочтение наследия Ататюрка. Уже сегодня мы можем оценить рост исследований, посвященных «раскрытию» элементов прошлого из жизни когда-то «идеального» лидера. Пока мы не видим явного недовольства на уровне государственных СМИ, что логично с учетом жесткого законодательства Турции, но открытая негативная коннотация уже обнаруживается в текстах отдельных турецких исследователей. Более того, маркетинговая политика также повлияла на статус Ататюрка в глазах обычных людей. Это уже не грозный вождь с портретов, но улыбающийся мужчина с прилавков магазинов или герой детских мультфильмов, а значит, прежнего пиетета по отношению к Ататюрку уже нет. Главным актором, ведущим к обострению мемориальных конфликтов и войн памяти в современной Турции, является государственный аппарат, который, преследуя цели доминирования в регионе, вероятно, приложит все усилия к развенчиванию культа личности и пересмотру ее значимости. Вопрос лишь в том, будет ли образ Ататюрка сведен к образу одного из важных республиканских лидеров в истории Турции или столкнется с полноценным пересмотром и попыткой «стирания» (или как минимум некоторого сдвига) из мемориальной культуры.

¹ Kuru A. T. What Erdoğan's reelection means for Turkey's political system, economy and foreign policy // The Conversation. 29 May 2023. URL: <https://theconversation.com/what-erdogans-reelection-means-for-turkeys-political-system-economy-and-foreign-policy-206356> (accessed: 12 July 2023).

Список литературы / References

- Актар, А. (2021) *‘Налог на активы и политика тюркизации’*, Анкара: Арас [Aktar, A. *‘Varlık Vergisi ve Türkleştirme Politikaları’*, Ankara: Aras. (In Russ.)]
- Озюрек, Э. (2001) *‘Социальная память Турции с тем, что они помнят и забывают’*, Стамбул: Илетişим [Özyürek, E. *Hatırladıklarıyla ve Unuttuklarıyla Türkiye'nin Toplumsal Hafızası*. İstanbul : İletişim. (In Russ.)]
- Akter, T. (2017) ‘The Reciprocal Relationship between Turkish Cinema and Politics: The Portrayal of ‘Atatürk’ as a Political Leader in Filmic Narrative’, *Academic Journal of Interdisciplinary Studies* 6 (1), pp. 77–86. Doi: 10.5901/ajis.2017.v6n1p77
- Ayanoglu, H. ‘Nation Building Process of Turkey: From late Ottoman Empire to Atatürk’s Turkey’. [online]. Available at: https://www.academia.edu/7382239/Nation_Building_Process_of_Turkey_From_late_Ottoman_Empire_to_Ataturk's_Turkey (Accessed: 12 July 2023)
- Bachmann, K. and Garuka, C. (2020) *Criminalizing History*. Berlin: Peter Lang Verlag. 182 p.
- Bilgin, M.S. (2011) ‘The Historical Direction of Turkey’s Foreign Policy towards the Middle East’, *Adam Akademi*, 1. pp. 61–78.
- Bozoğlu, G. (2020) *‘Museums, emotion and memory culture: the politics of the past in Turkey’*, L. NY. : Routledge. 232 p.
- Gawrych, G. (2023) *‘Atatürk: Father of the Republic of Turkey’*, I. B. Tauris. p. 296
- Heper, M. (1998) *‘İsmet İnönü: The Making of a Turkish Statesman’*, Leiden : Brill.
- Kinross, P. (2001) *‘Ataturk: The Rebirth of a Nation’*. W&N. p. 560
- Kujawa, K. (2023) ‘Turkey and the Politics of Memory. Europe’s Islamic Legacy: 1900 to the Present’. *Europe’s Islamic Legacy: 1900 to the Present*. Leiden: Brill. [online]. Available at: <https://brill.com/display/book/9789004510722/BP000009.xml> (Accessed: 12 July 2023).
- Özyürek, E. (2006) ‘Miniaturizing Atatürk’, *American Ethnologist*, 31 (3), pp. 374–391.
- Özyürek, E. (2007) *‘The Politics of Public Memory in Turkey (Modern Intellectual and Political History of the Middle East)’*, Syracuse : Syracuse University Press. P. I. 225 p.
- Sacan, P. (2021) ‘Civil religion in Turkey: the unifying and divisive potential of material symbols’. *The Jugaad Project*. 24 February [online]. Available at: https://www.thejugaadproject.pub/home/civil-religion-turkey_ (Accessed: 12 July 2023)
- Tambar, K. (2014) *‘The Reckoning of Pluralism. Political Belonging and the Demands of History in Turkey’*, Stanford: Stanford University Press.
- Uzun, R. *‘Narratives of the Collective Memory of Turkey: Shaping National Identity and Historical Understanding’*. [online]. Available at: DOI: 10.2139/ssrn.4475710 (Accessed: 12 July 2023)
- Yabancı, B. (2022). ‘Religion, Nationalism, and Populism in Turkey Under the AKP’. *Middle East Institute*. 6 October. [online]. Available at: <https://www.mei.edu/publications/religion-nationalism-and-populism-turkey-under-akp> (Accessed: 12 July 2023)
- Yavuz, M.H. (2020) *‘Nostalgia for the Empire: The Politics of Neo-Ottomanism’*, Oxford: Oxford Academic Press. p. 236.
- Yildiz, A. (2001) *‘Ne Mutlu Türküm Diyebilene’: Türk Ulusal Kimliğinin Etno-Seküler Sınırları (1919–1938)’*, İstanbul: İletişim.
- Yilmaz, S. and Uysal, V. (2007) *‘MiniaTurk: Culture, History, and Memory in Turkey in Post-1980s. NaMu; Making National Museums Program; Setting the Frames’*, Norrköping: Linköping University Electronic Press. pp. 11–125.

Статья поступила в редакцию: 16.10.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 05.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF ATATURK IN THE MODERN MEMORIAL CULTURE OF TURKEY

Y. Androsova, M. Kyrchanoff

Yana Androsova, BA student of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Russia.
E-mail: yana_androsova@outlook.com (SPIN code: 2136-1336).

Maksym Kyrchanoff, Doctor of Sc. (History), Assistant Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Russia.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3819-3103; ResearcherID: B-8694-2017).

Abstract

The article analyzes the development features and main transformation vectors of Atatürk's image in Turkey's modern memory policy. The authors presume that various agents of historical politics inspired the formation and actualization of different perceptions of Mustafa Kemal Atatürk's political heritage as the creator of modern Turkish statehood in political and public spaces. It is assumed that this discourse of collective memory of Atatürk in modern Turkish society develops as a heterogeneous, visualizing and actualizing various viewpoints, which include a nationalist republican perception and its moderate Islamist alternative. The paper analyzes the contribution of intellectuals to the development and transformation of the images of Atatürk in modern historical politics and the emerging memorial culture. The authors state that secular authors defend the concepts of Atatürk, proposed earlier in the ideology of civil Turkish republican nationalism. The research analyzes how opponents of this viewpoint, represented by moderate Islamists, seek to initiate a revision of the image of Atatürk. Moreover, the article shows the role of ideological contradictions in the pluralistic Turkish society, which significantly affect the strategies of intellectuals as participants in historical politics.

Keywords: Turkey; Atatürk; historical memory; politics of memory; memorial culture; nationalism; Islam; historical revisionism.

Международные отношения

УДК-321.8

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-103-111

CONCEPTS OF STRATEGIC SOVEREIGNTY AND AUTONOMY AND THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE EU

G. Kotsur

Gleb Kotsur, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Assistant of the Department of the Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg; Associate Professor of the Department of Political Science and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia. E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Abstract

The concept of sovereignty has not been popular in the official EU's discourse for a long time, but this has changed in recent years since representatives of the Union have turned to the categories of European sovereignty and strategic autonomy. Through the prism of critical chronopolitics, F. Polak's concept of the image of the future and discourse analysis of EU's official discourse, the author explores how new categories influenced the image of the future in Brussels' worldview. Three points are of particular importance. Firstly, new concepts establish primary focus on the areas of technology/digitalization, environment protection, foreign policy / defense. The development of each of these areas helps to strengthen the sovereignty / autonomy of the EU within such a narrative. Secondly, the new categories work within the framework of transition plot, constituting a symbolic world map of Brussels through a combination of orientalism and historicism. Thirdly, the categories contribute to the optimistic and pessimistic half of the image of the future, representing rather a temporal discursive prolongation of the current status quo than utopia and dystopia.

Keywords: image of the future; European Union; strategic sovereignty; strategic autonomy; critical geopolitics; chronopolitics; discourse; transition plot.

For a long time, the concept of sovereignty has not been popular in the official EU discourse, since sovereignty in its national form has been perceived as something hostile to the supranational project of the Union (Waever, 1996). However, in recent years the situation has changed dramatically. The annual State of the Union address of 2018 by J.-C. Juncker (then – the head of the European Commission) was entitled "The Hour of European Sovereignty".¹ Soon in 2020, the President of the European Council, Charles Michel, called the concept of strategic autonomy, synonymous/related to European sovereignty, "the goal of our generation".² In the same year, the European Parliamentary Research Service published the policy document "On the path to strategic autonomy"³. Finally, in her 2022 annual message, U. von der Leyen announced the creation of a European Sovereignty Fund.⁴

It is no exaggeration to say that this turn brings some changes in the way how EU elites think about the past, because from now on sovereignty no longer appears as part of a hostile Constitutive Other, and the binary opposition "national sovereignty vs supranational Union" will be modified. After recent turn to sove-

---

© Коцур Г. В., 2024

¹ President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018 // European Commission. 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (accessed: 17 July 2023).

² 'Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation' – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank // European Council. Council of the European Union. 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed: 17 July 2023).

³ On the path to "strategic autonomy". The EU in an evolving geopolitical environment // European Parliament. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (accessed: 17 July 2023).

⁴ Leyen U. von der. State of the Union address 2022 // European Commission. 2022. URL: https://state-of-the-union.ec.europa.eu/state-union-2022_en (accessed: 17 July 2023).

reignty Europe also has or should have this resource. But such conceptual transformation concerns not only thinking about the past, it also changes the vision of the future: sovereignty/autonomy is described as something that is not yet fully available, but it must be achieved. All this raises questions on how the introduction of new concepts has changed the Union elite's narrative about the future of the world and of the EU. Recently, there has been an increased interest among political and IR scholars in the role of the concepts of EU's strategic autonomy and sovereignty (Howorth, 2019; Cernatoni, 2022), including in the Russian-language segment of science (Shcherbak, 2020; Romanova, 2021). However, we cannot find a study where an analysis of the influence of new categories on ideas about the future would be conducted; rather, in some cases scientists are trying to assess future prospects and the possibility of implementing concepts in reality, which is hardly the function of the academic community at all. The purpose of the paper is not to describe the image of the future of the EU – it would be too complicated task for a short study; but to identify the key elements of image of the future in the EU's official discourse, which are constituted precisely by the emergence of new categories.

Theory and method of the research

The theoretical and methodological framework of the study includes several levels. First, we use social constructivism with its specific focus on study of collective identities and norms; inside such an ontology we consider human interaction as being determined by ideas and non-material factors in general (Wendt, 1999: 1). Thus, in this work we do not turn to futurology or, on the other hand, to psychology of individual consciousness, but study the collective ideas on the future of a certain social group.

Next, we turn to the particular field of knowledge to fulfill such an analysis – critical chronopolitics as part of critical geopolitics, a discipline where the scholars aim to study political ideas about space. According to I. Klinke, critical chronopolitics focuses on the fact that “geopolitical writing does not merely construct the spaces of world politics, but it also maps understandings of time... [it presupposes the account of how] political time operates in geopolitical discourse” (Klinke, 2013: 673, 685).

The key concept of our research is the “image of the future”, a popular term among applied sociologists involved in public opinion polls (Chadaeva, 2013; Petrova, 2009). At the same time, initially this concept was coined in political thought; it appeared in the classic eponymous book of Fred Polak in 1973 (Polak, 1973). For our research it is useful to pay attention to the following theoretical provisions from Polak's work. Firstly, according to the author, the image of the future is a part of the Other in certain discourse (Polak, 1973: 1). It is noteworthy that the focus on the Other is also important for approaches in critical chronopolitics (Klinke, 2013). With regard to the EU, we should mention the remarkable discussion between T. Diez and S. Prozorov, devoted to the influence of spatio-temporal thinking on the identity of the European Union. T. Diez focused almost exclusively on temporality, showing how the positive EU's ideas about itself are constituted out of the opposition to the negative past (Diez, 2004). On the contrary, S. Prozorov argued that identity always implies a combination of temporal and spatial exclusion (Prozorov, 2011). Although both scholars refer to temporal dimension, the past occupies the central place in their models. Diez briefly touches the problem of the future only once, while Prozorov confines himself to the passage that “...every historical action must be oriented towards the fulfilment of some future-oriented project through the negation of the present reality into the past...” (Prozorov, 2011: 1281). Thus, the researchers of the EU identity have an intention to take into account the temporal dimension, but keep the ongoing focus rather on the past than on the future in this process.

Another aspect, important for Polak's framework, is a two-part nature of the image of the future. On the one hand, the author mentioned the interaction between “optimistic and pessimistic attitudes” inside every particular image of the future (Polak, 1973: 17). Ultimately, they appear in the form of utopia and dystopia, although in the most cases political thinking about the future does not reach these limits. On the other hand, Polak emphasized the dialectic between the ideal image (how does society imagine a kind of “golden age”) and the real image (“normal” expected scenario). For the latter, the factor of purposeful human intervention becomes a fundamental point. As Polak notes, the image of the future reflects the values of society; therefore, a person makes efforts to ensure that the real image of the future and the ideal one coincide or, at least, come closer (Polak, 1973: 9-10).

The last key point in our model is connected with the transition plot. This is a discursive and, broadly speaking, cultural construction conventional for all the polities since the beginning of Modernity, which presupposes the view and description of reality through the prism of continuity – doing, making, going to, becoming, etc. (Kotsur, 2020) Transition plot is based on modern progressivism and represents the point of

intersection between two non-inclusive views on time and space – historicism and orientalism. According to E. Said, orientalism is “a style of thought based upon an ontological and epistemological distinction made between “the Orient” and (most of the time) “the Occident”, which presupposes different kinds of Western domination over “the Orient” (Said, 1995: 3-4). Being the cultural heritage of the colonial system, such a worldview does not differentiate the Eastern countries and regions, which are doomed to bear the imprint of barbarism, incivility and backwardness. Historicism acts as an equivalent and supplement of orientalism in the temporal dimension. The postcolonial researcher D. Chakrabarty defined historicism as “the idea that to understand anything it has to be seen both as a unity and in its historical development”, accompanied by a common leitmotif “first in the West, and then elsewhere” (Chakrabarty, 2000: 6). Such an orientalist historicism, when the entire non-Western world is labeled as “not yet” (Chakrabarty, 2000: 8), Chakrabarty calls the central axis of Eurocentrism today; and scholars of this field discover its elements in current EU foreign policy (Onar & Nicolaidis, 2013). Through the combination of orientalism and historicism inside transition plot, the European Union draws up a symbolic map of the world, representing itself as a model, because it has already passed the historical path to market liberal democracy, while the rest are still on the road.

The particular method of research is post-Marxist discourse analysis based on the framework by C. Mouffe and E. Laclau (Laclau & Mouffe, 2001). Here politics is considered as a set of relationships between signifiers. Various social forces strive to sediment their interpretations of empty and floating signifiers, that is, of the main categories of contemporary politics. In our case, these are signifiers associated with the temporal dimension, first of all, “the future” and various derivatives from it. In essence, such discourse analysis is an identification of the work of equivalence and difference that connects or separates one signifier from another (Laclau & Mouffe, 2001: 63). In this paper, we do not aim to study all aspects of the image of the future in the ideas of European elite, therefore there is no methodological objective to include as many sources as possible in the sample. We focus on one certain narrative, on one line of discourse, related to the temporal dimension and to the concepts of strategic autonomy and sovereignty. That is why we focus on the utterances of key EU public officials (U. von der Leyen, C. Michel, J. Borrell, etc.) and key documents located at the nodal points of discourse in terms of Mouffe and Laclau. Although E. Macron is one of the main supporters of “Sovereignty of Europe”, we did not include his statements in the sample in order to study the views of precisely EU elite. The combination of utterances with key documents in this area as a source base of research will ensure diversity of the sample and prove that collective perceptions have an intersubjective status among target audience.

European image of the future

There are three key aspects where the categories of strategic sovereignty and autonomy touch the image of the future in the EU official discourse and contribute to its transformation: the major areas of development of the Union; modification of the transition plot; the role of new categories in the dialectic of two parts of the image of the future (optimistic and pessimistic). Let's start with the first aspect.

Major areas.

The enumeration of the areas of future development that sovereignty and autonomy affect is the most extensive aspect to study. As part of the large-scale project “Conference on the Future of Europe”, the following key areas of development were identified: climate change and environment, health, a stronger economy, social justice and jobs, EU in the world, values and rights, rule of law, security, digital transformation, European democracy, migration, education, culture, youth and sports.¹ However, if we focus on the two considered categories, then this extremely broad list narrows down to three main areas. The first one is the sphere of digitalization and technology. Here is what the President of the European Council, C. Michel, said in his 2021 pivotal speech linking the digital area with strategic autonomy:

“Today I want to focus on why our Digital Agenda is crucial to our European strategic autonomy... First, we have to focus on developing secure and high-speed connectivity. This means significantly enhancing our broadband capacities, notably in 5G. And we have to look beyond 5G to 6G. And to my friend Thierry Breton’s idea of a low earth orbit satellite project...”

... to this list of ambitious projects he added:

---

¹ Topics // Conference on the Future of Europe. 2022. URL: <https://futureu.europa.eu/en/> (accessed 17 July 2023).

“We also have to ramp up our plan for chips and microprocessors – from design to advanced manufacturing – that will equip the interconnected “things” in our daily lives... We want to develop a human- and values-based approach to our digital, data, and artificial intelligence industry...”¹

As we can see from the speech, Michel highlights specific areas in which the EU should develop in order to strengthen its strategic autonomy in the future and become more successful in technological field. And this list is very extensive: from satellite project to 6G and artificial intelligence. A year earlier, U. von der Leyen presented her own vision of key innovations, stating that “it is about Europe's digital sovereignty” and announcing an €8 billion investment to create a new generation of supercomputers and microprocessors.² Finally, von der Leyen concludes her speech with the notable for our research slogan “This is about giving Europe more control over its future”,³ connecting signifiers of technological progress with temporal dimension and new categories through the work of equivalence. In many ways, von der Leyen and Michel express similar ideas about promising areas for the development of the Union.

All this is expectedly reflected in the main EU documents in this field. For example, in the European strategy for data of 2020, the issue of personal data protection raises again in relation to the new categories of sovereignty and autonomy. In strategy it is written that “the functioning of the European data space” is closely connected with investment in “next-generation technologies and infrastructures” and in “digital competences” to “increase Europe’s technological sovereignty”.⁴ Thus, the EU discursive actors establish the following narrative: if the Union wants to be sovereign/autonomous in the future world, this can only be done through the development of technology and the digital sphere, without compromising the principles of liberal democracy in terms of data protection. Within this narrative, the EU's sovereignty literally increases with the advent and development of every new useful technology thanks to the work of equivalence between aforementioned signifiers.

The next important topic for the European Union is environment protection. C. Michel says: “In 2018, a few pioneering countries committed themselves to carbon neutrality by 2050... And in December 2019, with the support of Ursula von der Leyen's Green Deal, the 27 member states made the 2050 commitment for the entire European Union”.⁵ In other words, the European Union has clear future goals on environment, member-states have already confirmed their commitment to this course and take certain steps in such a direction. All of the objectives are discursively connected to the strengthening of European autonomy and sovereignty, which is especially evident in the issue of energy transition:

“Declining EU production of energy from fossil fuels could even prove advantageous in terms of its future strategic autonomy. Europe is now less wedded to polluting forms of energy than other parts of the world, and may therefore face fewer difficulties in phasing out the use of fossil fuels and investing in renewable or other low carbon energies. This should allow the EU to reach its objective of net zero greenhouse gas emissions by 2050...”⁶

Achieving “honorable” goals of saving the planet’s environment as part of the energy transition is conveniently combined with reducing economic dependence on hydrocarbon suppliers that makes the EU increasingly sovereign and autonomous within this narrative. The European Commissioner for Internal Market, T. Breton, said on the occasion of the opening of the European Sovereignty Fund in 2022 that “the twin transition” (to green and digital economy) does not presume replacement of “dependency on Russian fossil fuels with a dependency on Chinese solar energy”⁷; moreover, Brussels launches industrial alliance for solar energy to make European economy more resilient and green at the same time. Breton concluded that the cre-

¹ Digital Sovereignty is Central to European Strategic Autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of Digital 2021” // European Commission. 2021. URL: https://europa.eu/newsroom/content/digital-sovereignty-central-european-strategic-autonomy-speech-president-charles-michel_en (accessed: 17 July 2023).

² State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary // European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed: 17 July 2023).

³ Ibid.

⁴ A European Strategy for Data EUR-Lex. 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (accessed: 17 July 2023).

⁵ ‘Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation’ – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank // European Council. Council of the European Union. 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed: 17 July 2023).

⁶ On the path to “strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment // European Parliament. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (accessed: 17 July 2023).

⁷ A European Sovereignty Fund for an industry “Made in Europe” // Blog of Commissioner Thierry Breton European Commission. 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_5543 (accessed: 17 July 2023).

ation of an EU Sovereignty Fund provides the ground for “the future of industry is made in Europe”.¹ That is, according to this line of discourse, being sovereign/autonomous in the future means switching to a “green” economy, since reliance on hydrocarbons not only lead to dependence on supplies from external players (reduce autonomy – here we are witnessing the work of difference), but also pollute the environment, bringing an environmental apocalypse closer.

Another topic concerns foreign policy. According to the official EU narrative, many challenges lie precisely in the sphere of international relations that are already threatening the autonomy/sovereignty of Europe, and in the future the situation may turn out to be even more catastrophic. The document of the European Parliamentary Research Service with the self-explanatory title “On the path to strategic autonomy” indicates that “...a continent that believes in its future as a strategic autonomous global actor should... be ready to accept a higher level of risk. In an increasingly complex world driven by geopolitics... it is important for the EU to also speak the “language of power”² It is notable that such “geopolitical” rhetoric was not something conventional for the language of the European bureaucracy, but in recent years it has become increasingly common. High Representative of the Union J. Borrell puts it even more directly in his 2020 article “Why European Strategic Autonomy Matters”, writing that in the changing world it is impossible to be “global player” or “geopolitical Commission” without being “autonomous”.³ According to Borrell, strategic autonomy today is not just a new project in the field of foreign policy but a “process of political survival”.⁴

From 2022, the Ukrainian crisis comes to the forefront of the agenda. Under current conditions “...we are also working to adapt our defence industry to the realities of the return of high-intensity conflict on our continent. This means massively increasing our manufacturing capacity for key defence capabilities...”⁵, - says T. Breton and European Sovereignty Fund has been established precisely for such the purposes. The head of the European Commission, U. von der Leyen, directly links its creation with a certain temporality through the work of equivalence: “And for the future, I will push to create a new European Sovereignty Fund. Let’s make sure that the future of industry is made in Europe. This is not only a war⁶ unleashed by Russia against Ukraine. This is a war on our energy, a war on our economy, a war on our values and a war on our future”.⁷

Finally, the abovementioned J. Borrell in his article “The future of Europe is being defined now” (2022) writes that “to become a hard power” we [the EU] will have to “stop theological discussions about strategic autonomy” and conduct assertive and independent policy in the field of security.⁸ In other words, the European Union will have to become more sovereign/autonomous in the future world (regardless of its wishes), relying on its own strengths more than now, because international relations are becoming more dangerous and turbulent. In practical terms, this means building up its own defense capabilities without weakening ties with key allies like the United States.

Transition plot. The second important aspect, which connects new categories with the future dimension in the EU discourse is transition plot and its transformation. This discursive construction, being a conventional basis of European symbolic mapping, presupposes that Brussels had already reached the point of destination (liberal democracy with a market economy), while the rest of the countries and whole regions of the planet are still moving towards the goal under the supervision of the EU. We are witnessing the same narrative with the emergence of new categories but with some adjustments. First of all, achieving or strengthening European sovereignty/autonomy is nearly always described as a process. “Strategic autonomy is not a magic wand but a process, a long-term one, intended to ensure that Europeans increasingly take charge of themselves”⁹, – writes J. Borrell.

¹ Ibid.

² On the path to “strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment // European Parliament. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (accessed: 17 July 2023).

³ Borrell J. Why European strategic autonomy matters // EEAS. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (accessed: 17 July 2023).

⁴ Ibid.

⁵ A European Sovereignty Fund for an industry “Made in Europe” // Blog of Commissioner Thierry Breton European Commission. 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_5543 (accessed: 17 July 2023).

⁶ Russian Federation does not recognize the term “war” in relation to special military operation.

⁷ Leyen U. von der. State of the Union address 2022 // European Commission. 2022. URL: https://state-of-the-union.ec.europa.eu/state-union-2022_en (accessed: 17 July 2023).

⁸ Borrell J. The future of Europe is being defined now // EEAS. 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/future-europe-being-defined-now_0_en (accessed: 17 July 2023).

⁹ Borrell J. Why European strategic autonomy matters // EEAS. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (accessed: 17 July 2023).

Almost everywhere in such speech acts we find verbs that refer to continuity, incompleteness, and becoming. What is new in recent years, however, is that the EU no longer sees itself as the perfect model. Inside its own previous narrative, Brussels was an example for other countries with the historic path being completely passed. In the 2009 review of the 2003 EU Security Strategy we read:

“The EU remains an anchor of stability. Enlargement has spread democracy and prosperity across our continent... The EU has made substantial progress over the last five years. We are recognised as an important contributor to a better world”.¹

Today the situation has changed. According to the official discourse, the EU is not at the point of destination along the sovereignty / autonomy axis – Brussels is also on the way. Everywhere we find ideas what precisely the European Union needs to do to become more sovereign/autonomous: “...the EU needs to improve its open strategic autonomy in key areas... We have to become a hard power... We need to develop the international role of the euro...”² But does this mean that the EU has humbled its normative arrogance, and the very structure of orientalist historicism has changed? No, since the axis of transition remains the same, the EU still determine the vector of movement, and Brussels is still ahead of all countries and regions in certain aspects (except for defense). C. Michel stated in his 2020 speech:

“We are at the vanguard of the fight against climate change... This inspires me to say: Europe is a major player, but doesn’t yet know that it is... Each of these stages has strengthened the European Union and its autonomy. These developments have given us a huge market, and an area of freedoms which has become the world’s largest trading bloc...”³

... he continued this line of argumentation in his another speech:

“Europe has enormous potential in the fields of data, artificial intelligence and the internet of things. Our industrial data, for instance, represents a massive resource. And the move towards edge computing will put Europe in a much more favourable position, than in the previous stage...”⁴

So, we can state that the general structure of the discursive figure has been preserved. The EU no longer sees itself as perfect model, this is an important change in the narrative, but it is necessary to note the earlier genesis of such modification. This shift begins even before the introduction of the new categories in official discourse and can be considered as manifestation of anxiety of the EU elites. The 2016 Global Strategy still opens with the words “The purpose, even existence, of our Union is being questioned.”⁵ First, the signifier “resilience” (Romanova, 2017) emerges in the discourse to manage this anxiety, and the categories of sovereignty and autonomy appear at the current stage in order to comprehend the ongoing crisis and the new role of the EU in today's world.

Positive and negative half of the image of the future. The final third aspect concerns the role of European sovereignty and autonomy in relation to positive and negative half of the image of the future in the EU official discourse. The positive part, a kind of “bright future”, is described with the focus on aforementioned key areas, for example, on technological and environmental ones:

“Data-driven innovation will bring enormous benefits for citizens, for example through improved personalised medicine... Data will reshape the way we produce, consume and live. Benefits will be felt in every single aspect of our lives, ranging from more conscious energy consumption and product, material and food traceability, to healthier lives and better health-care”.⁶

¹ Report on the implementation of the European Security Strategy – providing security in a changing world // European Commission. 2009. P. 7-9. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (accessed: 17 July 2023).

² Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe’s recovery // European Commission. 2021. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf (accessed 17 July 2023); Borrell J. The future of Europe is being defined now // EEAS. 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/future-europe-being-defined-now-0_en (accessed: 17 July 2023); Borrell J. Why European strategic autonomy matters // EEAS. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (accessed: 17 July 2023).

³ ‘Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation’ – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank // European Council. Council of the European Union. 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-a-groupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed: 17 July 2023).

⁴ Digital Sovereignty is Central to European Strategic Autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of Digital 2021” Online Event // European Commission. 2021. URL: https://europa.eu/newsroom/content/digital-sovereignty-central-european-strategic-autonomy-speech-president-charles-michel_en (accessed: 17 July 2023).

⁵ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy // European Union External Action Service. 2016. P. 3. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 17 July 2023).

⁶ A European Strategy for Data EUR-Lex 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (accessed 17 July 2023).

In other words, (signifiers of) technology, environment, freedom, consumption – all this will interweave a single picture of prosperity in the future in the common chain of equivalence; but only in the case when correct reforms would be carried out and current responsible course would be maintained. At the same time, for a researcher, the optimistic half of the image of the future is not as intriguing as its negative pessimistic part. Here we see the same three key thematic areas. First, international relations are described as a source of constant challenges and risks:

“The EU is at risk of becoming a 'playground' for other global powers unless it develops both 'soft' and 'hard' power tools, allowing it to speak the 'language of power'... The geopolitical developments during the Conference, and especially the Russian war of aggression against Ukraine, have also shown that the EU needs to be more assertive, taking a leading global role in promoting its values and standards in a world increasingly in turmoil... Because the world has changed...”¹

This is followed by potential environmental problems and difficulties of the energy transition, for example, C. Michel talks about the danger of repeating old mistakes of “the over-exploitation of our natural resources”.² According to him, “we have abused these resources and brought our planet... to the edge of disaster”.³ The work of difference helps Michel to separate signifiers related to “old” or non-European environment-unfriendly policy from today’s responsible course. The digital sphere also offers humanity not only wide opportunities, but also generates constant risks. Michel claims that we “must not abuse data” and defines two major ways of how this abuse is taking place in today’s world. On the one hand, big digital corporations often tend to use their position “in pursuit of profit”. On the other, authoritarian regimes like China collect data “for the purpose of controlling their citizens...”⁴

In addition, other recent challenges from economic decline/crises to pandemic risks are also mentioned by J. Borrell in his article of 2020. He writes that “the weight of Europe in the world is shrinking”⁵, and the economic trend remains unfavorable compared to the growth dynamics of the US, China and India. Moreover, Covid-19 revealed vulnerability of Europe in a number of fields. In this new world “science, technology, trade, data, investments are becoming sources and instruments of force in international politics”, and the EU should be ready to face the reality of such turbulent future.⁶

Thus, the image of the future in the EU official discourse is composed of two parts, and European sovereignty/autonomy plays a common role in them. Both in a future world of prosperity/green economy/digitalization, and in a geopolitical world with a reduced role of the EU and constant crises, only sovereignty and autonomy will ensure the survival of the Union, since they will come to the fore in the key future areas. To put simply, we can say that sovereignty and autonomy are becoming a kind of synonym for survival and success in this world, the chain of equivalence between these signifiers always remains constant. Note that in division into an optimistic and pessimistic half in the EU discourse, there is no separation into the ideal and real part of the image. The positive and negative parts of the future are seen as reality, but the degree of its inevitability varies. As Polak stated in his book, people (in our case – the EU elite) tend to declare a desire to change the future in the name of their ideals. “We want to be strong, independent and confident to look outwards, beyond our borders – to contribute to a better, fairer and greener world”⁷, – said C. Michel in his speech of 2021.

* * *

Even our brief research of the EU normative structures provides us with the ground to state: the European image of the future is built on approximation – discursive extension of certain optimistic trends into the future and the reversal of pessimistic ones. This approach differs from the biggest temporal constructions of the 20th century, when the image of the future was often based on utopias with ideas about radical trans-

¹ On the path to “strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment // European Parliament. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (accessed 17 July 2023); Borrell J. Why European strategic autonomy matters // EEAS. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (accessed: 17 July 2023).

² Digital Sovereignty is Central to European Strategic Autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of Digital 2021” Online Event // European Commission. 2021. URL: https://europa.eu/newsroom/content/digital-sovereignty-central-european-strategic-autonomy-speech-president-charles-michel_en (accessed: 17 July 2023).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Borrell J. Why European strategic autonomy matters // EEAS. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (accessed: 17 July 2023).

⁶ Ibid.

⁷ Digital Sovereignty is Central to European Strategic Autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of Digital 2021” Online Event // European Commission. 2021. URL: https://europa.eu/newsroom/content/digital-sovereignty-central-european-strategic-autonomy-speech-president-charles-michel_en (accessed: 17 July 2023).

formations of reality. This does not mean that current polities do not have image of the future at all; it is defined, but varies significantly compared to models of the utopian type.

It is possible to identify three key aspects of the image of the future in the European official discourse, which are constituted by the emergence of new categories. First, main areas of future development: technology / digitalization, environment protection / energy transition, foreign policy / defense. New categories are discursively linked mostly to these fields, and progressive evolution of aforementioned spheres helps to strengthen European sovereignty and autonomy within such a narrative. Secondly, the new categories work entirely in the framework of conventional for the EU (but modified) transition plot with its modus of continuity, becoming and incompleteness. The European Union no longer considers itself as a perfect model, which, nevertheless, is at the forefront of transition. However, this discursive modification can be seen as logical continuation of the earlier trend where Brussels has been trying to manage collective anxiety in the narrative of the Union for the last 10-15 years. Thirdly, new categories contribute to the optimistic and pessimistic half of the image of the future, which, as we noted above, presuppose rather an approximation of the current status quo than utopia and dystopia. In both parts, sovereignty and autonomy are perceived as equally important for the prosperous life or survival of the EU (depending on optimistic / pessimistic scenario).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

Список литературы / References

- Коцур, Г. В. (2020) 'Дискурсивная фигура «движения» и стрессоустойчивость как элементы организации символической карты мира: пример нормативного взаимодействия России и ЕС', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14 (3), сс. 73–81. [Kotsur, G. V. (2020) 'The discursive figure of "transition" and resilience as the pillars of symbolic mapping: the case of the normative interaction between Russia and the EU' [Diskursivnaja figura «dvizhenija» i stressoustojchivost' kak jelementy organizacii simvolicheskoi karty mira: primer normativnogo vzaimodejstvija Rossii i ES], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (3), pp. 73–81. (In Russ.)].
- Петрова, В. Н. (2009) 'Изучение образа будущего: методологические проблемы и пути их решения', *Сибирский психологический журнал*, 32, сс. 6–10. [Petrova, V. N. (2009) 'Studying the image of the future: methodological problems and ways to solve them' [Izuchenie obraza budushhego: metodologicheskie problemy i puti ih reshenija], *Syberian Journal of Psychology*, 32, pp. 6–10. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2017) 'Категория "стрессоустойчивость" в Европейском союзе', *Современная Европа*, 4 (76), сс. 17–28. [Romanova, T. A. (2017) 'Resilience category in the European Union' [Kategorija "stressoustojchivost'" v Evropejskom sojuze], *Contemporary Europe*, 4 (76), pp. 17–28. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2021) 'Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия', *Современная Европа*, 5, сс. 32–44. [Romanova, T. A. (2021) 'The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences' [Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija], *Contemporary Europe*, 5, pp. 32–44. (In Russ.)].
- Чадаева, К. Д. (2013) 'Образ будущего в разных возрастах', *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 2, сс. 294–305. [Chadaeva, K. D. (2013) 'Image of the future at different ages' [Obraz budushhego v raznyh vozrastah], *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, 2, pp. 294–305. (In Russ.)].
- Щербак, И. Н. (2020) 'Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в эпоху пандемии', *Современная Европа*, 6, сс. 29–40. [Shcherbak, I. N. (2020) 'Strategic Autonomy of the EU and Problems of Formation of the Foreign Policy Agenda in the Time of the Pandemic' [Strategicheskaja avtonomija ES i problemy formirovanija vneshnepoliticheskoi povestki v jepohu pandemii], *Contemporary Europe*, 6, pp. 29–40. (In Russ.)].
- Chakrabarty, D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Csernaton, R. (2022) 'The EU's hegemonic imaginaries: from European strategic autonomy in defence to technological sovereignty',

- European Security*, 31 (3), pp. 395–414.
DOI: 10.1080/09662839.2022.2103370
- Diez, T. (2004) 'Europe's Others and the return of geopolitics', *Cambridge Review of International Affairs*, 17 (2), pp. 319–335, DOI: 10.1080/0955757042000245924
- Howorth, J. (2019) 'Strategic autonomy: Why it's not about Europe going it alone', *European View*, 18 (2), pp. 254–254, DOI: 10.1177/1781685819883195
- Klinke, I. (2013) 'Chronopolitics: A conceptual matrix', *Progress in Human Geography*, 37 (5), pp. 673–690, DOI: 10.1177/0309132512472094
- Laclau, E., Mouffe, C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. London: Verso.
- Onar, N. F., Nicolaïdis, K. (2013) 'The Decentring agenda: Europe as a post-colonial power', Статья поступила в редакцию: 19.09.2023
Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.11.2023
Статья принята к печати: 15.01.2024
- Cooperation and Conflict*, 48 (2), pp. 283–303, DOI:10.1177/0010836713485384
- Polak, F. (1973) *The image of the future*. Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Prozorov, S. (2011) 'The Other as past and present: Beyond the logic of 'temporal othering' in IR theory', *Review of International Studies*, 37 (3), pp. 1273–1293, DOI: 10.1017/S0260210510000586
- Said, E. W. (1995) *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. London: Penguin.
- Waeber, O. (1996) 'European security identities', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 34 (1), pp. 103–132, DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x
- Wendt, A. (1999) *Social theory of international politics*. London: Cambridge University Press.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СВЯЗИ С КАТЕГОРИЯМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И АВТОНОМИИ

Г. В. Коцур

Коцур Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; доцент Департамента политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.
E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Аннотация

Традиционно понятие суверенитета не пользовалось популярностью внутри официального дискурса Европейского союза, однако ситуация изменилась в последние годы, когда представители Союза начали говорить о суверенитете Европы и европейской стратегической автономии. Все это оказывает воздействие на представления элиты ЕС о будущем Союза, конституируя определенные аспекты идентичности уже сегодня. Через призму критической хронополитики, концепции образа будущего Ф. Полака и дискурс-анализа выступлений первых лиц ЕС и ключевых внешнеполитических документов автор выявляет, как новые категории повлияли на образ будущего в картине мира Брюсселя. Во-первых, они задают определенный тематический контур, включающий в себя фокус на сферах технологий / цифровизации, экологии, внешней политики / обороны. Суверенитет и автономия увязываются именно с ними, и развитие каждой из данных сфер способствует укреплению суверенитета / автономии ЕС внутри подобного нарратива. Во-вторых, новые категории функционируют целиком в рамках традиционной для ЕС фигуры движения, формирующей символическую карту мира Брюсселя через комбинацию ориентализма и историцизма. Здесь Евросоюз уже не видит себя совершенным образцом, но тем не менее полагает, что находится в авангарде движения. В-третьих, категории вносят вклад в оптимистическую и пессимистическую половины образа будущего, которые являют собой скорее проекцию нынешнего статуса-кво, нежели утопию и антиутопию.

Ключевые слова: образ будущего; Европейский союз; стратегический суверенитет; стратегическая автономия; критическая геополитика; хронополитика; дискурс; фигура движения.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-112-121

ВЫЗОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ САНКЦИОННОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ

О. А. Турхан

Турхан Огуз Альперен, аспирант факультета международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: oguzturhan@yahoo.com (ORCID: 0000-0001-6514-787X).

Аннотация

В 2022 г. Россия стала объектом исторического масштаба санкций, введенных коалицией западных стран во главе с США. Однако страны Латинской Америки, Африки и большинство азиатских стран воздержались от присоединения к санкционному режиму. Цель данной статьи – проанализировать обстоятельства, при которых санкции против России не привлекли безоговорочной поддержки со стороны большинства государств мира. Особое внимание при анализе уделяется Бразилии, Турции и африканским государствам. Вместо моделей стратегического поведения, описанных в рамках теории структурного реализма, таких как балансирование или примыкание, эти страны реагируют на каждый вызов индивидуально, максимизируя потенциальную выгоду и минимизируя политические риски, придерживаясь стратегии «хеджирования». Неприсоединившиеся к антироссийским санкциям государства выражают готовность к посредничеству в урегулировании конфликта на Украине и используют возможности, возникающие в результате изоляции России: торговые уступки в виде дешевого топлива или безвозмездной поставки зерна. Также они сохраняют партнерские отношения с Россией, чей политический авторитет выступает в качестве противовеса в спорах с западными странами. Результаты исследования подтверждают положения, присущие концепции «хеджирования», о том, что в условиях фрагментации глобальных процессов государства, преследуя свои интересы, активно выходят за рамки традиционных стратегий.

Ключевые слова: экономические санкции; хеджирование; глобализация; Россия; санкционная коалиция; Черноморская инициатива; многополярность.

Окончание холодной войны стало завершением биполярного мира с центрами-сверхдержавами США и СССР и началом однополярной эры. Сложившийся баланс сил сохранялся до 2008 г., когда финансовый кризис вызвал глубокие изменения не только в экономической парадигме, но и в структуре международной политики. После кризиса мировые финансы и торговля вступили в фазу, которую назвали *slowbalisation*¹. Кризис глобализации и растущее разочарование в ее принципах привели к эскалации геополитической напряженности, которая стала катализатором военных конфликтов по всему миру. Эскалация напряженности вызвала кризис безопасности на Украине в 2014 г. В результате Россия оказалась объектом экономических санкций со стороны западных стран во главе с США, направленных на ее экономическую изоляцию. К 2022 г. уровень санкций, введенных против России, достиг беспрецедентной отметки.

Экономическая и политическая близость Вашингтона с европейскими странами позволила первому вовлечь их в антироссийскую коалицию. Таким образом США стремились расширить коллективные усилия по санкционному давлению на Россию². Тем не менее попытки расширить коалицию за счет других суверенных государств оказались безуспешными. Многие страны, такие как Бразилия, Турция, Саудовская Аравия, Индонезия и практически все африканские государства, воздержались от присоединения к мерам против России. С учетом этой ситуации возникает вопрос: чем обусловлено решение этих стран отказаться от участия в санкционной коалиции против России.

© Турхан О. А., 2024

¹ Globalisation has faltered // The Economist. 24 January 2019. URL: <https://www.economist.com/briefing/2019/01/24/globalisation-has-faltered> (accessed 11 July 2023).

² Арапова Е. Держите строй: как США принуждают третьи страны поддерживать санкции [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/derzhite-stroy-ssha-sanktsii/> (дата обращения: 17.06.2023).

С позиции структурного реализма следовало бы ожидать, что страны присоединятся либо к США и ЕС, участвуя в санкционной коалиции против России и позиционируя себя как противников ревизионистских государств, либо, наоборот, примкнут к России, признав правомерность действий Москвы в ходе специальной военной операции на Украине. Однако политика упомянутых стран несколько отличается: выражая в целом неодобрение военным действиям России, они не спешат занимать конкретную позицию в конфликте, а вместо этого выдвигают собственные мирные инициативы, проявляют готовность к посредничеству в урегулировании конфликта и стремятся сохранить экономические связи и с объектом, и с инициаторами санкций.

Цель исследования – проанализировать обстоятельства, при которых Бразилия, Турция и ряд африканских государств предпочли стратегии поведения, отличные от балансирования и примыкания. Теоретическую основу исследования составляют положения структурного реализма о стратегическом взаимодействии (*political alignment*) государств, а концепция хеджирования используется в качестве дополняющей. Данная теоретическая основа проверяется на эмпирических данных, полученных в результате контекстуального анализа. Рассматриваются официальные документы, представленные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, а также заявления официальных органов и лиц по соответствующим вопросам. Включение концепции хеджирования в анализ обеспечивает более глубокое понимание стратегических маневров, осуществляемых странами Глобального Юга в условиях изменяющегося соотношения сил в международной политике.

Перемены в структуре международной политики

В рамках структурного реализма структуры представляют собой совокупность ограничивающих воздействий на агентов (Waltz, 1979: 70). Между агентами и международной структурой существуют взаимные связи, в ходе которых каждый из них оказывает формирующее воздействие на другого (Waltz, 1979: 40). Структура характеризуется динамизмом и действует косвенно через процессы социализации и конкуренции между агентами (Waltz, 1979: 74). В анархичной международной среде эти процессы формируют модель поведения для государств, а именно побуждают их приоритизировать свою безопасность. В условиях этих системных особенностей распределение силы (*distribution of power*), обусловленное взаимодействием акторов, становится неперенным элементом в формировании структуры. Структура порождает импульсы и императивы для государств, побуждая их двигаться в определенных политических направлениях. В зависимости от сдвигов в распределении сил приоритеты и национальные интересы государств претерпевают изменения (Gilpin, 1981: 106). В результате таких изменений, особенно в связи с неодинаковым ростом их силы, в международной системе происходит переход от состояния равновесия (*equilibrium*) к состоянию неравновесия (*disequilibrium*).

В условиях изменения баланса сил структурный реализм предусматривает два варианта стратегического поведения для государств: балансирование (*balancing*), подразумевающее позиционирование против растущей угрозы, и примыкание (*bandwagoning*), заключающееся в присоединении к ревизионистской державе. К. Уолт утверждает, что государства чаще придерживаются балансирования, руководствуясь тем, что потенциальные страны-ревизионисты представляют большую угрозу их национальным интересам, чем сохранение существующего международного порядка (Walt, 1985: 15). Р. Швеллер, в свою очередь, опровергает прочтение этих стратегий как противоположных, подчеркивая, что они включают в себя совершенно разные цели: если балансирование направлено в первую очередь на уменьшение потенциальных потерь, то стратегия примыкания чаще возникает из стимулов, направленных на получение выгоды (Schweller, 1994: 74). Следует отметить, что Р. Швеллер так же, как и структурные реалисты, рассматривает эти стратегии строго в рамках безопасности. Тем не менее актуальные трансформации в международной политике проявляются во всех аспектах материального потенциала государств.

Финансовый кризис 2008 г. отметил начало социально-экономических и политических перемен в мире. Кризис привел к снижению роста мирового ВВП на 1,3% в 2009 г. Особенно на начальной стадии он оказал более разрушительное действие на экономику развитых стран, в 2009 г. в этих странах был зафиксирован спад ВВП в размере 3,3%¹. Последовавшее за экономическим спадом обострение материального неравенства, наряду с другими социальными и культурными факторами (Inglehart & Norris, 2016), вызвало у значительной доли населения негативную реакцию в адрес правительств и капиталистической системы в целом.

¹ Global Economic Prospects 2010, Global economic prospects and the developing countries // World Bank. 2010. DOI: 10.1596/978-0-8213-8226-4

Референдум по Брекзиту и избрание Д. Трампа президентом в Соединенных Штатах в 2016 г. привлекли внимание мирового сообщества к вопросу угрозы распространения популистских режимов. У. Мид рассматривает рост популизма как некий «Джексонианский бунт» (Mead, 2017), разразившийся в ответ не только на материальное неравенство, но и на вторжение космополитических идей в традиционный уклад жизни. В свою очередь, Дж. Колган и Р. Кеохейн утверждают, что популизм, проявившийся в избрании Д. Трампа и Брекзите, связан с нарушением социального контракта в либеральных демократиях (Colgan & Keohane, 2017).

Тенденция роста нетарифных барьеров в мировой торговле и эскалация протекционизма, набравшая обороты после финансового кризиса (Erdal, Felbermayr & Kinzius, 2017), перешли в новую стадию развития, когда США и Китай в 2018 г. вступили в торговую войну. С наступлением пандемии COVID-19 интеграционные процессы существенно деградировали. В 2020 г. номинальный ВВП в мире сократился на 3,3%¹, а реальный ВВП, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), несмотря на все государственные меры, упал на 2,3 % (Arriola, Kowalski & van Tongeren, 2022). Глобальные цепочки создания стоимости сильно пострадали из-за нарушений в спросе, предложении и логистике. Характерные тренды мировой политики – глобализация, интеграция и демократизация – в этот период стали превращаться в деглобализацию, дезинтеграцию и дедемократизацию (Лебедева, 2021).

На фоне кризиса стремительный рост развивающихся стран и экономические проблемы США, такие как высокий уровень внешнего долга и хронический дефицит бюджета, привели к дискуссиям о перспективе утраты превосходства Вашингтона в мире (Laune, 2012). Хотя преимущество США в военной, технологической и экономической сферах остается значительным, существует группа стран, которая активно стремится к изменениям в существующей системе и выражает недовольство сложившимися условиями. К примеру, после мирового финансового кризиса в 2009 г. была актуализирована идея создания структуры БРИК, известной в настоящее время как БРИКС. Эта многосторонняя платформа, помимо более широких целей сотрудничества в различных областях, сформулировала на своем первом саммите задачу содействия существенным реформам в наличных финансовых институтах. Конечной целью этого начинания было обеспечение представительства стран с переходной и развивающейся экономикой в глобальных финансовых институтах². Р. Саква определяет стратегию БРИКС как «суверенный интернационализм», который означает, что данные страны, будучи заинтересованными в экономической кооперации, имеют твердое намерение сохранить свой суверенитет и при этом стремятся сделать международные институты более многосторонними и открытыми (Sakwa, 2019). Хотя на первый взгляд усилия БРИКС в области экономического сотрудничества могут быть прочитаны как направленные на усиление глобализации, существует мнение, что эти страны недовольны существующей системой и стремятся создать альтернативный блок, независимый от западных институтов (Binder & Payton, 2021).

Глобальные тренды можно рассматривать как «процесс становления нового качества международной среды» (Богатуров, 2004: 28). В этом контексте существенные колебания в глобальных динамиках служат признаком сдвига равновесия в международной системе. Особенно после 2008 г. такие изменения наблюдаются в конфигурации международной политики. Влияние Китая неуклонно растет, однако называть текущую систему «новой биполярной» было бы преждевременно, более точно характеризовать ее как гибридную. Р. Хигготт и С. Райх, например, вводят понятие «нечеткая бифуркация» (fuzzy bifurcation) для характеристики природы современного мирового порядка (Higgott & Reich, 2022). Согласно их концептуальной схеме, структура международной политики не поддается четкой классификации на многополярную или биполярную. Хотя на сегодняшний день Китай и США действуют как основные полюса в системе мировой политики, современная динамика выходит за пределы биполярности, характерной для эпохи холодной войны.

В современных условиях многие развивающиеся страны склонны придерживаться стратегии хеджирования вместо того, чтобы полностью присоединиться к одной из этих мировых держав или балансировать между ними. Более того, влияние, оказываемое великими державами на малые и средние государства, в меньшей степени трансформируется в желаемые политические действия и решения (Higgott & Reich, 2022: 629). Данная концепция не является абсолютно новой, подобное направление политических дискуссий появилось после мирового финансового кризиса. Так, Р. Фонтейн и Д.

¹ Projected Poverty Impacts of COVID-19 (Coronavirus) // World Bank. Washington, DC, 2020. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/461601591649316722-0090022020/original/ProjectedpovertyimpactssofCOVID19.pdf> (accessed 14 January 2023).

² Joint Statement of the BRIC countries' leaders. 2009. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/209> (accessed 15 June 2023).

Климан расширили понятие «колеблющиеся государства» (swing states) на сферу глобальной политики, утверждая, что основополагающие столпы международной системы, появившейся после Второй мировой войны, постепенно разрушились. В связи с этим США должны активно искать поддержки у ключевых акторов – Бразилии, Индии, Индонезии и Турции. Эти четыре государства обладают не только легитимностью, но и способностью играть значимую роль в региональных и глобальных вопросах (Fontaine & Kliman, 2013).

Стремительный экономический, военный и технологический прогресс Китая в сочетании с вышеупомянутыми преобразованиями после мирового финансового кризиса вызвал необходимость переоценки традиционных подходов к стратегиям балансирования и примыкания. Именно в этом контексте Ч. Куик сформулировал концепцию хеджирования (hedging) как способ прояснить поведение, демонстрируемое государствами Южной Азии, которое отличается от традиционных понятий балансирования или примыкания. Хеджирование предполагает, что иногда государства занимают промежуточную позицию или золотую середину в выборе стратегического взаимодействия (Kuik, 2008). Отличительная черта этого подхода заключается в минимизации рисков и максимизации прибыли в условиях большой неопределенности и высоких ставок (Kuik, 2008: 163).

Куик приводит три довода, противоречащих основным предположениям структурного реализма:

- политическое позиционирование в отношении определенного государства не обязательно должно выливаться в создание альянса;
- для некрупных государств невоенные связи порой имеют не меньшее значение, чем военные, при позиционировании себя по отношению к крупной державе;
- в определенных условиях государства могут использовать как невоенные, так и военные связи в свою пользу в отношении конкурирующих держав (Kuik, 2016: 3).

В зависимости от сложившихся обстоятельств угроз и возможностей государства отдают предпочтение стратегиям, которые оптимизируют баланс между рисками и прибылью.

Геополитический контекст антироссийских санкций

Введенные в 2014 г. санкции против России не имели первостепенной целью принудить страну изменить политический курс. Скорее они были направлены на сдерживание России от дальнейших военных действий и привлечение ее к активному участию в процессе политического урегулирования путем повышения издержек (Gould-Davies, 2018). Однако даже после заметного усиления антироссийских санкций начиная с февраля 2022 г., направленных на нанесение “coup de grâce” российской экономике¹, лишь небольшое число стран продолжили применять эти ограничения. В то же время с начала специальной военной операции целям антироссийских мер была свойственна некоторая разнонаправленность и противоречивость. Несмотря на неоднократные заявления руководства США о том, что они не намерены добиваться смены режима в России, президент Дж. Байден в марте 2022 г. сделал ремарку: «Ради Бога, этот человек [В. Путин] не может оставаться у власти»². Впоследствии основная цель санкций сместилась в сторону нанесения максимального ущерба России с целью подорвать ее военный потенциал³.

Можно предположить, что чем шире коалиция государств – инициаторов санкций, тем выше вероятность достижения намеченных целей. Однако эффективность санкций не находится в прямой зависимости от численности коалиции, к тому же многочисленность коалиций иногда может привести к обратным эффектам (Morgan, Syropoulos & Yotov, 2023: 21). В больших коалициях задача поддержания единства среди участников со временем становится более сложной, поскольку у них может постепенно развиваться интерес к экономическим и политическим возможностям, возникающим в результате взаимодействия и сотрудничества со страной-мишенью (Hufbauer et. al., 2007: 172–175). Это особенно очевидно, когда многосторонние санкции осуществляются без участия координирующей международной организации, а цели санкций носят неконкретный и разнообразный характер

¹ Smart C. Russia Tried to Prepare for Sanctions, But It Can't Hide from the U.S. Dollar // Barron's. 18 March 2022. URL: <https://www.barrons.com/articles/you-can-run-from-the-dollar-but-you-cant-hide-51647624381> (accessed 20 June 2023).

² Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 20 June 2023).

³ Speech by Secretary Blinken: “Russia’s Strategic Failure and Ukraine’s Secure Future.” U.S. Embassy & Consulates in Russia, 2023. URL: <https://ru.usembassy.gov/secretary-blinken-russias-strategic-failure-and-ukraines-secure-future/> (accessed: 20 June 2023).

(Varat & Morgan, 2009). Это подрывает основу санкционной коалиции, что можно наблюдать и на примере антироссийских санкций. Одновременно, как подчеркивают С. Чоудхури и ее коллеги, в специфическом контексте антироссийских санкций потенциальное расширение коалиции, с включением в нее Китая, а также Индии, Турции и Бразилии, привело бы к существенным экономическим издержкам для российской экономики (Chowdhry et. al., 2023).

Само по себе наложение экономических издержек на страну-мишень не является успешным применением экономических санкций, пока эти издержки не будут преобразованы в политические (Blanchard & Ripsman, 1999: 224). В случае с Россией добиться изменения политики Кремля с помощью мер экономического принуждения представляется сложной задачей. Кроме того, применяемые меры против России характеризуются неопределенностью в отношении их конечных целей, с учетом того, что стремление нанести максимальный ущерб может привести к бесконечному расширению санкционных мер. Такая неопределенность может подорвать решимость участвующих субъектов и в перспективе отбить желание у других государств присоединиться к коалиции.

Две из шести резолюций, принятых ГА ООН по Украине, могут служить примером для определения позиции различных стран по отношению к военным действиям России на Украине. 2 марта 2022 г.¹ и 12 октября 2022 г.² были приняты резолюции, в которых рассматривался вопрос о «российской агрессии против Украины» и подчеркивалась значимость поддержания территориальной целостности Украины. Эти резолюции получили поддержку более 140 стран мира, которые осудили военные действия России и выразили свою поддержку сохранению территориальной целостности Украины. Тем не менее в ходе голосования по резолюции, осуждающей «незаконную аннексию территории Украины», 45 стран, включая Китай, Индию, Вьетнам, Иран, Венесуэлу, Алжир и ЮАР, приняли решение воздержаться от голосования. Эти страны также отказались присоединиться к санкционной коалиции против России. Кроме того, следует отметить, что ряд стран, таких как Бразилия, Турция, Саудовская Аравия, Индонезия и Египет, воздержались от введения ограничительных мер в отношении России, хотя на ГА ООН осудили военные действия России на Украине.

В настоящее время против России введен целый ряд санкций, организованных коалицией под эгидой стран «Большой семерки». В коалицию входят члены Европейского союза, а также Норвегия, Швейцария, Южная Корея, Сингапур, Австралия и Новая Зеландия. В этом геополитическом контексте фраза «Запад против остальных», использованная А. Стент, как нельзя лучше характеризует сложившуюся ситуацию³. При классификации «остальных» особое внимание привлекают страны БРИКС, которые, как правило, стремятся вносить изменения в устоявшуюся международную систему. Наиболее ярким проявлением их совместной деятельности является инициатива по созданию общей валюты для коммерческих операций между странами – участниками этого коллектива⁴. Правда, создание общей валюты не было упомянуто во Второй Йоханнесбургской декларации стран БРИКС, было подчеркнуто лишь намерение поощрять национальные валюты в международной торговле и финансовых операциях⁵. Тем не менее даже спекулятивные рассуждения на эту тему свидетельствуют о преобладающем среди ведущих экономик мира недовольстве карательными мерами, особенно так называемыми вторичными санкциями.

Заявления бывшего президента Бразилии Ж. Болсонару являются ярким примером реакции незападного мира на санкции, введенные против России. Болсонару утверждал, что его дипломатическое спокойствие позволило приобрести у России необходимые удобрения, которые являются важнейшим ресурсом для сельскохозяйственного сектора Бразилии. Кроме того, Болсонару подчеркнул важность признания Россией суверенитета Бразилии над ее обширными территориями в тропических лесах Амазонки⁶. В ходе президентской кампании С. Аморим, советник действующего президента

¹ Резолюция A/RES/ES-11/1 [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. 02 марта 2022 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/293/39/PDF/N2229339.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.06.2023).

² Резолюция A/RES/ES-11/4 [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. 22 октября 2022 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/630/71/PDF/N2263071.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.06.2023).

³ Stent A. The West vs. the Rest // Foreign Policy. 2 May 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/ukraine-russia-war-un-vote-condemn-global-response/> (accessed: 15 June 2023).

⁴ Cele S. and Bowker J. BRICS nations say new currency may offer shield from sanctions // Bloomberg.com. 1 June 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-01/brics-nations-say-new-currency-may-offer-shield-from-sanctions> (accessed: 15 July 2023).

⁵ Йоханнесбургская декларация-II [Электронный ресурс] // БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности: XV саммит БРИКС. 23 августа 2023 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1s471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

⁶ Brazil's Bolsonaro says Western sanctions against Russia have failed // Reuters. 7 July 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/brazils-bolsonaro-says-western-sanctions-against-russia-have-failed-2022-07-07/> (accessed: 22 July 2023).

Лулы да Силвы, выступил с критикой санкций против России. По его мнению, эти санкции были ошибочными, поскольку они увеличивали вероятность ядерного конфликта и способствовали укреплению союза между Москвой и Пекином¹. Кроме того, согласно официальной позиции Бразилии, озвученной на ассамблеях ООН, санкции носят повальный и необоснованный характер, не стимулируют формирование конструктивного диалога, а, наоборот, наносят ущерб мировой экономической картине (Vasconcellos de Carvalho Motta & Succi, 2023). После вступления в должность президент Лула да Силва в диалоге с президентом Германии О. Шольцем предложил Китаю, Индии, Бразилии и Индонезии выступить в качестве посредников в урегулировании военного конфликта на Украине². Позиция Лулы да Силвы вызвала критику со стороны США. Белый дом обвинил бразильского лидера в том, что он «как попугай» повторяет пропагандистский дискурс, распространяемый Россией и Китаем³.

Другими субъектами, воздерживающимися от участия в санкциях против России и выступающими в качестве потенциальных посредников в конфликте, являются некоторые страны Африки, такие как ЮАР, Алжир, Египет, Уганда и др. Они придерживаются политики «активного неприсоединения», которая, по словам Х. Хайне, заключается в приоритизации своих индивидуальных интересов на мировой арене и в отказе от роли прокси в противостоянии между ведущими державами⁴. Африканские лидеры под эгидой Африканского союза создали совместную группу мирной инициативы и представили свой план, который сосредоточивается на деэскалации конфликта, решении гуманитарных вопросов и обеспечении движения зерна и удобрений⁵. Африканские страны воздержались от присоединения к санкционной коалиции, и, согласно В. Путину, в первой половине 2023 г. товарооборот между Россией и африканскими странами увеличился на 35 % по сравнению с предыдущим годом⁶. Эту тенденцию можно объяснить зависимостью данных стран от российских товаров, а также усилиями, предпринимаемыми Россией для компенсации падения товарооборота, вызванного введением санкций. Последнее имеет особое значение, поскольку в результате военного конфликта на Украине возникла угроза голода в ряде африканских регионов, которые в значительной степени зависят от поставок продовольствия как из России, так и с Украины.

Угроза продовольственного кризиса из-за военных действий на Украине привела к усилиям по открытию коридора для судов из украинских портов. С целью преодоления этой проблемы 22 июля 2022 г. было подписано соглашение по запуску Черноморской зерновой инициативы между Россией, Украиной, Турцией и ООН. Соглашение предусматривало безопасный вывоз зерна и удобрений из украинских портов и создание Совместного координационного центра в Стамбуле⁷. В дополнение к этому соглашению в тот же день между ООН и Россией был подписан меморандум о взаимопонимании, согласно которому Россия согласилась продолжить поставки продовольствия и удобрений и содействовать экспорту из контролируемых Украиной портов Черного моря. В свою очередь ООН согласилась продолжать усилия по содействию прозрачному и беспрепятственному доступу продовольствия и удобрений, включая сырье, необходимое для их производства, поступающих из России на мировые рынки⁸. Таким образом, Москва добилась некоторого ослабления санкционного режима в

¹ Iglesias S. P. and Beck M. V. US sanctions on Russia a mistake, Brazil Lula's top foreign adviser says // Bloomberg.com. 5 August 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-05/us-sanctions-on-russia-are-a-mistake-lula-s-top-adviser-says> (accessed: 22 July 2023).

² Von Der Burchard H. Brazil's Lula snubs Olaf Scholz with Ukraine war remarks // POLITICO. 31 January 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-war-luiz-inacio-lula-da-silva-mercosur-olaf-scholz/> (accessed: 15 July 2023).

³ Paraguassu L. and Boadle A. Brazil's Lula draws Russian praise, U.S. scorn for Ukraine views // Reuters. 17 April 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russias-lavrov-thanks-brazil-efforts-resolve-ukraine-war-2023-04-17/> (accessed: 15 July 2023).

⁴ Heine J. Africa, Latin America and the Active Non-Alignment option // The China Global South Project. 5 April 2022. URL: <https://chinaglobalsouth.com/analysis/africa-latin-america-and-the-active-non-alignment-option/> (accessed: 15 July 2023).

⁵ Лакстыгал И., Гасымов Н. и Мишутин Г. Африканский мирный план представлен в Киеве и Петербурге [Электронный ресурс] // Ведомости. 18 июня 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/19/981076-afrikanskii-mirnyii-plan-predstavlen-v-kieve-i-peterburge> (дата обращения: 06.08.2023).

⁶ Встреча с Президентом Союза Коморских островов Азали Ассумани и Председателем Комиссии Африканского союза Муссой Факи Махаматом [Электронный ресурс] // Президент России. 27 июля 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71813> (дата обращения: 30.07.2023).

⁷ Initiative on the Safe Transportation of Grain and Foodstuffs from Ukrainian Ports / Black Sea Grain Initiative Joint Coordination Centre. UN. 22 July 2022. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/black_sea_grain_initiative_full_text.pdf (accessed: 30 July 2023)

⁸ Memorandum of Understanding between the Russian Federation and the Secretariat of the United Nations on Promoting Russian Food Products and Fertilizers to the World Markets. 22 July 2022. URL: https://news.un.org/pages/wp-content/uploads/2022/09/MOU_21_July_UN-Secretariat86.pdf (accessed 30 July 2023).

отношении своего сельскохозяйственного сектора. Некоторые аналитики, такие как Pedrozo (2023: 450), утверждают, что Россия была наиболее заинтересованной стороной в этом соглашении. Тем не менее его реализация не соответствует целям меморандума. В частности, продолжается отключение Россельхозбанка от системы SWIFT, вводится постоянный запрет на ввоз в Россию необходимого оборудования под предлогом «товаров двойного назначения», блокируются российские банковские платежи, страховая и транспортная логистика, поставки запчастей, иностранные активы, подорван аммиакопровод «Тольятти – Одесса», в чем Россия усматривает ответственность украинской стороны¹. В силу указанных обстоятельств Москва сочла неприемлемым сохранение Зерновой сделки. Усилия Турции по возрождению Черноморской инициативы с участием России, по всей видимости, пока оказались недостаточными для преодоления существующих препятствий². Тем не менее динамика этих переговоров показывает, что действия Турции требуют более тщательного изучения в рамках так называемой стратегии хеджирования.

Нюансы турецкой политики в отношении России, включая сознательную политику неприсоединения к санкционному режиму, всесторонне проанализированы П. Шлыковым (2023). Позиция Турции, полноправного члена НАТО, на первый взгляд выглядит парадоксально: с одной стороны, она выступает за вступление Киева в Альянс, а с другой – не поддается давлению со стороны союзников, требующих присоединения к санкционному режиму. Турция отличается от «нормальных» союзников США в Европе по своим амбициям и возможностям (Бордачев, 2021: 15). По сути, позиция Турции может быть квалифицирована как иллюстрация хеджирующего поведения, но с несколькими оговорками. Во-первых, многогранный и динамичный характер внешнеполитического курса давно позволяет Анкаре использовать отношения с незападными странами в качестве стратегического преимущества во взаимодействии с Западом, что в академической литературе описывается как политика равновесия (*denge siyaseti*) (Oğuzlu, 2015: 241). Более того, начиная с середины 2010-х гг. Турция постепенно усиливала свой дискурс, касающийся неравенства в современной глобальной политике, особенно в контексте малых и средних государств. Эта риторическая экспансия сопровождалась призывом к созданию более инклюзивного и многостороннего международного порядка, ключевым элементом которого является реформирование структуры и процедур Совета Безопасности ООН³. Во-вторых, примерно с 2015–2016 гг. наблюдается заметное ухудшение турецко-американских отношений, причем США все чаще игнорируют обеспокоенность Турции безопасностью на фоне таких событий, как попытка государственного переворота в Турции и продолжающаяся гражданская война в Сирии. Наконец, Турция сама подверглась санкциям со стороны США после приобретения у России зенитно-ракетных комплексов С-400. Вероятно, отчасти из-за этих факторов в турецких политических кругах сложилось мнение, что эскалация санкционных режимов представляет собой настораживающую тенденцию в мировой политике⁴.

С учетом большого количества стран, а также множества уникальных факторов, влияющих на политику каждой из них, отметим, что изучение мотивов, движущих каждым отдельным государством, выходит за рамки данного исследования. Однако следует сказать, что эти государства стали разрабатывать стратегии, отличающиеся заметной степенью самостоятельности. В период холодной войны биполярная структура мира способствовала тому, что экономические и политические стратегии вписывались в рамки соответствующих идеологических блоков, но на современной политической арене можно наблюдать рост влияния и географическую экспансию, связанные с особым мировоззрением, распространенным на Глобальном Юге. Это мышление характеризуется двумя чертами: призывом к существенному реформированию или трансформации глобальной системы и стремлением к защите своих политических и экономических интересов без вступления при этом в конфликты великих держав.

¹ Заявление МИД России о Стамбульских договоренностях [Электронный ресурс] / МИД РФ. 17 июля 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (дата обращения: 30.07.2023).

² Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. 04 сентября 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72187> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Anadolu Ajansı Cumhurbaşkanı Erdoğan BM'de konuştu: Dünya 5'ten büyüktür. 24 Eylül 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-bmde-konustu-dunya-5ten-buyuktur/1592817> (son erişim tarihi: 30.07.2023).

⁴ Karadağ C., Başay E. Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın: Rusya'ya yönelik yaptırımlar işe yaramaz, sadece sorunları ertelersiniz / Anadolu Ajansı. 20 Şubat 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-rusyaya-yonelik-yaptirimlar-ise-yaramaz-sadece-sorunlari-ertelersiniz/2508053> (son erişim tarihi: 30.07.2023).

* * *

В 2022 году коалиция западных стран во главе с США ввела против России санкции беспрецедентного масштаба. Несмотря на негативное воздействие санкций, способность России противостоять их последствиям и адаптироваться к новым условиям вынудила западные страны, в первую очередь США, искать пути расширения санкционной коалиции. Вместе с тем среди стран Глобального Юга наблюдается заметное нежелание участвовать в санкционном давлении на Россию. Традиционная логика блокового мышления не дает полноценного объяснения этой неготовности.

Стратегия хеджирования отчасти объясняет решение этих государств воздержаться от санкций против России. Не присоединившиеся к коалиции страны склонны поддерживать экономически выгодную торговую деятельность с Россией, избегая участия в блоковой политике. Однако нежелание присоединиться к санкциям не может быть объяснено исключительно экономическими соображениями. Многие государства, в том числе Бразилия, Турция, ряд африканских стран и Индия, стремятся к дипломатическому успеху и укреплению своего престижа, выступая в качестве посредников в урегулировании украинского конфликта. Кроме того, они рассматривают свой отказ от участия в санкционном режиме как возможность подчеркнуть свой суверенитет. Когда эти государства вступают в противоречия с западными державами, они используют свои отношения с Россией не только как стратегический рычаг, но и как альтернативный источник легитимности. Как отметил по этому поводу В. Путин, «Вы понимаете, заставить другие страны тупо следовать чьим-то интересам в современном мире сложно, а подчас практически невозможно. Ну как можно заставить какую-то страну с многомиллионным населением сказать: “Не покупайте у России зерно, голодайте, пусть ваши люди умирают от голода!” Ну кто так может сказать? А если кто-то может, какой-то придурок так и говорит, его слушать не будут – не будут слушать, в этом вся проблема»¹.

Список литературы / References

- Богатуров, А. Д. (2004). ‘Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе’, *Международные процессы*, 2 (1), 16–33. [Bogaturov, A.D. ‘The notion of ‘World Politics’ in theorizing international relations’ [Ponyatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse], *International Trends*, 2 (1), pp. 16–33. (In Russ.)]
- Бордачев, Т. (2021) ‘Последняя империя и её соседи’, *Россия в глобальной политике*, 19 (2), сс. 8–24. [Bordachev, T.V. (2021) ‘The last empire and its neighbors’ [Poslednyaya imperiya i ee sosedi], *Russia in Global Affairs*, 19 (2), pp. 8–24. (In Russ.)]. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-8-24.
- Лебедева, М. М. (2021). ‘Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития’, *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26 (3), сс. 10–21. [Lebedeva, M.M. ‘Political organizations of the world in the context of contemporary megatrends: scenarios of development развития’ [Politicheskaya organizatsiya mira v usloviyakh sovremennykh megatrendov: stsennarii razvitiya], *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 26 (3), pp. 8–24. (In Russ.)] DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.3.2.
- Шлыков, П.В. (2023) ‘Турецкий кульбит’, *Россия в глобальной политике*, 21 (3), сс. 142–159. [Shlykov, P.V. (2023) ‘Turkish Somersault’ [Turetskii kulbit], *Russia in Global Affairs*, 21 (3), pp. 142–159. (In Russ.)]. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159.
- Arriola, C., Kowalski, P., Van Tongeren, F. (2022) *Understanding structural effects of COVID-19 on the global economy: First steps*, OECD Trade Policy Papers, 261, OECD Publishing, Paris, DOI: 10.1787/f6a9ef88-en.
- Bapat, N.A. and Morgan, T.C. (2009) ‘Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: A test using new data’, *International Studies Quarterly*, 53 (4), pp. 1075–1094. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00569.x.
- Binder, M. and Payton, A.L. (2021) ‘With frenemies like these: rising power voting behavior in the UN General Assembly’, *British Journal of Political Science*, 52 (1), pp. 381–398. DOI: 10.1017/s0007123420000538.
- Blanchard, J.-M.F., Ripsman, N.M. (1999) ‘Asking the right question: When do economic

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России. 16 июня 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71445> (дата обращения: 15.07.2023).

- sanctions work best?', *Security Studies*, 9 (1–2), pp. 219–253. DOI: 10.1080/09636419908429400.
- Chowdhry, S. et al. (2023) *Brothers in Arms: The value of coalitions in sanctions regimes*, Social Science Research Network [Preprint]. DOI: 10.2139/ssrn.4514790.
- Colgan, J.D., Keohane, R.O. (2017) The liberal order is rigged: fix it now or watch it wither, *Foreign Affairs*, 17 April [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged> (Accessed: June 15, 2023).
- Edey, M. (2009) 'The global financial crisis and its effects', *Economic Papers: A Journal of Applied Economics and Policy*, 28 (3), pp. 186–195. DOI:10.1111/j.1759-3441.2009.00032.x
- Fontaine, R., & Kliman, D. M. (2013) 'International order and global swing states', *The Washington Quarterly*, 36 (1), pp. 93–109. DOI:10.1080/0163660X.2013.751653.
- Gilpin, R. (1981) *War and change in world politics*. Cambridge University Press.
- Goodwin, M. Milazzo, C. (2017) 'Taking back control? Investigating the role of immigration in the 2016 vote for Brexit', *The British Journal of Politics and International Relations*, 19 (3), pp. 450–464. DOI: 10.1177/1369148117710799.
- Gould-Davies, N. (2018) Economic effects and political impacts: Assessing Western sanctions on Russia. *BOFIT* [online]. Available at: <https://econpapers.repec.org/RePEc:zbw:bofitb:82018> (Accessed: June 15, 2023).
- Higgott, R. and Reich, S. (2022) 'The age of fuzzy bifurcation: Lessons from the pandemic and the Ukraine War', *Global Policy*, 13 (5), pp. 627–639. DOI: 10.1111/1758-5899.13141.
- Hufbauer, G.C. et al. (2007) *Economic sanctions reconsidered*. 3rd edn. Peterson Institute of International Economics.
- Inglehart, R., Norris, P. (2016) *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic Have-Nots and cultural backlash*, Social Science Research Network [Preprint]. DOI: 10.2139/ssrn.2818659.
- Keohane, R.O. and Nye, J.S. (2011) *Power and interdependence*. 4th edn. Pearson.
- Kuik, C.C. (2008) 'The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China', *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 30 (2), pp. 159–185. DOI: 10.1355/cs30-2a.
- Kuik, C.C. (2016) 'How Do Weaker States Hedge? Unpacking ASEAN states' alignment behavior towards China', *Journal of Contemporary China*, 25 (100), pp. 500–514. DOI: 10.1080/10670564.2015.1132714.
- Layne, C. (2012). 'This time it's real: the end of unipolarity and the Pax Americana', *International studies quarterly*, 56 (1), pp.203–213. DOI:10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x.
- Mead, W.R. (2017) "The Jacksonian Revolt: American populism and the liberal Order," *Foreign Affairs*, 20 January [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt> (Accessed: June 15, 2023).
- Mearsheimer, J. J. (2001) *The tragedy of great power politics*. WW Norton & Company.
- Morgan, T. C., Syropoulos, C., & Yotov, Y. V. (2023) 'Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges', *Journal of Economic Perspectives*, 37 (1), pp. 3–29. DOI:10.1257/jep.37.1.3.
- Vasconcellos de Carvalho Motta, B., & Succi Jr., D. P. (2023) 'Brazilian foreign policy for the war in Ukraine: changing non-alignment, counterfactual, and future perspectives', *Globalizations*, pp. 1–14. DOI: 10.1080/14747731.2023.2224626.
- Oğuzlu, T. (2015). *Güvenlik kültürü ve Türk dış politikası*. Bilig 72. pp. 223-250.
- Pedrozo, R. (2023) The Black Sea Grain Initiative: Russia's strategic blunder or diplomatic coup? *International Law Studies*, 100 (1) [online]. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3050&context=ils> (Accessed 22.07.2023)
- Sakwa, R. (2019) 'BRICS and sovereign internationalism', *Strategic Analysis*, 43 (6), pp. 456–468. DOI: 10.1080/09700161.2019.1669899.
- Schweller, R.L. (1994) 'Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in', *International security*, 19 (1), pp.72–107. DOI: 10.1162/isec.19.1.72.
- Walt, S. M. (1985) 'Alliance formation and the balance of world power', *International security*, pp. 3–43. DOI: 10.1162/isec.9.4.3.
- Waltz, K. N. (1979) *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Yalcin, E., Felbermayr, G., & Kinzius, L. (2017) 'Hidden protectionism: Non-tariff barriers and implications for international trade', *Ifo Centre for International Economics*, pp 1–44.

Статья поступила в редакцию: 08.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 19.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**CHALLENGES OF SANCTION COALITION FORMATION AGAINST RUSSIA
IN A MULTIPOLAR SYSTEM**

O. Turhan

Oğuz Turhan, PhD student, School of International Relations,

Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: oguzturhan@yahoo.com (ORCID: 0000-0001-6514-787X).

Abstract

In 2022, Russia became the target of historically unprecedented sanctions imposed by a coalition of Western countries led by the United States. However, countries in Latin America, Africa and most Asian countries refrained from joining the sanctions regime. This article aims to analyze the circumstances under which the sanctions against Russia have not attracted unequivocal support from the majority of the states. The analysis focuses on the cases of Brazil, Turkey, and several African states. Contrary to the traditional models of political alignment outlined within structural realism, such as balancing or bandwagoning strategies, these countries tend to respond to each challenge individually, maximizing potential gains and minimizing political risks by adhering to a 'hedging' strategy. The states abstaining from the anti-Russian sanctions demonstrate a willingness to mediate the Ukrainian conflict and capitalize on the opportunities presented by Russia's isolation from the West, including trade concessions like discounted fuel or grain donations. They also maintain partnerships with Russia, whose political authority acts as a counterweight in disputes with Western nations. The findings of the study corroborate with the tenets inherent in 'hedging' concept, positing that during the fragmentation of global processes, states, in pursuit of their own interests, are actively diverging from traditional approaches of political alignment.

Keywords: economic sanctions; hedging; globalization; Russia; sanctions coalition; Black Sea Initiative; multipolarity.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-122-134

ВОСТОК И/ЛИ ЗАПАД: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИЙСКОЙ НАУКЕ В КООРДИНАТАХ ПОПУЛЯРНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Н. К. Радина, А. В. Козлова, С. В. Тарасов

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Козлова Анастасия Владимировна, инженер-исследователь ПАО Сбербанк,
Нижний Новгород, Россия.

E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2629-9157).

Тарасов Семен Васильевич, аспирант, младший научный сотрудник,
Институт психологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: sementarasovvas@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8790-7219. ResearcherID: AEF-5943-2022).

Аннотация

В конце XX в. Россия демонстрировала сближение с наукой Запада, а в XXI в. совершила «поворот на Восток». Цель статьи – реконструировать модели развития науки, ориентированные на Восток и Запад в понимании студенческой молодежи, а также модель развития российской науки. Эмпирика собиралась при помощи анкеты из утверждений, объединенных в четыре тематических блока (традиционные представления о развитии науки; ориентация на актуальные тенденции; блок социально-экономической депривированности; чувствительность к политическим изменениям). Выборка составила 387 чел. (студенты Воронежа, Кирова, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода). По результатам заполнения анкеты проведен корреляционный анализ и на основе корреляционных связей построены модели науки России, Востока и Запада. По итогам исследования сделан вывод, что студенты уже совершили «поворот на Восток» в представлениях о науке. Вероятно, модель «науки Востока» более похожа на модель российской науки благодаря функционированию механизма социальной перцепции – ингрупповому фаворитизму. Выяснилось, что стереотипизированный образ науки складывается с опорой на повседневный опыт и медийные представления. Следовательно, через популярную культуру, а также международные университетские мероприятия можно влиять на геополитические стереотипы о науке.

Ключевые слова: популярная геополитика; наука; общество знания; Запад; Восток.

Антиномия «Восток – Запад» не столько географическая, сколько культурная конструкция, веками определяющая философские дискуссии в России и способ самоопределения для страны «культурного синтеза» (Пархоменко, 2021; Хренов, 2013). Позиции евроцентризма и «европейской репутации» были выбором 90-х гг. XX в., когда демократическая Россия предпочла «западный путь», ориентируясь на западные стандарты, идеи, институты, техники и технологии (Говоров, 2003). В отношении образования и отчасти науки это выразилось в вовлечении России в (западный) Болонский процесс, предполагающий принятие системы единых стандартов высшего образования, а затем и в «отлучении» российской науки и образования по политическим причинам (Тхагапсоев, 2022). Выбор Россией прозападного вектора развития в конце XX в. в начале XXI был изменен из-за санкций, а также других инструментов принуждения со стороны Запада вследствие ситуации военно-политической напряженности на Украине (Тимофеев, 2022; Трищенко, 2022). Переориентация страны с Запада на Восток – начиная с туризма, торговли энергоресурсами и заканчивая технологиями – потребовала переосмысления концепции межстрановых отношений в разных областях народного хозяйства, включая науку и образование. Цель данной статьи – реконструировать модели развития со-

временной науки, ориентированные на Восток и Запад в понимании молодежи, получающей высшее образование, а также реконструкция модели развития российской науки.

Роль науки в обществе знания

Ключевая роль образования и науки в обществе знания – информационном обществе, ориентированном на инновации, – непосредственно связана с экономическим развитием общества. Кроме того, непрерывное воспроизводство в научных дискуссиях темы мировой глобализации сконструировало также и логику общества знания как глобального (глобализированного) общества. На первый взгляд, свобода перемещения информации, труда и капитала очевидно подкрепляет уверенность в наднациональном статусе глобализированного общества знания, свободном перемещении научного знания и его доступности. Однако культурные практики национальных государств во все времена препятствовали свободе перемещения знания посредством специфических организационных и технических инфраструктур, выстраивая системы «авторских прав» и т.п. (Stehr, Ufer, 2008). Что же касается современных информационных обществ знаний, они выстраивают новые системы неравенства – неравенства ресурсов знаний, обуславливающие конкуренцию на уровне стран, регионов, корпораций (Chatterjee, 2021).

По мнению известного немецкого философа и социолога Петера Вайнгарта, наука в обществе знания проникла во все сферы жизни, изменяя общество, устанавливая особые связи с сферой политики, а также сферой массовой коммуникации, формулируя собственную активность как направленную на конкретного получателя – воображаемое общество знания (Weingart, 2022). В свою очередь «воображаемое общество знания» также воображает науку, связывая ее с экономическим ростом общества и техническими инновациями, с решением актуальных проблем здравоохранения и образования, и даже с успешным решением внешнеполитических задач, например, в контексте доминирования в конкуренции между дружественными и нежружественными странами, включая военные столкновения.

Управление населением со стороны представителей государственной власти требует особых коммуникативных, пропагандистских умений. Инструментальное значение государственной пропаганды состоит в том, чтобы обеспечить согласованное понимание гражданами страны того или иного события, формируя такие установки у населения, которые помогают решению государственных задач (Радина, 2023). Переориентация России на Восток как геополитическая задача в этом контексте представляется достаточно сложной, поскольку обычные граждане, в отличие от философов, не используют архивы, не анализируют научные труды и опираются на ментальные конструкты, создающие простую картину мира, удобную для жизни. В этой «простой картине мира» «Восток» и «Запад» не классические геополитические категории, а категории популярной геополитики. Популярная геополитика – относительно новое направление политологической науки, сформированное в русле критической геополитики как одна из ключевых областей (наряду с практической, формальной и структурной геополитикой) и изучающее то, какими средствами популярная культура формирует представления о мире, национальных государствах, международных организациях и других институциях, процессах и знаках (Струков, 2020; Dittmer, 2010).

С точки зрения Джейсона Диттмер, если ориентироваться на понимание национальной идентичности и глобального порядка, необходимо понимать популярную геополитику, проявленную в «дискурсе повседневности», в том информационном фоне, в который граждане погружены ежедневно (Dittmer, Gray; 2010). Фактически речь идет о формировании бытовых представлений и стереотипов о различных регионах (территориях, странах и т.п.) с опорой на материалы СМИ, художественные и документальные фильмы, телевизионные шоу и сериалы, карикатуры, художественную литературу, компьютерные игры, анекдоты, детские игрушки, фольклор (включая студенческий фольклор) и т.п. (Ghourchi, 2021; Woodyer, Carter, 2021; и др.). Именно через эти стереотипы, сформированные популярной культурой, население воспринимает новые установки во внутренней и внешней политике государства. И если речь идет о переориентации сотрудничества в области образования и науки с Запада на Восток, возникают вопросы о репрезентации российской науки в координатах популярной геополитики. «Воображаемая наука» того или иного государства и образы ученых в попкультуре чаще изучаются на материале художественных фильмов или художественной литературы (Иванова, 2017; и др.). Эти образы, как правило, привязаны к эпохе (например, достаточно часто в русскоязычных исследованиях изучается репрезентация «советской науки» (Долгова, 2021)), а географически соотносятся с Россией или Западом, преимущественно с США (Медведева, 2014; Vivas-Peraza, 2022).

Образы советской науки и советских ученых в популярных произведениях раскрывают конфликт между «старым» и «новым» идеологическими мирами в первой трети XX в., а позднее героизируют советскую науку, формируя образы ученых как сверхлюдей, ценой собственных жизней решающих государственные задачи (Пушкарева, 2020). Западная наука в популярной культуре – продукт гениев на грани безумия, асоциальных и неприспособленных в обычной жизни, часто подчиненных бизнес-корпорациям или военным (Weitekamp, 2017). Наука Востока, согласно исследованиям, получила репрезентацию в медиа преимущественно благодаря достижениям Китая, его ориентации на цифровизацию (Го Лицзюнь, 2020). К сожалению, не были обнаружены исследования, посвященные роли экспансии китайских «умных игрушек» в формировании представлений о науке Китая, а также роли компьютерных игр с репрезентацией научно-технических возможностей РФ или стран Востока.

Стереотипы «воображаемой науки», формируемые попкультурой, могут быть скорректированы собственным опытом индивида, общением с учеными, примериванием на себя карьеры исследователя для тех, кто получает высшее образование и может рассматривать аспирантуру в качестве продолжения обучения. В то же время «поворот на Восток» и артикуляция новых геополитических ориентиров для науки актуализирует необходимость понимания – что представляет собой, с точки зрения россиян, современная российская наука, какова «наука Запада», а также каковы наши стереотипы о новом ведущем партнере – «науке Востока».

Методология и методы

Представляемое исследование является пилотным, то есть осуществляемым для проверки начальных гипотез. Теоретическая база исследования – концептуальное поле популярной геополитики в качестве ведущей теоретической рамки, а также концепция и идеи Петера Вайнгарта о взаимодействии науки, политики и массмедиа. Наука в данном исследовании рассматривается как социальный институт по производству, сохранению и трансляции научных знаний об окружающем мире, включающая субъект науки, организационные связи и отношения, институциональные ценности, нормы и идеалы, а также специфические учреждения и организации. «Воображаемая наука» как исследовательский конструкт обладает теми же структурными и содержательными характеристиками.

Представления россиян о том, как должна развиваться наука (российская наука, ориентированная на партнерство то с западной наукой, то с восточной), собирались при помощи анкеты «Научные приоритеты», состоящей из 25 утверждений о возможных направлениях развития науки. Данная анкета заполнялась исходя из различных позиций (различных модальностей). В данной статье анализируются модальности «важно для российской науки»; «важно для развития науки и университетов в странах Востока»; «важно для развития науки и университетов в странах Запада» (см. приложение).

Опросный инструмент исследования является нестандартизированным и имеет статус анкеты. Утверждения в анкете объединены в четыре тематических блока, а именно: 1) традиционные представления о развитии науки; 2) ориентация на актуальные тенденции; 3) блок социально-экономической депривированности; 4) чувствительность к политическим изменениям. Вопросы формулировались исходя из задач в области науки и образования, поставленных российским государством перед российским обществом в результате западных санкций. Наиболее весомый по количеству вопросов в анкете – блок 2 (ориентация на актуальные тенденции: 10 утверждений). Специфика сбора эмпирических данных заключалась в следующем: имели значение не только отметки выбора пункта, но также корреляционные связи между пунктами анкеты и модальностями (корреляции указывают на стереотипизированность, стойкость ассоциаций). Для выявления корреляционных связей использовался коэффициент корреляции Пирсона. В результате было выявлено, насколько созвучны («ассоциативны») представления о стратегиях развития субъектов науки и образования с точки зрения участников исследования. В данной статье проанализированы корреляционные связи между пунктами анкеты в модальностях «важно для российской науки», «важно для развития науки и университетов в странах Востока», «важно для развития науки и университетов в странах Запада» для реконструкции моделей научных приоритетов российской науки, науки Востока и науки Запада.

Выборка исследования состояла из 387 чел. от 18 до 25 лет – студентов, получающих высшее образование в области технических наук (27 %), медицины (34 %), психологии и педагогики (39 %) в городах с развитой научно-образовательной инфраструктурой (Воронеж – 10 студентов, Киров – 113 студентов, Курск – 10 студентов, Москва – 50 студентов, Нижний Новгород – 204 студента), из них

321 девушка и 66 юношей. Студенты заполняли анкеты в дистанционном формате по рекомендации обучающихся их преподавателей.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что российская «воображаемая наука» (концепция «российской науки») у российской студенческой молодежи, имеющей опыт общения с представителями науки во время обучения и рассматривающей возможности собственной научной карьеры, созвучна концепции «науки Запада», а концепция «науки Востока» – скудна и схематична, отражает недостаток информации о Востоке. Гипотеза строится на опыте включения российских университетов в Болонский процесс (Тхагапсоев, Яхутлов, 2022), благодаря которому студенты российских университетов имели доступ к студенческим обменам, ориентировались на «стандарты» западных университетов и т.д.

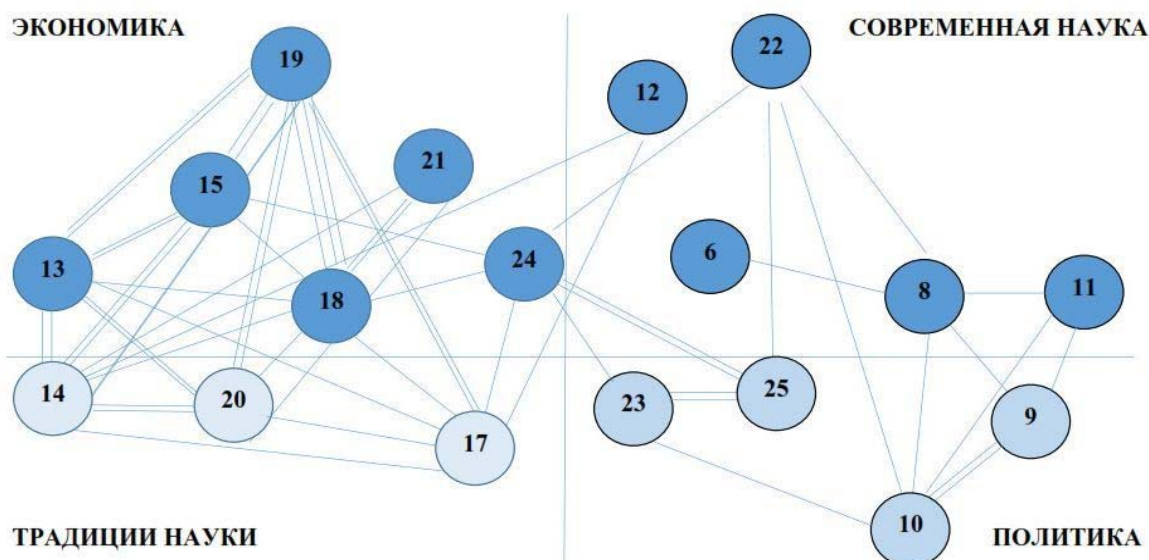
Результаты исследования: модели научных приоритетов

После анализа анкеты и проведения корреляционного анализа были построены модели научных приоритетов, которые существуют, с точки зрения опрошенных студентов, у науки в России, на Западе и на Востоке. Сложные конструкты «Запад» и «Восток» в анкете не были конкретизированы, поэтому под «Западом» студенты могли представлять и ЕС, и США, и Канаду, и т.д. Также под «Востоком» опрошенные могли подразумевать и Китай, и Индию, и Иран, и т.д. При построении моделей использовались корреляции, тяготеющие к сильным связям ($r \geq 0,5$ – на рисунках отображается одной линией; $r \geq 0,6$ – на рисунках отображается двумя линиями), или сильные корреляции ($r \geq 0,7$ – на рисунках отображается тремя линиями)). Во всех случаях установления корреляционных связей в моделях уровень значимости связей высокий (p -уровень $\leq 0,001$), то есть обнаруженные корреляции статистически значимы.

В результате воссоздания модели развития российской науки (с точки зрения респондентов) было выяснено, что все области развития, которые учтены в анкете (блок социально-экономической депривированности; блок чувствительности к политическим изменениям и блок, отражающий разные аспекты научной деятельности в вариантах традиционной и современной науки) оказались включенными в корреляционные связи, обладающие относительно сильным весом. Студенты, принимающие участие в исследовании, достаточно согласованно (стереотипизированно) увидели следующую картину научных приоритетов современной российской науки (рис. 1).

Из семи пунктов, описывающих на рисунке социально-экономическую жизнь науки, шесть оказались тесно связанными как между собой, так и с другими аспектами научной жизни – из политической сферы, а также с научными традициями и современными направлениями развития науки. Интерес к экономической сфере в модели представлен активным использованием сегмента «экономика» (наличие пунктов, включенных в корреляционные связи, и количество сильных связей между ними), однако, по сути, этот интерес отражает признание социально-экономической депривированности науки. Студенты считают, что российской науке необходимо финансирование (и от государства, и от бизнеса; между данными пунктами самая сильная связь – $r \geq 0,76$), чтобы финансовые средства не были коррупционно использованы (чтобы действительно финансировалась наука, без злоупотреблений), чтобы можно было обновить материально-техническую базу лабораторий, а экономическое благополучие было как у зрелых, так и у молодых ученых.

Блок, раскрывающий социально-экономическое положение науки в данной модели, наиболее тесно связан с блоком, отражающим чувствительность науки к политическим изменениям. Все «политические позиции», заложенные в анкете, проявились в выраженных корреляционных связях. В современных политических условиях студенты относительно согласованно осознают необходимость развития исследований в области оборонной промышленности, в области противодействия санкциям недружественных стран и решения задач в области импортозамещения. Поскольку в большинстве участники исследования представляли социальные науки и медицину, в модель научных приоритетов вошел пункт, отражающий готовность студентов принимать посильное участие в политическом противостоянии страны угрозам на социогуманитарном поприще.

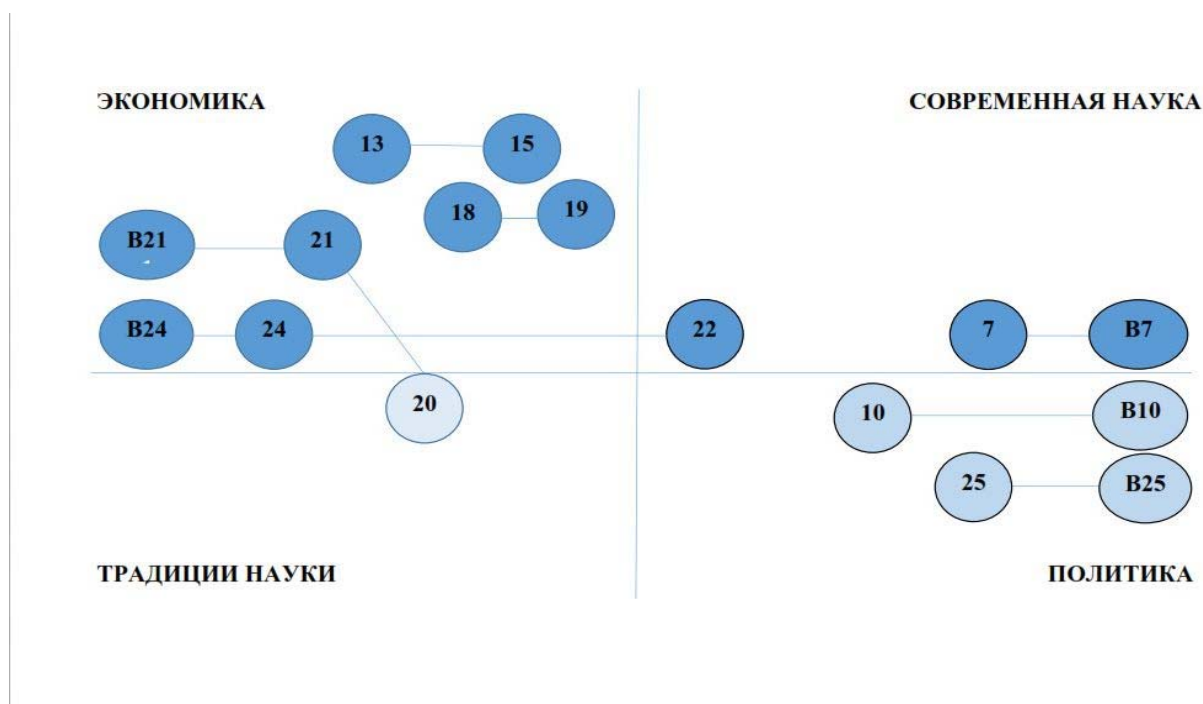
Рис. 1. Модель российской науки в представлениях студенческой молодежи

Примечание: 6 – научное сопровождение развития креативных индустрий; 8 – развитие исследований в области туризма и транспорта; 9 – исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 11 – исследования, ориентированные на решение экологических проблем; 12 – развитие технопарков; 13 – экономическое благополучие ученых; 14 – свободное творчество и мобильность ученых; 15 – противодействие коррупции в обществе и науке; 17 – научное международное сотрудничество; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие наук о космосе; 23 – переориентация научных исследований на задачи импортозамещения; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

Пункты анкеты, раскрывающие приоритеты, традиционные для «классической науки» (творчество, личностный рост, свобода и международное сотрудничество), также посредством относительно сильных корреляций оказались связанными с экономическим блоком. Поскольку в области традиций «потерялся» пункт о роли фундаментальной науки, этот блок можно охарактеризовать и как «романтический», ориентированный на идеалистические цели (творчество, свобода и т.п.). В то же время из десяти пунктов анкеты, описывающих возможные направления развития, актуальные для современной науки, устойчивые позиции заняли: «креативные индустрии», «туризм», «экология», «технопарки» и «космос». Очевидно, что креативные индустрии, туризм, экология отражают собственные интересы участников исследования, а значимость технопарков и развития «космических исследований» обусловлена влиянием СМИ и популярной культуры.

Таким образом, модель развития науки России в интерпретации российской студенческой молодежи из различных регионов, преимущественно нестоличных жителей, строится на убеждении в необходимости экономической поддержки науки, включает патриотическую направленность респондентов, романтизм и открытость для идей популярной культуры.

Насколько данные тенденции проявляются при размышлении о приоритетах развития науки в других странах, рассмотрим далее на примере развития науки Запада. Корреляционные связи между мнениями в анкете становятся сильными, если многие участники анкетирования осуществляют схожий выбор. Однако в случае с наукой Запада мнения опрошенных оказались менее согласованными, чем суждения о развитии российской науки, поэтому «западная модель» оказалась более простой (единство мнений присутствовало лишь в небольшой части пунктов). Модель науки Запада оказалась представленной фактически через две основные области – экономику и политику (рис. 2).

Рис. 2. Модель науки Запада в представлениях студенческой молодежи

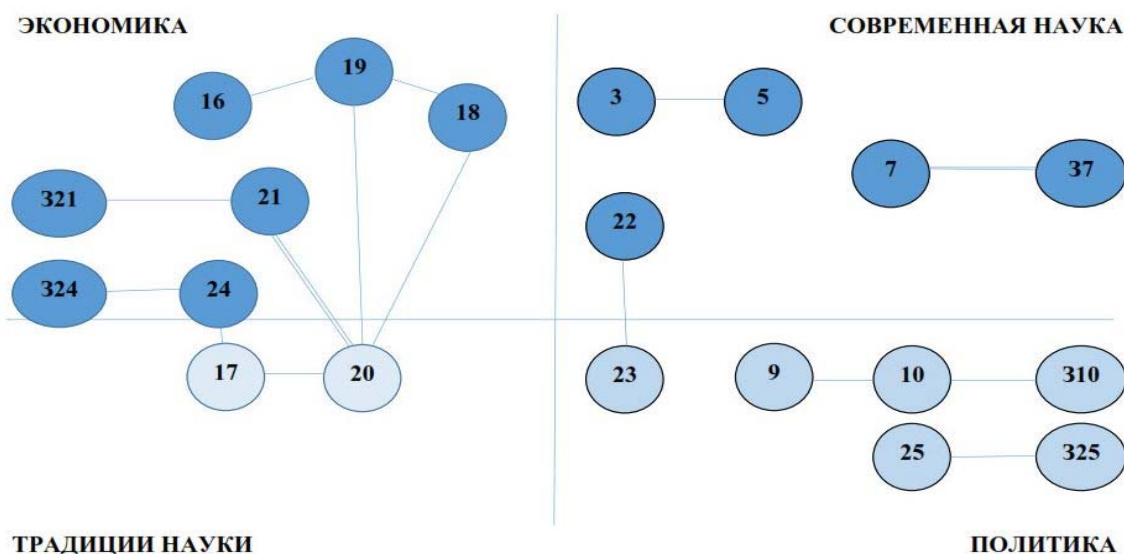
Примечание: буква В до числа означает принадлежность к науке Востока; 7 – развитие исследований в медицине; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 13 – экономическое благополучие ученых; 15 – противодействие коррупции в обществе и науке; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие науки о космосе; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

Как и в России, наука Запада представлена посредством роли экономической поддержки со стороны государства и бизнеса как борющаяся с коррупцией, обеспечивающая экономическое благополучие зрелых и молодых ученых, а также вкладывающая средства в развитие научной инфраструктуры. Из научных традиций наиболее согласованное положение – у пункта о личностном росте ученого: в данной модели (как и в модели российской науки) это связывается с поддержкой молодых ученых.

Блок, характеризующий развитие современных тенденций, представлен скудно: с точки зрения опрошенных, только космос и медицина устойчиво вписаны в приоритеты западной науки. Всемирно известные сериалы-бестселлеры о науке «Теория большого взрыва» (о физиках), телесериал American Fox «Кости» (о судебном антропологе), популярные также и в России, – именно об американской науке. Возможно, научные тренды (космос и медицина) могли быть приписаны науке Запада на основе стереотипов из популярной культуры (сериалов и СМИ).

Слабость данной модели (в отличие от модели российской науки) проявляется в небольшом количестве связей между компонентами, что свидетельствует о размытых стереотипах, несогласованном представлении российских студентов о том, что же такое наука Запада. Отличительной особенностью модели науки Запада является проявление корреляционных связей между наукой Запада и Востока (позиции B21, B24, B7, B10, B25). Развитие исследований в медицине, личностный рост ученого, поддержку молодых исследователей и обновление материально-технического оснащения участники анкетирования считают характеристиками, необходимыми науке как на Западе, так и на Востоке, то есть эти области в представлениях студентов максимально стереотипизированы в отношении зарубежной науки.

Что касается модели науки Востока, она оказалась более насыщенной устойчивыми связями, чем модель науки Запада (рис. 3).

Рис. 3. Модель науки Востока в представлениях студенческой молодежи

Примечание: буква З до числа означает принадлежность к науке Запада; 3 – развитие информационных технологий; 5 – развитие стратегических компьютерных технологий; 7 – развитие исследований в медицине; 9 – исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны; 10 – развитие социогуманитарных исследований в области противодействия ... угрозам; 16 – конкуренция в науке: построение карьеры с опорой на достижения; 17 – научное международное сотрудничество; 18 – грантовая поддержка науки со стороны государства; 19 – грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса; 20 – личностный рост ученого; 21 – поддержка молодых исследователей; 22 – развитие наук о космосе; 23 – переориентация научных исследований на задачи импортозамещения; 24 – обновление материально-технического оснащения научных подразделений; 25 – развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран

В социально-экономической области модель науки Востока сохраняет необходимость тесной связи между финансированием науки со стороны государства и бизнеса, однако прирастает новой связью пункта о «грантах от бизнеса» – с приоритетом научной конкуренции (против семейственности в науке). В области научных традиций появляется новая связь: международное сотрудничество связывается с личностным ростом ученого и обновлением материально-технической научной базы. В области политики у «восточной модели» больше общего с российской («оборонка», импортозамещение). В области современных исследований появляются позиции, связывающие приоритеты по развитию компьютерных технологий.

Модели науки Востока и Запада отчасти схожи (выраженные корреляции между пунктами в анкете о медицине, о поддержке молодежи и т.д.), однако модель науки Востока более насыщена элементами и корреляциями и более похожа на модель российской науки. Таким образом, основная гипотеза исследования не подтвердилась. Модель российской науки в восприятии студенческой молодежи оказалась детализированной и стереотипизированной (сложившейся, устойчивой, со значительным количеством средне-сильных и сильных корреляций), модель науки Запада – бедной содержательно и устойчивыми связями, модель науки Востока – занимающей промежуточное положение между российской моделью и западной (то есть стереотипы о науке Востока в понимании опрошенных ближе стереотипам о российской науке, чем о науке Запада).

Обсуждение результатов: геополитический образ науки

Социальные представления и стереотипы при изучении системы геополитических взглядов оцениваются исследователями как платформа для согласованного, консолидированного отношения населения к действиям власти во внешней и/или внутренней политике и воспринимаются в позитив-

ном ключе – как эмоциональная поддержка со стороны населения, залог согласия в обществе. Исследования, направленные на выяснение геополитических координат современной российской молодежи, проводились и ранее, также в формате пилотных исследований, с опорой на качественные методы (Борисова, Фурманова, 2021). Так, Е. Г. Борисовой и С. Л. Фурмановой в процессе фокус-группового исследования было выяснено, что стереотип равнения на США в сознании студентов вытесняется приятным отношением к Востоку (прежде всего к Китаю), в то же время сохраняется стереотип об уникальном пути, который должна пройти Россия в поисках своей геополитической локации.

Результаты данного научного проекта согласуются с исследованием Е. Г. Борисовой и С. Л. Фурмановой. Скучная на элементы и связи модель науки Запада говорит о том, что у опрошенных студентов размыт единый образ (стереотип) западной науки. В популярной культуре в позитивном ключе преподносится именно западная наука (то есть стереотипы именно о западной науке должны были быть наиболее выраженными), однако при заполнении анкеты эти стереотипы не проявились. Мы полагаем, размывание возможного позитивного стереотипа о западной науке стало следствием перестройки геополитических координат российского общества. Корреляционные связи фиксируют только устойчивые стереотипы: если часть участников исследования переоценила свое мнение о науке Запада, модель восприятия западной науки также потеряла часть устойчивых элементов.

В то же время модель науки Востока оказалась относительно стереотипизированной и насыщенной элементами, а также более схожей с моделью науки России. Мы полагаем, что данный факт обусловлен результатами работы такого механизма социальной перцепции, как ингрупповой фаворитизм (тенденция более позитивно оценивать представителей «своей» группы) (Семенова, 2021): опрошенные студенты в своих геополитических оценках и отношениях уже «переключились» на Восток, склонны оценивать Восток как «свой», более близкий России (часть стереотипов о российской науке переносится и на Восток), что способствует формированию устойчивого (стереотипного) образа.

Модель российской «воображаемой» науки, согласно исследованию, оказалась согласованной (стереотипизированной) у студентов из разных предметных областей и разных регионов России. В данной модели нашла отражение и «политическая составляющая»: студенты отозвались на все позиции в анкете, имеющие отношение к безопасности их страны, связав политические интенции с современными научными трендами и экономическими проблемами. Мы полагаем, модель «воображаемой» российской науки отражает патриотическую направленность опрошенных, поскольку в преобладающих связях проявляется заинтересованность и забота о состоянии российской науки и страны в целом.

В качестве наиболее актуальных научных тенденций студенческая молодежь, принимающая участие в исследовании, отмечает те области развития науки, которые имеют отношение к их образованию («Развитие социогуманитарных исследований...»), следовательно, стереотипизированный образ науки складывается с опорой на повседневный опыт. Исследователи, уделяя внимание роли музыки, фильмов, художественной литературы и т.д. в формировании геополитических образов (Масага, 2020; Pfoser, 2022; Whittaker, 2022; и др.), вклад СМИ отражают в единичных исследованиях (Радина, 2021; Sullivan, Lee, 2018), однако именно СМИ ежедневно транслируют свое видение разных территорий. Экология, космос, туризм и технопарки (оказавшиеся сцепленные корреляционными связями) – как актуальные области развития науки в России – наиболее вероятно отразились в мнениях опрошенных именно из услышанного, увиденного и прочитанного в СМИ.

Общей характеристикой всех моделей «воображаемой» науки является выраженная стереотипизация экономической сферы: экономические проблемы науки, ее финансирование и недофинансирование, формируют наиболее сильные корреляционные связи. Подобная фиксация говорит о том, что участники исследования наиболее остро чувствуют именно социально-экономическую депривацию и, вероятно, сами находятся в ситуации «недофинансирования».

Анализ результатов исследования показывает, что студенческая молодежь в условиях информационного поля о санкциях против России в своих геополитических установках спонтанно формирует направленность российской науки на Восток: эта переориентация складывается стихийно, основывается на повседневном опыте и базовых психологических механизмах.

В то же время используемая в исследовании анкета дает поверхностный взгляд на стереотипизацию образа науки и не затрагивает глубинных причин стереотипизации. Так, сближение «воображаемой российской науки» и «воображаемой науки Востока» может быть обусловлено не только их близостью (поворотом России на Восток), но и дистанцированием западной – возможно, более

«продвинутой» – науки. Иными словами, не только идея «поворота» значима при рефлексии общественных геополитических стереотипов о науке, но и проблема отсталости, неуверенности в достижении научного лидерства.

* * *

«Поворот на Восток», который совершает Россия, предполагает самые разные действия, в том числе связанные с разъяснением и информированием населения о перспективах российского общества в новых условиях. Молодежь принимает необходимость «поворота», однако «восточное направление» содержательно требует дополнительной информационной поддержки (в СМИ, художественной продукции и т.п.). Если же учесть роль повседневного опыта в формировании стереотипов (в том числе и геополитических), университетская среда (молодежные международные семинары, конференции, встречи, онлайн-сообщества и т.п.) могла бы выполнять полезную работу по насыщению деталями этой «восточной ориентации», которая определяется как центральный путь развития российской науки на ближайшие десятилетия.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в рамках программы «Приоритет 2030» в ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Список литературы / References

- Борисова, Е. Г., Фурманова, С. Л. (2021) 'Россия: Восток или Запад? Образ России в картине мира современного студента', *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 7 (2), сс. 17–24. DOI: 10.22250/2410-7190_2021_7_2_17_24 [Borisova, E. G., Furmanova, S. L. (2021). 'Russia: Is it East or West? The image of Russia in the world view of a modern student' [Rossiya: Vostok ili Zapad? Obraz Rossii v kartine mira sovremennogo studenta], *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 7 (2), pp. 17–24. DOI: 10.22250/24107190_2021_7_2_17_24 (In Russ.)].
- Го, Л. (2020) 'Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации', *Научный диалог*, 1 (10), сс. 26–36. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36 [Guo L. (2020) 'The Image of Digital China in the Russian Media' [Obraz tsifrovogo Kitaya v rossiiskikh sredstvakh massovoi informatsii], *Nauchnyi dialog*, 1 (10), pp. 26–36. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36 (In Russ.)].
- Говоров, Ю. Л. (2003) *Западный и восточный векторы внешней политики в истории России (цивилизационный аспект) в: Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, сс. 76–85 [Govorov, Yu. L. (2003) *Western and Eastern vectors of foreign policy in the history of Russia (civilizational aspect)* [Zapadniy i vostochniy vektory vneshnei politiki v istorii Rossii (tsivilizatsionnyi aspekt)] in: *Rossiya i Evropeiskii soyuz: strategiya vzaimodeistviya* [Russia and the European Union: interaction strategy] Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 76–85 (In Russ.)].
- Долгова, Е. (2021) 'Женщина-ученый в советском кинематографе 1920–1950-х гг.: ассистент, исследователь, руководитель' в: (ред) Илизаров С.С., Самарина А.Ю. *О женщинах в науке и не только*. М.: Янус-К, сс. 100–115 [Dolgova, E. (2021) 'Female scientist in Soviet cinema of the 1920s–1950s: assistant, researcher, leader' [Zhenshchina-ucheniy v sovetskom kinematografe 1920-1950-kh gg.: assistent, issledovatel', rukovoditel] in: (red) Ilizarov S.S., Samarina A.Yu. *O zhenshchinakh v nauke i ne tol'ko*. Moskva: Yanus-K, pp. 100–115 (In Russ.)].
- Иванова, С. А. (2017) 'Образ ученого в советской художественной литературе 1920-х годов' в: *Актуальные вопросы филологической науки XXI в. Часть 2*, Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, сс. 235–244. [Ivanova, S.A. (2017) 'The image of a scientist in Soviet fiction of the 1920s' [Obraz uchenogo v sovetskoj khudozhestvennoi literature 1920-kh godov] v: *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka* [Actual issues of philological science of the 21st century] Chast' 2, Eka-

- terinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI, pp. 235–244. (In Russ.).
- Медведева, С. М. (2014) ‘Российская наука и государство: образ учёного в современном российском кино’, *Вестник МГИМО-Университета*, 2 (35), сс. 184–192. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192 [Medvedeva, S.M. (2014) ‘Russian Science and Russian State: Image of a Scientist in Modern Russian Cinema’ [Rossiiskaya nauka i gosudarstvo obraz uchenogo v sovremenom rossiiskom kino], *MGIMO Review of International Relations*, 2 (35), pp. 184–192. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-184-192 (In Russ.)].
- Пархоменко, Т. А. (2021) ‘Российская цивилизация: между Западом и Востоком’. М.: Институт наследия, 152 с. [Parkhomenko, T. A. (2021) *Russian civilization: between West and East* [Rossiiskaya tsivilizatsiya: mezhdru Zapadom i Vostokom]. Moskva: Institut naslediya, 152 p. (In Russ.)].
- Пушкарева, Н. Л. (2020) ‘Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в «дооттепельном» советском кинематографе (1945–1955 гг.)’, *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*, 6 (2), сс. 143–148. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-2-143-148 [Pushkareva, N.L. (2020) ‘Social memory of the life and everyday life of a woman scientist in “pre-thaw” Soviet cinema (1945–1955)’ [Sotsial'naya pamyat' o byte i povsednevnosti zhenshchiny-uchenoj v «doottepel'nom» sovetskom kinematografe (1945–1955 gg.)], *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*, 6 (2), pp. 143–148. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-2-143-148 (In Russ.)].
- Радина, Н. К. (2021) ‘Воображаемая геополитика’ в российском медийном дискурсе о коронавирусе’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 110–124. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.08 [Radina, N. K. (2021) ‘Imagined Geopolitics’ in the Russian Media Discourse on Coronavirus’ [Voobrazhaemaya geopolitika’ v rossiiskom mediinom diskurse o koronavirusе], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 110–124. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.08 (In Russ.)].
- Радина, Н. К. (2023) ‘Медийные модели пропаганды: пандемия COVID-19 в русскоязычных СМИ с ‘другим мнением’», *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 138–151. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.10 [Radina, N. K. (2023) ‘Media models of propaganda: the COVID-19 pandemic in Russian-language media with a ‘different opinion’ [Mediinye modeli propagandy: pandemiya COVID-19 v russkojazychnykh SMI s ‘drugim mneniem’]», *Polis. Political Studies*, 4, pp. 138–151. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.10 (In Russ.)].
- Семенова, Е. С. (2006) ‘Психологические механизмы восприятия образов ‘своего’ и ‘чужого’ политических лидеров (на примере образов В. В. Путина и Г. Шредера)’, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 6, сс. 86–94 [Semenova, E. S. (2006) ‘Psychological mechanisms of perception of images of “one’s own” and “alien” political leaders (using the example of the images of V.V. Putin and G. Schroeder) ’ [Psikhologicheskie mekhanizmy vospriyatiya obrazov ‘svoego’ i ‘chuzhogo’ politicheskikh liderov (na primere obrazov V. V. Putina i G. Shredera)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 6, pp. 86–94 (In Russ.)].
- Струков, В. (2020) ‘Популярная геополитика в предметном поле memory studies: метод и перспективы’, *Новое прошлое. The new Past*, 1, сс. 241–244. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-240-244 [Strukov, V. (2020) ‘Popular geopolitics in the subject field of memory studies: method and prospects’ [Populyarnaya geopolitika v predmetnom pole memory studies: metod i perspektivy], *Novoe proshloe. The new Past*, 1, pp. 241–244. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-240-244 (In Russ.)].
- Тимофеев, И. Н. (2022) ‘Политика санкций против России: новый этап’, *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3 (55). сс. 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 [Timofeev, I. N. (2022) ‘Politika sanktsii protiv Rossii: novyi etap’ [Policy of sanctions against Russia: Newest stage], *Journal of the New Economic Association*, 3(55). pp 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 (In Russ.)].

- Трищенко, Н. Д. (2022) 'Культура отмены в науке как следствие медиатизации', *Вестник ВГУ. Серия 'Филология. Журналистика'*, 3, сс. 152–155. [Timofeev, I. N. (2022) 'Cancel culture in science as a consequence of mediatization' [Politika sanktsii protiv Rossii: novyi etap], *Proceedings of Voronezh State University, Series: Philology. Journalism*, 3, pp. 152–155 (In Russ.)].
- Тхагапсоев, Х. Г., Якутлов, М. М. (2022) 'Раставаясь, обрести: к ориентирам «пост-болонского» развития вузовского образования в России», *Высшее образование в России*, 31 (10), сс. 44–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-44-55 [Tkhagapsoev, Kh. G., Yakhutlov, M.M. (2022) 'Giving up to Gain: Towards the Benchmarks of the 'Post-Bologna' Development of Higher Education in Russia' [Rastavayays', obresti: k orientiram 'post-bolonskogo' razvitiya vuzovskogo obrazovaniya v Rossii], *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 31 (10), pp. 44–55. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-44-55 (In Russ.)].
- Хренов, Н. (2013) 'Русская культура на перекрестке Запада и Востока, Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России', *Искусствознание*, 3-4, сс. 110–148. [Khrenov, N. (2013) 'Russian culture at the crossroads of West and East, Russia as the subconscious of the West. The East as the subconscious of Russia' [Russkaya kul'tura na perekrestke Zapada i Vostoka, Rossiya kak podsoznanie Zapada. Vostok kak podsoznanie Rossii], *Iskusstvovznanie*, 3-4, pp. 110–148. (In Russ.)].
- Chatterjee, S. (2021) 'On the Theory of Knowledge Resource Inequality: Role of Knowledge Capital in Social Transformation', *MPRA Paper*, 105221, Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/105221/> (Accessed: 23.10.2023).
- Dittmer, J. (2010) '*Popular culture, geopolitics and identity*'. Plymouth: Rowman & Littlefield, 248 p.
- Dittmer, J., Gray, N. (2010) 'Popular geopolitics 2.0: Towards new methodologies of the everyday', *Geography Compass*, 4 (11), pp. 1664–1677.
- Ghourchi, M., Mosaviyan, S. S. (2021) 'The Role of Hollywood Cinema in Geopolitical Representation of the Middle East', *Geopolitics Quarterly*, 16 (4), pp. 10–35. DOI: 20.1001.1.17354331.1399.16.60.2.4
- Macała, J. (2020) 'China in the Geopolitical Imaginations of the Polish Pop Music after 1989', *Polish Political Science Yearbook*, 49 (4), pp. 37–47. DOI: 10.15804/psy2020403
- Pfoser, A., Yusupova, G. (2022) 'Memory and the everyday geopolitics of tourism: Reworking post-imperial relations in Russian tourism to the 'near abroad'', *Annals of Tourism Research*, 95, pp. 103437. DOI: 10.1016/j.annals.2022.103437
- Stehr, N., Ufer, U. (2008) 'Globale Wissenswelten', *Berliner Republik*, 5, Available at: <http://www.b-republik.de/archiv/globale-wissenswelten> (Accessed: 23.10.2023).
- Sullivan, J., Lee, D.S. (2018) 'Soft Power Runs into Popular Geopolitics: Western Media Frames Democratic Taiwan', *International Journal of Taiwan Studies*, 1 (2), pp. 273–300. DOI: 10.1163/24688800-00102003
- Vivas-Peraza, A.C. (2022) 'The role of women in STEM disciplines. A multimodal analysis of crowdfunding project videos for the iGEM science competition', *Science, society, technological and communicational transformations*, 12 (2), pp. 228–251. DOI: 10.24197/st.2.2022.228-251
- Weingart, P. (2022) 'Trust or attention? Medialization of science revisited', *Public Understanding of Science*, 31 (3), pp. 288–296. DOI: 10.1177/09636625211070888
- Weitekamp, M. A. (2017) 'The image of scientists in The Big Bang Theory', *Physics Today*, 70 (1), pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.1063/PT.3.3427>
- Whittaker, N. (2022) 'Popular geopolitics and political memoir: Geopolitical expertise and force majeure as foreign policy justifications in Tony Blair's A Journey', *Political geography*, 98, pp. 102696. DOI: 10.1016/j.polgeo.2022.102696
- Woodyer, T., Carter, S. (2020) 'Domesticating the Geopolitical: Rethinking Popular Geopolitics through Play', *Geopolitics*, 25 (5), pp. 1050–1074. DOI: 10.1080/14650045.2018.1527769

Опросник «Научные приоритеты» (автор – Н. К. Радина)

Инструкция: Перед Вами возможные приоритеты развития науки в ближайшем будущем. Отметьте, пожалуйста, те позиции, которые, на Ваш взгляд, наиболее точно отражают реальность сегодняшнего дня (с учетом различных мнений и позиций). Вы можете отметить любое число приоритетов (на Ваше усмотрение):

1. Форсайт-исследования (прогнозирование и конструирование будущего).
2. Развитие фундаментальной науки.
3. Развитие информационных технологий и обустройство национальной цифровой информационной среды.
4. Социогуманитарная поддержка цифровизации общества (исследования в области социальных и гуманитарных наук).
5. Развитие стратегических компьютерных технологий и программного обеспечения.
6. Научное сопровождение развития креативных индустрий (литературного творчества, дизайна, телевидения, музыкального искусства, моды, архитектуры, разработки программного обеспечения для креативных индустрий и др.).
7. Развитие исследований в медицине и в области биотехнологий для улучшения человеческой жизни.
8. Развитие исследований в области туризма и транспорта.
9. Исследования, ориентированные на оборонную промышленность и безопасность своей страны.
10. Развитие социогуманитарных исследований в области противодействия современным информационным, биологическим и т.д. угрозам.
11. Исследования, ориентированные на решение экологических проблем (включая все возможные научные поля).
12. Развитие технопарков для реализации инновационных проектов.
13. Экономическое благополучие ученых.
14. Свободное творчество и мобильность ученых вне рамок и границ.
15. Противодействие коррупции в обществе и науке.
16. Конкуренция в науке: построение карьеры с опорой на достижения, противодействие «кастовости» и семейственности в науке, блокирующим исследователей без «связей».
17. Научное международное сотрудничество исследовательских групп, центров и университетов.
18. Грантовая поддержка науки со стороны государства.
19. Грантовая поддержка науки и заказы со стороны бизнеса.
20. Личностный рост ученого.
21. Поддержка молодых (начинающих) исследователей.
22. Развитие наук о космосе, космических аппаратах и исследования в космосе.
23. Переориентация научных исследований на задачи импортозамещения.
24. Обновление программного обеспечения и материально-технического оснащения научных подразделений.
25. Развитие исследований в области противодействия санкциям недружественных стран (право, экономика, финансы и т.д.).

Модальности:

1. Важно для меня.
2. Готов участвовать.
3. Важно для моего факультета.
4. Важно для моего университета.
5. Важно для российской науки.
6. Важно для развития науки и университетов в странах Востока.
7. Важно для развития науки и университетов в странах Запада.
8. Важно для развития науки вне границ и времен.

Опросник состоит из следующих блоков информации:

- Традиционные представления о развитии науки (пп. 2, 14, 17, 20).
- Ориентация на актуальные тенденции (пп. 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 22).
- Блок социально-экономической депривированности (пп. 13, 15, 16, 18, 19, 21, 24).
- Чувствительность к политическим изменениям (пп. 9, 10, 23, 25).

Статья поступила в редакцию: 25.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**EAST AND/OR WEST: PERCEPTIONS OF RUSSIAN SCIENCE
IN THE CONTEXT OF POPULAR GEOPOLITICS**

N. Radina, A. Kozlova, S. Tarasov

Nadezhda Radina, Doctor of Sc. (Polit. Sc.), Professor,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Russia.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Anastasia Kozlova, Research Engineer,
PJSC Sberbank, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2629-9157).

Semyon Tarasov, postgraduate student, junior researcher,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: sementarasovvas@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8790-7219. ResearcherID: AEF-5943-2022).

Abstract

At the end of the 20th century Russia demonstrated rapprochement with the western science, but in the 21st century, it made a 'turn to the East'. This article aimed to reconstruct the models of the development of science oriented to the East and the West, as they are understood by students, as well as the model of the development of Russian science. The study collected empirical data through a questionnaire consisting of statements organized into four thematic blocks: traditional ideas about the development of science, focus on current trends, socio-economic deprivation, and sensitivity to political changes. The sample size consisted of 387 students from Voronezh, Kirov, Kursk, Moscow, and Nizhny Novgorod. A correlation analysis was conducted and models of science in Russia, East, and West were developed based on the results. The study concluded that students' ideas about science have already made a 'turn to the East'. The model of the 'science of the East' may be more similar to the model of Russian science due to the mechanism of social perception known as ingroup favoritism. The stereotyped image of science is often based on everyday experiences and media representations. Therefore, it is possible to influence geopolitical stereotypes about science through popular culture as well as international university events.

Keywords: popular geopolitics; science; Knowledge society; West; East.

Обзоры

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-135-144

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. И. Богачёв, А. Д. Фридман (Лапай)

Богачёв Максим Игоревич, кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт наследия и современного общества, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
E-mail: mboigachev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9980-935. ResearcherID: K-4244-2015).

Фридман (Лапай) Анна Денисовна, бакалавр международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: annalapa@gmail.com (ORCID: 0009-0007-6785-4317. ResearcherID: JAX-4362-2023).

Аннотация

Рассматриваются подходы к определению социетальной безопасности в рамках теории Копенгагенской школы, ее последователей и критиков, а также элементы, участвующие в формировании социетальной безопасности как дискурсивной практики. Отмечается, что социетальная безопасность, изначально выделенная Копенгагенской школой как сектор государственной безопасности, постепенно стала рассматриваться как безопасность сообществ, в том числе тех, чьи границы не совпадают с государственными. Вместе с тем ряд подходов рассматривают государственную безопасность как часть социетальной и отмечают социетализацию остальных секторов безопасности. Показывается, что дискурс социетальной безопасности формируется под воздействием идентичностей социетальных акторов и одновременно конструирует их, поскольку в нем происходит взаимное определение сущностей и границ идентичностей друг относительно друга. Это разграничение происходит в процессе секьюритизации, в рамках которого именуется референтные объекты безопасности и угрозы. Секьюритизация и формирование дискурса социетальной безопасности осуществляется в ходе взаимодействия секьюритизирующего актора (или агента) и аудитории. Секьюритизация и контрсекьюритизация, порождающие динамику взаимодействия антагонистических идентичностей, каждая из которых стремится усилить себя относительно другой, тем самым провоцируя ее ответное усиление, составляют дилемму социетальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность; социетальная безопасность; дилемма социетальной безопасности; секьюритизация; дискурс; идентичность; международные отношения.

В традиционном понимании термин «безопасность» долгое время означал исключительно отсутствие объективных и преимущественно военных угроз. При этом безопасность понималась как национальная безопасность и связывалась непосредственно с государством. Однако после холодной войны понятие безопасности было переосмыслено, в частности возникли такие концепты, как «экономическая безопасность», «экологическая безопасность», «общественная безопасность», «безопасность человека» и др. Такое деление безопасности на сектора произошло из-за того, что в фокусе дисциплины международных отношений наряду с государственными акторами оказались негосударственные (Aaltola & Juntunen, 2018; Морозова, 2016). Их включение в процессы мировой политики обусловило необходимость рассмотрения безопасности как дискурсивной практики, в ходе которой определяются референтные объекты и угрозы, происходит разграничение и фиксация идентичностей друг относительно друга.

Значительный вклад в переосмысление категории «безопасность» внесла Копенгагенская школа международных отношений. Ее представители разработали теорию секьюритизации, заточен-

ную на исследование того, каким образом производятся смыслы в сфере безопасности, а также предложили понятие «социетальная безопасность», которое позволило по-новому взглянуть на взаимодействие негосударственных акторов в сфере безопасности.

Однако исследователями отмечается, что в российском академическом пространстве понятие социетальной безопасности используется спорадически, причем в вариативных значениях: в одних случаях социетальную безопасность понимают как часть национальной безопасности, в других – приравнивают к устойчивому развитию, а в третьих – отождествляют с общественной безопасностью (Сергунин, 2021; Романова, 2021). В связи с этим мы полагаем необходимым осветить вопрос о том, какое видение социетальной безопасности было изначально предложено Копенгагенской школой, как оно преломилось в работах последователей и критиков, а также рассмотреть, какие элементы участвовали в формировании дискурса социетальной безопасности.

Социетальная безопасность: подходы к определению

Основополагающую роль в формировании нового подхода к пониманию безопасности сыграл Копенгагенский институт исследований мира (The Copenhagen Peace Research Institute – COPRI), представители которого (Барри Бузан, Оле Вевер, Якобус Хубертус де Вильде, Пол Рое) составили ядро так называемой Копенгагенской школы международных отношений. Одной из разработанных этой школой и доработанной ее критиками категорий стала социетальная безопасность. Социетальная безопасность, фокусирующаяся на способности общества сохранять свою идентичность даже в условиях глобальных перемен, рассматривалась одновременно и как часть государственной безопасности, и как часть безопасности сообществ, в особенности тех, что не представлены каким-либо государством (баски, курды, цыгане, тибетцы). Таким образом, в отличие от традиционного понимания безопасности, в рамках концепции социетальной безопасности предполагалось, что сообщества, подобно государствам, могут обеспечивать собственную безопасность, пусть и в меньших масштабах.

Одним из первых в научный оборот категорию «социетальная безопасность» ввел идейный вдохновитель Копенгагенской школы Барри Бузан, который выделил пять секторов государственной безопасности: военный, политический, экономический, социетальный и экологический (Buzan, 1983). Данное разделение нельзя считать строгим, поскольку «все они сплетены вместе в прочную сеть взаимосвязей» и оказывают влияние друг на друга (Buzan, 1991: 433). Более того, количество возможных секторов вовсе не ограничено этими пятью и их типы зависят оттого, как разворачиваются дискурсы безопасности (Albert & Buzan, 2011). По определению Б. Бузана, «социетальная безопасность касается способности обществ воспроизводить свои традиционные паттерны языка, культуры и общения, а также религиозную и национальную идентичность и обычаи в рамках допустимых условий для развития» (Buzan, 1991: 433). Таким образом, идентичность не воспринимается как нечто абсолютно стабильное, напротив, она способна развиваться, меняться. Социетальная безопасность для Б. Бузана является сектором государственной безопасности, а общество он описывает как социальное, культурное, психологическое образование внутри государства (Buzan, 1983). При этом государства могут оказаться в небезопасности из-за угроз их обществам (Roe, 2007).

Иное понимание социетальной безопасности и ее соотношения с государственной безопасностью присутствует в работах датского политолога Оле Вевера. Понимая социетальную безопасность схожим с Б. Бузаном образом как «способность общества сохранять свой существенный характер, несмотря на изменяющиеся условия и возможные или актуальные угрозы», и как «защиту сообщества от предполагаемой угрозы его идентичности», он, однако, предложил осмыслять «общество как независимый объект безопасности, а социальных акторов – как самостоятельных потенциальных игроков в сфере безопасности» (Wæver, 1993: 23). Вместо оптики, в которой государственная безопасность разделялась на пять секторов, он предложил оптику, в которой социетальная безопасность воспринималась дуально: с одной стороны, она оставалась частью государственной безопасности, но с другой – общество само по себе, безотносительно государства, становилось референтным объектом безопасности (Wæver, 1993: 25).

Понимание идентичности общества у О. Вевера близко к пониманию государственного суверенитета. Так, в традиционном понимании безопасности «если государство теряет свой суверенитет, то оно не будет способно выжить как государство». В рамках же социетальной безопасности предполагается, что, «если общество теряет свою идентичность, оно не будет способно выживать как общество» (Wæver, 1993: 25). Подобный поворот к идентичности обществ и их безопасности был обусловлен тем, что многие общества не представлены конкретными государствами или не вписываются в их

границы (Roe, 2000). Более того, из-за несовпадения границ государственной и национальной или религиозной идентичностей «государственная и социетальная безопасность могут вступать в конфликт» (Ahmadian, 2019). В таком случае «увеличение государственной безопасности может привести к увеличению небезопасности некоторых социальных групп», и наоборот (Ahmadian, 2019; Nama, 2017). Проблема «пробелов идентичности» (state-society identity gap) характерна для Ближнего Востока, где, с одной стороны, есть арабская и мусульманская идентичности, охватывающие все государства региона и оказывающие влияние на векторы их политики, а с другой – есть этнические и религиозные меньшинства, чьи права государства могут нарушать (Ahmadian, 2019; Nama, 2017).

Другой подход в рамках посткопенгагенской школы состоит в том, что, поскольку все сектора безопасности и сама государственная безопасность в конечном итоге направлены на защиту общества и создание благоприятных условий для его развития, социетальная безопасность не является секторальной или параллельной относительно государственной безопасности, а «имеет наивысший приоритет и подчиняет себе все другие сектора политики безопасности» (Vitkus, 2018: 146).

Особый взгляд на взаимодействие государственной и социетальной безопасности предлагает скандинавская модель. В рамках данной модели предполагается, что обеспечение социетальной безопасности зависит от прозрачности государственного управления, верховенства права и стремления к равенству и социальному благополучию, которые должны сохраняться даже в условиях кризиса (Aaltola & Juntunen, 2018). Данная модель предполагает, что, поскольку угрозы в современном мире разнообразны и несут гибридный характер (“all hazard” approach), социетальная безопасность должна обеспечиваться как государственными, так и негосударственными акторами (Høyland, 2017). При этом обеспечение безопасности состоит не в защите от определенной угрозы, а в общем повышении устойчивости (resilience) сообщества (Sundelius & Eldeblad, 2023). Таким образом, скандинавская модель, являясь более прагматико-ориентированной, в большей степени уделяет внимание изучению институциональных и правовых рамок социетальной безопасности; при этом она не исключает и дискурсивного характера безопасности, поскольку признает ценности общества и его идентичность в качестве референтных объектов и указывает на связь между ними и институтами.

Множество подходов к определению социетальной безопасности демонстрируют сложности, связанные с делением безопасности на сектора. Это наряду с вовлеченностью негосударственных акторов в производство дискурсов безопасности, увеличением числа нетрадиционных угроз, необходимостью повышения резильентности сообщества ставит проблематику «переводов безопасности», поскольку наблюдается не столько расширение какого-то единого режима безопасности, сколько «одновременное распространение нескольких конкурирующих стилей и кодификаций [режима безопасности], которые все чаще пересекаются» (Berling et al., 2022: 5). Безопасность, в том числе социетальная, перестает рассматриваться как сфера деятельности конкретного государственного актора, а воспринимается как деятельность целой нации, сообщества (whole-of-nation activity) (Sundelius & Eldeblad, 2023): безопасность становится децентрализованной, индивидуализированной и интерсубъективной практикой, а ее содержание и практики ее обеспечения все в большей степени определяются дискурсами отдельных сообществ, и все сектора приобретают социетальный характер.

Взаимосвязь дискурса социетальной безопасности и идентичности

Центральным понятием в определении социетальной безопасности О. Вевера становится идентичность, поскольку «ключом к обществу является тот набор идей и практик, которые идентифицируют индивидов как членов социальной группы. Общество – это идентичность, самооценка сообществ и отдельных людей, идентифицирующих себя как членов сообществ» (Wæver, 1993: 24–25). Вместе с тем он не только приравнивает общество к идентичности, но и отмечает, что безопасность действует не на глобальном или индивидуальном уровне, а во взаимодействии сообществ, и поскольку сообщества сведены до их идентичности, то вопрос безопасности в рамках такого подхода оказывается связан с взаимодействием идентичностей (Roe, 2000).

Однако идентичность непостоянна, она меняется под воздействием условий и «не существует независимо от дискурсивных практик», которые как раз производят и воспроизводят определенный набор идей, ценностей и представлений (Морозова, 2016: 115). Вместе с тем необходимо учитывать и роль социального контекста. Контекст состоит, во-первых, в том, что сама идентичность может быть понимаема как «процесс переговоров между людьми и группами интересов», а во-вторых, связь между проблемами безопасности и идентичностью двусторонняя, под чем имеется в виду то, что не толь-

ко различие в идентичностях обозначает определенные угрозы, но и объективно существующие угрозы могут детерминировать конструирование и доминирование той или иной идентичности (Bilgic, 2013: 201). Иными словами, проблемы безопасности и идентичность взаимно определяют друг друга.

Так или иначе, участие многих социальных акторов в конструировании идентичности обуславливает неоднородность дискурса идентичности, которая «всегда находится в процессе переписывания» (Guzzini, 2022: 45). Тем не менее процессуальная неоднородная идентичность стремится к завершенности, что проявляется, во-первых, в том, что в ней возможна «фиксация и стабилизация одних идентичностей», происходящая за счет «замалчивания, вытеснения и исключения других, альтернативных нарративов и интерпретаций», а во-вторых, в том, что «идентичность конструируется как законченная и объективная только по отношению к тому, чем она не является» (Морозова, 2016: 115). Таким образом, стремление идентичности к законченности и возможность сконструировать идентичность законченной только по отношению к «Другому» обуславливает апелляцию к антагонизму как артикуляционной практике (Морозова, 2016: 116). При этом сохраняющаяся неоднородность идентичности обуславливает и неоднородность «Другого» (Guzzini, 2022: 57). Дискурс безопасности становится воплощением этого антагонизма, поскольку оказывается связан с конструированием образа «Себя» и образа «Другого», а множественность называемых в дискурсе угроз соответствует множественности ценностей, являющихся центральными для той или иной идентичности внутри образа «Себя» (Bilgic, 2013: 201). Таким образом, идентичность стремится к законченности, для чего ей нужен образ «Другого», и вместе с тем сохранение идентичности, то есть сохранение самого сообщества, становится для сообщества самоцелью, а не просто средством достижения других целей – и его сохранению препятствует «Другой», неся в себе угрозу для ценностей сообщества (Rhinard, 2020: 24). П. Рое отмечает, что О. Вевер подчеркивает эту двойную роль «Другого»: «он [«Другой»] необходим для моей идентичности и он же является тем, кто мешает мне быть полностью самим собой» (Roe, 2000).

Следует заметить, что «Другого» может представлять не только другой социальный актор, но и сам актор по отношению к самому себе, то есть идентичность может отстраиваться и от прежней доминирующей идентичности субъекта: так, например, «"Другой" Европы – это собственное прошлое Европы, которому не должно быть позволено претвориться в будущем» (Guzzini, 2022: 44). Это обозначает «саморефлексивный» характер идентичности и то, что актор во временном измерении не является тождественным самому себе в силу подвижности его идентичности.

В связи со стремлением идентичности к законченности и стабильности «любая попытка, предполагающая изменение идентичности, воспринимается как угроза безопасности», что и провоцирует изменения в реагирующей на угрозу идентичности (Guzzini, 2022: 46). Б. Бузан отмечает, что «угрозы идентичности – это всегда вопрос конструирования чего-то, угрожающего некому "мы" – и, следовательно, часто играющего роль в конструировании и воспроизведении "нас"» (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998: 120). В результате этого получается, что «Другой» и угрозы идентичности могут быть определяющими для самой идентичности. Стоит, однако, отметить, что создание «угрожающего Другого» конструирует соответственно «находящееся под угрозой, виктимизированное Я» (Bilgic, 2013: 200). Эта дихотомия возвращает нас к реалистским концепциям, таким как дилемма безопасности, и усиление идентичности какого-либо социального актора может восприниматься как угроза для идентичности другого актора и стать основанием для конструирования и укрепления собственной идентичности.

Говоря об угрозах в социетальном секторе, следует упомянуть, что источником этих угроз могут служить другие сектора, а сами угрозы могут иметь гибридный характер (Aaltola & Juntunen, 2018: 36). Копенгагенская школа разделяет угрозы социетальной безопасности на три основные категории: 1) миграция (изменение состава населения обуславливает привнесение иных ценностей и традиций, которые могут представлять угрозу идентичности), 2) горизонтальная конкуренция (угроза идентичности происходит из-за возможного культурного или языкового влияния, которое инструментализируется в борьбе за политические, экономические и социальные ресурсы между разными группами) и 3) вертикальная состязательность (угроза идентичности происходит из-за того, что группы подталкиваются к более широкой или более узкой идентичности, например: национальная vs региональная или наднациональная, субнациональная vs наднациональная) (Гласер и Ивлева, 2022; Paul, 2018: 1–7). Иными словами, в профайл угроз для социетальной безопасности попадают многочисленные явления, которые могут оказать влияние на идентичность общества, «стерев» или изменив ее, и подвергнуть сообщество риску физического уничтожения.

Обозначение экзистенциальных угроз в дискурсе социетальной безопасности оказывается критически важным для демаркации «врагов» и «друзей», «Другого» и «Себя» (Baysal, 2020; Stepka, 2022). Конструирование идентичности проистекает из этого дихотомического разделения, которое происходит в процессе секьюритизации.

Теория секьюритизации

Говоря о производстве дискурса безопасности, невозможно не затронуть теорию секьюритизации. Под секьюритизацией «следует понимать процесс производства смысла, глубоко укорененный в дискурсивном контексте, который превращает индивидуальную пропозицию в коллективный доминирующий нарратив» (Морозова, 2016: 114). Несмотря на то, что секьюритизация является социальной практикой внутри политической системы, она предполагает следующее допущение: «секьюритизация сама по себе создает новый социальный порядок, в котором “нормальная политика” вынесена в скобки», и подвергает границы сообществ перестраиванию (Balzacq, 2005: 171; Balzacq, 2019).

В процессе секьюритизации принято выделять несколько составляющих: 1) референтный объект, «который воспринимается как подвергающийся экзистенциальной угрозе и при этом имеющий легитимное право на защиту» и который также «должен быть общепризнанно социально значимым и отсылать, например, к общим ценностям, идентичностям или проблемам, которые находят отклик у большей части целевой аудитории»; 2) секьюритизирующий актер, который именуется угрозой как экзистенциальную для объекта, и 3) аудитория, которую актер должен убедить согласиться с тем, что указываемый им объект действительно подвергается экзистенциальной угрозе и нуждается в защите (Stepka, 2022: 20, Декальчук, 2013: 41). Наличие признания угрозы и права актера на принятие исключительных мер в отношении угрозы «превращает попытку секьюритизации в акт успешной секьюритизации» (Декальчук, 2013: 41). Поскольку успешность секьюритизации в большей степени зависит от секьюритизирующего актера и аудитории, следует задать два вопроса: во-первых, кто может быть секьюритизирующим актером, иными словами, кто формирует дискурс безопасности; во-вторых, каким образом аудитория влияет на этот дискурс и признает нечто в качестве угрозы?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что название чего-либо в качестве угрозы, в соответствии с теорией секьюритизации О. Вевера, является перформативом, то есть таким утверждением, которое «не описывает действительность и не утверждает никаких фактов», а следовательно, «не может быть оценено как истинное или ложное» (Balzacq, 2005: 175). Условием произнесения перформатива становится и «формальное право произносящего совершить посредством говорения какое-то действие», то есть возможность произнесения перформатива зависит от статуса говорящего, его легитимности (Декальчук, 2013: 45). Имея право обозначать угрозы и артикулируя антагонизмы, секьюритизирующий актер контролирует идентичность сообщества, влияя на его чувство незащищенности и внутреннюю согласованность (Stepka, 2022). При этом в свете децентрализации и индивидуализации практик безопасности количество возможных секьюритизирующих акторов не ограничивается государственными актерами. В некоторых подходах предлагается классифицировать секьюритизирующие акторы по степени их авторитетности (Baysal, 2020; Berling et al., 2022). Таким образом, секьюритизация происходит не за счет одного речевого акта, а в результате их совокупности и интересубъективного взаимодействия. Помимо этого, с точки зрения акторно-сетового подхода к секьюритизации секьюритизирующими агентами могут быть не только люди, но и неживые объекты, которые оказывают влияние на реальность: документы, изображения, природные явления и пр. (Salter, 2019; Floyd, 2019; Hansen, 2018). В таком подходе секьюритизацию следует рассматривать как объединение набора ресурсов для стабилизации связи между идентичностью и безопасностью (Salter, 2019).

Переходя ко второму вопросу, следует отметить, что в теории секьюритизации существует интерналистский и экстерналистский подходы, представленные О. Вевером и Т. Бальзаком соответственно (Wæver, 2015; Balzacq et al., 2016). С точки зрения первого подхода именно реакция публики и признание угрозы в качестве таковой должны обозначить успешность попытки секьюритизации. Вместе с тем возникают различия в понимании обязательности реакции публики для успешности секьюритизации, поскольку О. Вевер, отклоняясь от теории речевого акта Дж. Остина, вместо термина «перлокуция», который должен был бы обозначить реакцию аудитории, использует термин «интерсубъективность», которая существует между секьюритизирующим актером и аудиторией, в отличие от перлокуции, даже тогда, когда публика не дает выраженной ответной реакции (Декальчук, 2013: 45).

Любопытна интерпретация доцента Бирмингемского университета Риты Флойд (Таурек), которая указывает на то, что аудитория представляет собой «молчаливое большинство», которое не может быть репрезентировано, а потому «попытка секьюритизации может превратиться в акт успешной секьюритизации практически в одностороннем порядке» (Цитата по: Декальчук, 2013: 46). Автор также подмечает, что речь секьюритизирующего актора оказывается самоадресованной, поскольку она стремится убедить не какую-либо абстрактную публику, а принимающие решения элиты (Декальчук, 2013). Кроме того, Р. Флойд указывает на то, что именно представление об intersubъективном характере связи между секьюритизирующим актором и аудиторией позволяет исследовать возможные варианты реакции аудитории на попытку секьюритизации (Floyd, 2016).

В экстерналистском подходе понимание секьюритизации смещается в сторону контекста. Т. Балзак предлагает соотносить высказывания о безопасности с внешней реальностью, поскольку концепт безопасности «заставляет публику "оглянуться вокруг", чтобы определить условия (предполагаемые угрозы), которые оправдывают его озвучивание» (Balzacq, 2005: 182). Таким образом, секьюритизация рассматривается как прагматическая практика, которая «происходит внутри и как часть конфигурации обстоятельств, включая контекст, психокультурную предрасположенность аудитории и власть, которую как говорящий, так и слушатель приносят во взаимодействие», и которая может считаться успешной, если слова субъекта резонируют с контекстом (Balzacq, 2005: 172).

Ответной реакцией на секьюритизацию может стать и контрсекьюритизация, которая подразумевает представление секьюритизирующего актора в качестве угрозы безопасности и предлагает соответствующей аудитории принять против него чрезвычайные меры, в том числе силового характера (Baysal, 2020). Контрсекьюритизация и ее последствия для социальной безопасности, как, например, прибегание к языку ненависти, дискриминативным дискурсам, усугубление антагонизмов, а также прочие издержки секьюритизации обуславливают необходимость десекуритизации.

Таким образом, теория секьюритизации демонстрирует, каким образом формируется дискурс безопасности. Секьюритизация становится не только процессом демаркации идентичностей за счет конструирования угроз, но и потенциальным источником новых рисков для социетальной безопасности, поскольку, с одной стороны, реальные угрозы могут по каким-либо причинам не быть освещены в дискурсе и замалчиваться, что ведет к риску нереагирования на них; с другой стороны, дискурсивное выстраивание образа «Другого» может привести к определенному социальному взаимодействию между группами. Возможные реальные последствия угроз субъективного характера отображаются в дилемме социетальной безопасности, описанной П. Роем.

Дилемма социетальной безопасности

Дилемма социетальной безопасности основывается на классической дилемме безопасности, которая, в свою очередь, состоит в том, что «действия одного государства, пытающегося повысить свою собственную безопасность, вызывают реакцию второго государства, что, в конечном счете, снижает его (первого государства) собственную безопасность» (Рое, 2000). Вместо взаимодействия государств дилемма социетальной безопасности рассматривает взаимодействие социальных идентичностей и формулируется следующим образом: «дилемма социетальной безопасности может возникнуть, когда действия одного общества, пытающегося повысить свою социетальную безопасность (укрепляя свою собственную идентичность), вызывают реакцию во втором обществе, что, в конечном итоге, снижает его (первого общества) социетальную безопасность (ослабляет его собственную идентичность)» (Рое, 2000).

П. Рое, как и О. Вевер, понимает социетальную безопасность дуально: и как самостоятельную единицу для анализа, и как включенную в государственную безопасность. Ввиду этого, описывая возможные способы реакции на угрозу в рамках дилеммы социетальной безопасности, П. Рое указывает на то, что общества могут либо внести угрозы в повестку дня государственной безопасности, и, таким образом, дилемма социетальной безопасности может легко преобразоваться в классическую дилемму безопасности, либо защищать себя негосударственными средствами, причем он не исключает, что реакция на угрозу идентичности может включать в себя вооруженные методы (Рое, 2007: 171). П. Рое также отмечает спиральную динамику в нарастании конфликта в дилемме социетальной безопасности, подмечая, что, поскольку «другое общество также может быть частью процесса самоидентификации, мое сильное чувство идентичности неизменно будет зависеть от вашего слабого чувства идентичности» (Рое, 2007).

Профессор университета Ламборо (Великобритания) Али Бильгич, критикуя П. Рое, предлагает новую дилемму социетальной безопасности. В частности, он предлагает следующие изменения: во-первых, согласно А. Бильгич, возникновение дилеммы зависит оттого, как акторы понимают политическую структуру, в которой взаимодействуют; во-вторых, он переносит внимание с намерений акторов на те стратегии и инструменты, к которым они обращаются для достижения безопасности; в-третьих, он предполагает в анализе идентичностей проследить то, «как политические акторы с разными политическими интересами конструируют и реконструируют отдельные идентичности, оттесняя другие» (Bilgic, 2013: 193). Особенно важным для дополнения дилеммы социетальной безопасности нам кажется второе изменение, которое предлагает три стратегии разрешения дилеммы социетальной безопасности: стратегию фатализма (нарастание конфликта), стратегию смягчения (установление общих институтов и норм) и стратегию построения общей идентичности (Bilgic, 2013: 196–197).

Таким образом, дилемма социетальной безопасности описывает динамику реагирования идентичностей друг на друга и укрепления одной идентичности за счет ослабления другой, а также указывает на возможность возникновения новых угроз в результате взаимодействия идентичностей.

* * *

В конце XX в. на фоне увеличения роли негосударственных акторов в мировой политике стали изучаться дискурсы безопасности. Начало этому положила Копенгагенская школа, предложившая пять секторов безопасности, связанных с наиболее актуальными дискурсами. Одним из секторов стала социетальная безопасность, понимаемая и как сохранность устойчивости и воспроизводимости идентичности обществ, и как непосредственно отсутствие угроз физическому существованию обществ. Различие подходов к определению социетальной безопасности состоит в ее положении относительно государственной безопасности: если Б. Бузан считает социетальную безопасность сектором государственной, а О. Вевер предлагает рассматривать ее одновременно и как часть государственной, и как противоположность ей, то в других подходах социетальная безопасность рассматривается как включающая в себя государственную, проникающая во все сферы безопасности.

Вне зависимости от подхода к определению социетальной безопасности центральными категориями для ее осмысления становятся идентичности и их антагонизм, который одновременно и служит контекстом для конструирования дискурса безопасности, и конструируется в этом дискурсе за счет называния референтных объектов безопасности и угроз, атрибутирующихся носителю идентичности и «Другому» в процессе секьюритизации. Возможность называния угроз и референтных объектов, а следовательно, переписывания идентичности в дискурсе социетальной безопасности отводится секьюритизирующему актору. Развитие подходов к теории секьюритизации, однако, демонстрирует, что все большее количество акторов могут стать секьюритизирующими; отдельно подчеркивается роль предметов и явлений в формировании дискурса безопасности.

Вместе с тем отмечается важность согласия аудитории с обозначенными референтными объектами и угрозами и их соответствие контексту для того, чтобы они закрепились в дискурсе безопасности. Секьюритизация не только позволяет демаркировать идентичности и произвести дискурс социетальной безопасности за счет их антагонизации, но и может стать источником дополнительных угроз для социетальной безопасности. Динамика реагирования идентичностей друг на друга и укрепления одной идентичности за счет ослабления другой нашла свое выражение в дилемме социетальной безопасности.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 075-00870-23-08 от 5 сентября 2023 г., выполняемого ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», научная тема «Отражение ценностных ориентиров в текстах пользователей социальных сетей: лингвосолемастический анализ» (FSZG-2023-0016).

Список литературы / References

Гласер, М. А., Ивлева, М. И. (2022) 'Социетальная безопасность и религия в пост-колониальной Африке', *Государство, религия, церковь в России и за*

рубежом, 40 (3), сс. 136–167. [Glaser, M. A., Ivleva, M. I. (2022) 'Societal security and religion in post-colonial Africa' [Societal'naya bezopasnost' i religiya v

- postkolonial'noj Afrike], *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40 (3), pp. 136–167. (In Russ.).
- Декальчук, А. А. (2013) 'Проникновение философских концепций в теорию международных отношений (Случай теории речевых актов Джона Остина и теории секьюритизации Оле Вевера)', *Философские науки*, 8, сс. 39–50. [Dekalchuk, A. A. (2013) 'Penetration of philosophical concepts into the theory of international relations (The case of John Austin's theory of speech acts and Ole Wever's theory of securitization)' [Proniknovenie filosofskikh koncepcij v teoriyu mezhdunarodnykh otnošenij (Sluchaj teorii rechevykh aktov Dzhona Ostina i teorii sek'yuritizacii Ole Vevera)], *Filosofskie nauki*, 8, pp. 39–50. (In Russ.).]
- Морозова, Н. Н. (2016) 'Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности', *Политическая лингвистика*, 1, сс. 111–120. [Morozova, N.N. (2016) 'Security as a speech act and discursive practice: on the issue of constructing political identity' [Bezopasnost' kak rechevoj akt i diskursivnaya praktika: k voprosu o konstruirovanii politicheskoy identichnosti], *Politicheskaya lingvistika*, 1, pp. 111–120. (In Russ.).]
- Романова, А. П. (2021) 'Концепция societal безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы', *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 1, сс. 55–65. [Romanova, A. P. (2021) 'The Concept of Societal Security: Theory, Discussions, and Caspian Perspectives' [Konceptija societal'noj bezopasnosti: teorija, diskussija i kaspijskie perspektivy], *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety&Security*, 1, pp. 55–56. (In Russ.).]
- Сергунин, А. А. (2021) 'Социетальная безопасность в регионе Балтийского моря: российская перспектива', *Балтийский регион*, 13 (3), сс. 4–24, DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-1. [Sergunin, A. A. (2021) 'Societal security in the Baltic Sea region: the Russian perspective' [Societal'naja bezopasnost' v regione Baltijskogo morja: rossijskaja perspektiva], *Baltic Region*, 13 (3), pp. 4–24. (In Russ.).]
- Aatola M., Juntunen T. (2018) 'Nordic model meets resilience – Finnish strategy for societal security' in Aatola, M. et al. (eds.) *Societal security in the Baltic Sea region: expertise mapping and raising policy relevance*. Latvian Institute of International Affairs, pp. 26–42.
- Ahmadian, H. (2019) 'Societal (in)security in the Middle East: radicalism as a reaction?' in Koch, B., Stivatchtis, Y. A. (eds.) *Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Issues*. Bristol: E-International Relations, pp. 45–60.
- Albert, M., Buzan, B. (2011) 'Securitization, sectors and functional differentiation', *Security Dialogue*, 42 (4-5), pp. 413–425, DOI:10.1177/0967010611418710
- Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016) "'Securitization" revisited: theory and cases', *International Relations*, 30(4), pp. 494–531, DOI: 10.1177/004717815596590
- Balzacq, T. (2019) 'Securitization theory: Past, present, and future', *Polity*, 51(2), pp. 331–348, DOI: 10.1086/701884
- Balzacq, T. (2005) 'The three faces of securitization: Political agency, audience and context', *European journal of international relations*, 11 (2), pp. 171–201, DOI:10.1177/1354066105052960
- Baysal, B. (2020) '20 Years of Securitization: Strengths, Limitations and A New Dual Framework', *International Relations*, 17(67), pp. 3-20, DOI: 10.33458/uidergisi.777338
- Berling, T., Gad, U., Petersen, K., Wæver, O. (2022) *Translations of security: A framework for the study of unwanted futures*. Taylor & Francis.
- Bilgic, A. (2013) 'Towards a new societal security dilemma: comprehensive analysis of actor responsibility in intersocietal conflicts', *Review of International Studies*, 39 (1), pp. 185–208, DOI:10.1017/S0260210512000095
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner.
- Buzan, B. (1991) 'New patterns of global security in the twenty-first century', *International affairs*, 67 (3), pp. 431–451, DOI:10.2307/2621945
- Buzan, B. (1983) *People, States and Fear; The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B. (1993) 'Societal security, state security and internationalisation' in Wæver, O. et al. (eds.) *Identity, migration and the new*

- security agenda in Europe*. London: Pinter, pp. 41–58.
- Floyd, R. (2016) 'Extraordinary or ordinary emergency measures: what, and who, decides the "success" of securitisation?', *Cambridge Review of International Affairs*, 29 (2), pp. 677–694, DOI: 10.1080/09557571.2015.1077651
- Floyd, R. (2019) 'States, last resort and the obligation to securitize', *Polity*, 51(2), pp. 378–394, DOI: 10.1086/701886
- Guzzini, S. (2022) "'Vision of Itself" in Foreign Policy Analysis: From the Role of Ideas to Identity and Recognition', *Teoria Polityki*, 6, pp. 33–57. DOI:10.4467/25440845TP.22.001.16001
- Hama, H. (2017). 'State Security, Societal Security, and Human Security', *Jadavpur Journal of International Relations*, 21 (1), pp. 1–19, DOI:10.1177/0973598417706591
- Hansen, L. (2018) 'Images and International Security' in Gheciu, A., Wohlforth, W. C. (eds.) *The Oxford Handbook of International Security*. Oxford University Press, pp. 593–606.
- Høyland, S. A. (2018) 'Exploring and modeling the societal safety and societal security concepts—A systematic review, empirical study and key implications', *Safety science*, 110, pp. 7–22. DOI: 10.1016/j.ssci.2017.10.019
- Paul, S. (2018) 'Societal security' in Romaniuk, S., Marton, P. (eds.) *The Palgrave Encyclopedia of Global Security Studies*. Palgrave Macmillan, pp. 1–7.
- Rhinard, M. (2020) 'Societal security in theory and practice' in Larsson, S., Rhinard, M. (eds.) *Nordic Societal Security: Convergence and Divergence*. Routledge, pp. 22–42.
- Roe, P. (2007) 'Societal security' in Collins, A. (ed.) *Contemporary security studies*. New York: Oxford University Press, pp. 164–181.
- Roe, P. (2000) 'Societal security dilemma' in Hyde-Price, A., Aggestam, L. (eds.) *Security and Identity in Europe: Exploring the New Agenda*. Houndmilles: Macmillan. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/rop01/#note* (Accessed: 9 December 2023)
- Salter, M. B. (2019) 'Security actor-network theory: Revitalizing securitization theory with Bruno Latour', *Polity*, 51 (2), pp. 349–364, DOI: 10.1086/701885
- Stepka, M. (2022) 'The Copenhagen School and Beyond. A Closer Look at Securitisation Theory' in *Identifying Security Logics in the EU Policy Discourse: The "Migration Crisis" and the EU*. Cham: Springer International Publishing, pp. 17–31.
- Sundelius, B., Eldeblad, J. (2023) 'Societal Security and Total Defense', *PRISM*, 10(2), pp. 92–111. Available at: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3323928/societal-security-and-total-defense-the-swedish-way/> (Accessed: 9 December 2023)
- Vitkus, G. (2018) 'Societal security in Lithuania: what's so different about it?' in Aatola, M. et al. (eds.) *Societal security in the Baltic Sea region: expertise mapping and raising policy relevance*. Latvian Institute of International Affairs, pp. 143–161.
- Wæver, O. (2007) 'Securitization and Desecuritization' in Buzan, B., Hansen, L. (eds.) *International Security*. London: SAGE, vol. 3: Widening Security, pp. 66–98.
- Wæver, O. (1993) 'Societal Security: The Concept' in Wæver, O. et al. (ed.) *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London: Pinter, pp. 17–40.
- Wæver, O. (2015) 'The theory act: responsibility and exactitude as seen from securitization', *International Relations*, 29, pp. 121–127, DOI: 10.1177/0047117814526606d

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 12.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**SECURITY AS A DISCURSIVE PRACTICE: IDENTITY AND THE FORMATION
OF THE DISCOURSE OF SOCIETAL SECURITY**

M. Bogachev, A. Fridman (Lapai)

Maksim Bogachev, Candidate of Sc. (Sociologiya), Associate Professor,
National Research University Higher School of Economics;
Senior Researcher,
Institute of Heritage and Modern Society of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: mbogachev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9980-935. ResearcherID: K-4244-2015).

Anna Fridman (Lapai), Bachelor of International Relations,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: annalapai@gmail.com (ORCID: 0009-0007-6785-4317. ResearcherID: JAX-4362-2023).

Abstract

The article examines the approaches to the definition of societal security in the frame of Copenhagen School theory, its adherents and critics, as well as the elements involved in the formation of societal security discourse. It is noted that societal security was initially identified by the Copenhagen School as a sector of state security, but gradually began to be considered as the security of communities, including those whose borders do not coincide with those of a state. Meanwhile, a number of approaches consider state security as part of societal security and note the societalization of other security sectors. The discourse of societal security is formed under the influence of the societal actors' identities while constructing them, since there is a mutual definition of entities and boundaries of identities relative to each other. This distinction occurs in the securitization process, within which the referent security objects and threats are named. Securitization and the societal security discourse formation are carried out during the interaction of the securitizing actor (or agent) and the audience. Securitization and counter-securitization, while generating the dynamics of interaction between antagonistic identities, each of which seeks to strengthen itself relative to the other, thereby provoking its reciprocal strengthening, constitute a societal security dilemma.

Keywords: security; societal security; securitization; discourse; societal security dilemma; identity; international relations.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [*Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike*], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [*Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya*]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

**For instructions that are more detailed please see:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Вестник Пермского университета.
Политология
2024. Том 18. № 1

Bulletin of Perm University.
Political Science
2024. Vol. 18. № 1

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 22.03.2024.
Выход в свет 27.03.2024.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 19,07
Тираж 500 экз. Заказ 43.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8(342)239-66-36
Полиграфический отдел. Тел. 8(342)239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006